

**МОСКОВСКИЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ:
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

Тезисы и материалы XXII Международной
научной конференции, посвящённой
150-летию Московского педагогического
государственного университета
и 70-летию со дня рождения профессора А. А. Гагаева

г. Покров, 14–16 сентября 2022 г.

Москва • 2022

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»
Покровский филиал

Мозырский государственный педагогический университет
имени И.П. Шамякина (Беларусь)

Южно-Казахстанский государственный педагогический университет
(Казахстан)

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Тезисы и материалы XXII Международной
научной конференции, посвящённой
150-летию Московского педагогического
государственного университета
и 70-летию со дня рождения профессора А. А. Гагаева
г. Покров, 14–16 сентября 2022 г.

Под общей редакцией А. В. Пузырева

Электронное издание сетевого распространения

МПГУ
Москва • 2022

Редколлегия:

- Пузырёв А. В.** – доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор (*отв. редактор*) (г. Покров);
Бойченко Л. В. – кандидат филологических наук, доцент (г. Покров);
Векшин Г. В. – доктор филологических наук, профессор (г. Москва);
Дмитрюк Н. В. – доктор филологических наук, профессор (г. Шымкент, Казахстан);
Кураш С. Б. – кандидат филологических наук, доцент (г. Мозырь, Беларусь)

Рецензенты:

- Александрова Л. Ю.** – кандидат философских наук, заведующая кафедрой «Педагогика и психология дошкольного и начального образования» Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, доцент (Владимир)
Артыкбаева Ф. И. – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, доцент (г. Шымкент, Казахстан)

*Печатается по решению оргкомитета
XXII Международной научной конференции
«Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты»*

Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты : тезисы и материалы XXII Международной научной конференции, посвящённой 150-летию Московского педагогического государственного университета и 70-летию со дня рождения профессора А. А. Гагаева, г. Покров, 14–16 сентября 2022 г. / Под общ. ред. А. В. Пузырёва. [Электронное издание сетевого распространения]. – Москва : МПГУ, 2022. – 219 с. : ил.

ISBN 978-5-4263-1138-1

В сборнике представлены результаты обсуждения вечной проблемы психологии и лингвистики – «Язык и мышление» – в рамках проведённой научной конференции. Особое внимание уделено рассмотрению проблем фоносемантики.

Предназначено лингвистам, психологам, студентам, специалистам смежных областей знания.

УДК 81'2
ББК 81.003я431

СОДЕРЖАНИЕ

Тема «Язык и мышление» развивается: От редколлегии..... 6

К 150-летию Московского педагогического государственного университета

<i>Канд. филол. наук Л.В. Бойченко (Покров)</i> ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ.....	10
<i>Канд. психол. наук, докт. филол. наук А.В. Пузырев (Покров)</i> МОСКВА... КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ... : К ЮБИЛЕЮ УНИВЕРСИТЕТА	15

К 70-летию со дня рождения российского философа Андрея Александровича Гагаева

<i>Докт. пед. наук П.А. Гагаев (Пенза)</i> А.А. ГАГАЕВ. СУБСТРАТНАЯ РЕФЛЕКСИЯ В КЛАССИЧЕСКОЙ И НЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ	41
<i>Канд. философ. наук А. А. Осьмушина (Саранск)</i> КОСМО-ПСИХО-ЛОГОС А. А. ГАГАЕВА	51
<i>Канд. психол. наук, докт. филол. наук А.В. Пузырев (Покров)</i> ЧЕРЕЗ ФОТОГРАФИИ – О СЕМИДЕСЯТИЛЕТИИ БОЛЬШОГО УЧЁНОГО	60

Логико-структурные и функциональные аспекты проблемы язык и мышление

<i>Докт. филол. наук Н.В. Дмитрюк, докторант PhD Р.А. Арынбаева (Шымкент, Казахстан)</i> КОНЦЕПТ ‘ДРУГ’ В АССОЦИАТИВНОМ АВТОПОРТРЕТИРОВАНИИ: РУССКИЕ В РОССИИ И В КАЗАХСТАНЕ	74
<i>Канд. филол. наук Е.А. Зацепина (Москва)</i> ТРЕНДОВЫЕ АНГЛИЦИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КВЕСТ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА.....	78
<i>Канд. психол. наук Т.В. Зеленкова (Орехово-Зуево)</i> О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОБРАЗ МИРА» И «ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА»	89

<i>Студент А.А.Кунгурцев (Покров)</i>	
СОВРЕМЕННЫЕ ПЕСНИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА.....	95
<i>Докт. филол. наук, канд. психол. наук С.В. Мыскин, канд. филол. наук Н.С. Трухановская (Москва)</i>	
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БУЛЛИНГА.....	104
<i>Канд. филол. наук Е.С. Никитина (Москва)</i>	
О ЗНАКОВОСТИ ПУСКОВЫХ МЕХАНИЗМОВ МЫШЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМА, ВОПРОС, ЗАДАЧА	109
<i>Докт. филол. наук И. Г. Родионова (Пенза)</i>	
ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ПЕРСОНАЖА В РАССКАЗАХ К.Г. ПАУСТОВСКОГО	113
<i>Канд. филол. наук В.Л. Соколова (Москва)</i>	
ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСКУРСИВНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	118
<i>Докт. филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)</i>	
К ПРОБЛЕМЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ.....	122
<i>Аспирантка Цинь Мэн (Москва; Шаньдун, Китай), докт. филол. наук И.С. Карабулатова (Москва)</i>	
ВЛИЯНИЕ СПЕЦИФИКИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ПЕРЕВОДНОМ КИНОДИСКУРСЕ: НА МАТЕРИАЛЕ КИНОКОМЕДИИ «СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН» НА РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ	127
<i>Докт. филол. наук В. В. Шмелькова (Пенза), докт. пед. наук Л. П. Мухаммад (Москва)</i>	
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЛОВА <i>БЛАГОПОЛУЧИЕ</i>	136

Педагогические аспекты исследования

языка и мышления

<i>Магистрант А.А. Батигова (Москва)</i>	
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	139
<i>Докт. психол. наук, докт. пед. наук Ю.А. Клейберг (Тверь)</i>	
ОБЩЕННАЯ ЛЕКСИКА В ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	151
<i>Канд. филол. наук И. В. Кузьмич (Санкт-Петербург)</i>	
ЧУЖОЙ И БЫСТРЫЙ: К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НАСТОЛЬНЫХ РОЛЕВЫХ ИГР	164

<i>Канд. пед.наук З.Х. Шафикова (Москва)</i> ЯЗЫК РОБОТА (ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА) КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ТРЕНД В ИНКЛЮЗИВНОЙ ПРАКТИКЕ КОЛЛЕДЖА	168
---	-----

Фоносемантические аспекты исследования

языка и мышления

<i>Канд. филол. наук О.Г. Мукина (Ульяновск)</i> СИНЕСТЕЗИЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ ВИДЕНИЯ МИРА И ЧЕРТА ИНДИВИДУАЛЬНОГО АВТОРСКОГО СТИЛЯ П.А. ВЯЗЕМСКОГО	174
---	-----

<i>Канд. филол. наук Н.Н. Ноланд (Техас, США), канд. филол. н. Е.И. Беседина (Санкт-Петербург)</i> К ВОПРОСУ О ЗВУКОИЗОБРАТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ «ГРЫЗЕНИЯ И ЧАВКАНЬЯ»	180
--	-----

<i>Канд. филол. наук М.А. Флакман, канд. филол. наук Ю.Г. Седёлкина (С.-Петербург)</i> ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА РАЗНЫХ СТАДИЙ ДЕИКОНИЗАЦИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ *	186
--	-----

<i>Канд. филол. наук Е.А. Шамина (Санкт-Петербург)</i> ФОНОСЕМАНТИКА КВАЗИ-ВЕРБАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПЕСЕННОГО ТЕКСТА.....	191
---	-----

Исследование языка и мышления поэта и писателя в художественной речи

<i>Докт. филол. наук Г.В. Векшин (Москва; С.-Петербург)</i> ФОНОСИЛЛАБИКА «РУСАЛКИ» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ЗЕРКАЛЕ ПРОГРАММЫ RHONOTEXT*	196
--	-----

<i>Канд. филол. наук С.Б. Кураш, магистр пед. наук В.И. Марцинкевич (Мозырь, Беларусь)</i> КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДЕТСКОГО И МАТЕРИНСКОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА АНАТОЛИЯ БУТЕВИЧА «БЕСКРЫЛЫЙ АНГЕЛ»)	210
--	-----

Сведения об авторах.....	215
---------------------------------	-----

ТЕМА «ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ» РАЗВИВАЕТСЯ: ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Наша конференция посвящена двум замечательным датам – 150-летию Московского педагогического государственного университета и 70-летию со дня рождения замечательного российского философа Андрея Александровича Гагаева.

В материалах конференции отражены проблематика и результаты исследований в области одной из «вечных» для науки тем – «Язык и мышление», причём в конференции оказались задействованными специалистами-смежники – философы, психологи, лингвисты, педагоги и др.

Объединение усилий учёных-смежников под одной обложкой вызвано несколькими причинами. Самой важной из них является стремление ответить запросу времени преодолеть концептуальную разобщённость учёных различных научных специальностей, их практическое игнорирование друг друга. Думается, что материалы настоящей конференции являются своего рода одной из попыток синтеза различных подходов по отношению к одной и той же проблеме – проблеме взаимосвязей между мышлением человека и его языком (пусть даже попыткой весьма неполной и несовершенной).

При формировании сборника материалов конференции, при распределении поступивших докладов и сообщений по секциям редколлегия по-прежнему исходила из первого правила Рене Декарта «для руководства ума»: «Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих» [Декарт, 1936, с. 49]. Именно поэтому материалы конференции группировались не по принципу рода занятий участников конференции, но по принципу восхождения от абстрактного к конкретному.

Методологической базой для распределения докладов конференции по конкретным аспектам является универсальная схема научного исследования, предложенная в середине 80-х гг. 20-го столетия философом (доктором философских наук, профессором) А.А. Гагаевым.

Первая группа статей представлена материалами, посвящёнными 150-летию Московского педагогического государственного университета, вторая – 70-летию со дня рождения профессора А.А. Гагаева (09.04.1952 – 23.05.2021).

В первой группе статей размещены две статьи, посвящённые 150-летию Московского педагогического государственного университета. Во-

первых, это статья директора Покровского филиала МПГУ – кандидата филологических наук, доцента Людмилы Васильевны Бойченко, рассказывающая об особенностях развития Покровского филиала университета. Вторая статья – доктора филологических наук, кандидата психологических наук проф. А.В. Пузырёва – повествует о личных страницах жизни, связанных с Московским педагогическим государственным университетом.

Вторая группа статей посвящена 70-летию со дня рождения безвременно ушедшего от нас замечательного русского философа – Андрея Александровича Гагаева (09.04.1952 – 23.05.2021).

Замечательного потому, что его работы имеют методологический, фундаментальный, общенаучный характер. Подтверждением этого являются пять докторских диссертаций по различным областям знания, выполненных с использованием того варианта общей теории систем, который был предложен А.А. Гагаевым. Напомним, что уже более двадцати лет материалы конференций под общим названием «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» готовятся к публикации с учётом предложенных А.А. Гагаевым целевых подсистем.

В этой группе статей читатель встретит анализ вклада А.А. Гагаева в развитие философии, положений очерченной им субстратной рефлексии, ознакомится с использованием субстратной рефлексии в лингвистике, педагогике, математике и с библиографией работ ученого (*докт. пед. наук П.А. Гагаев; Пенза*); попытку осмысления Космо-Психо-Логоса А. А. Гагаева, в том числе антропологических характеристик, особенностей гносеологии, логики, онтологии, этики и эстетики, представляющих в совокупности личность и философию Андрея Александровича (*канд. филос. наук А.А. Осьмушина; Саранск*); воспоминания ответственного редактора настоящего сборника о встречах с Андреем Александровичем Гагаевым – берущих начало в далёком 1971 г. (*докт. филол. наук, канд. психол. наук А.В. Пузырев; Покров*).

В самой обширной – третьей по общему счёту – группе статей рассматриваются логико-структурные аспекты и функциональные аспекты проблемы *язык и мышление*. Рассмотрены: языковое сознание русских, проживающих на территории Казахстана и в России в динамике изменившихся социально-экономических условий (*доктор филол. наук Н.В. Дмитрюк, докторант PhD Р.А. Арынбаева; Шымкент, Казахстан*); трендовые англицизмы как лингвистический квест современного русского языка (*канд. филол. наук Е.А. Зацепина; Москва*); соотношение понятий «образ мира» и «языковая картина мира» (*канд. психол. наук*

Т.В. Зеленкова; Орехово-Зуево); лингвопсихологический подход к современным песням (*студент А.А.Кунгурцев; Покров*); психолингвистические проблемы буллинга (*докт. филол. наук, канд. психол. наук С.В. Мыскин, канд. филол. наук Н.С. Трухановская; Москва*); проблемы, вопросы и задачи в связи со знаковостью пусковых механизмов мышления (*канд. филол. наук Е.С. Никитина; Москва*); полупредикативные приложения как средство характеристики персонажа в рассказах К.Г. Паустовского (*докт. филол. наук И. Г. Родионова; Пенза*); дидактический потенциал дискурсивного программирования в преподавании английского языка (*канд. филол. наук В.Л. Соколова; Москва*); проблемы эффективности речевого общения (*докт. филол. наук Г.Г. Хисамова; Уфа*); влияние специфики языка и мышления в переводном кинодискурсе – на русском и китайском языках (*аспирантка Цинь Мэн – Москва, Шаньдун, Китай; докт. филол. наук И.С. Карабулатова – Москва*); лексикографическое представление слова *благополучие* (*докт. филол. наук В. В. Шмелькова; Пенза; докт. пед. наук Л. П. Мухаммад; Москва*).

Интересные проблемы поднимаются в статьях, посвящённых педагогическим аспектам изучения проблемы языка и мышления. В центре внимания авторов находятся: современные теории и технологии обучения иностранному языку (*магистрант А.А. Батигова; Москва*); обценная лексика в подростково-молодежной среде (*докт. психол. наук, докт. пед. наук Ю.А. Клейберг; Тверь*); вопросы перевода настольных ролевых игр (*канд. филол. наук И.В. Кузьмич; Санкт-Петербург*); язык робота (искусственного интеллекта) как инновационный тренд в инклюзивной практике колледжа (*канд. пед. наук З.Х. Шафикова; Москва*).

В материалах конференции традиционно выделены в отдельную секцию-группу фоносемантические аспекты исследования языка и мышления. В её рамках рассмотрены: синестезия как особенность видения мира и черта индивидуального авторского стиля П.А.Вяземского (*канд. филол. наук О.Г. Мукина; Ульяновск*); звукоизобразительность русских диалектных обозначений «грызения и чавканья» (*канд. филол. наук Н.Н. Ноланд; Техас, США; канд. филол. н. Е.И. Беседина; Санкт-Петербург*); звукоизобразительная лексика английского языка разных стадий деиконизации (*канд. филол. наук М.А. Флакман, канд. филол. наук Ю.Г. Седёлкина; С.-Петербург*); фоносемантика квази-вербальных элементов песенного текста (*канд. филол. наук Е.А. Шамина; Санкт-Петербург*).

Редколлегия сочла возможным выделить в отдельную группу материалы, посвящённые исследованию языка и мышления поэта и писателя в художественной речи. Это обширное исследование докт. филол. наук

Г.В.Векшина фоносиллабики «Русалки» М.Ю. Лермонтова в зеркале программы Phonotext (Москва, С.-Петербург); а также исследование концепта «Ребёнок» в рассказе Анатолия Бутевича «Бескрылый ангел» (канд. филол. наук С.Б. Кураш, магистр пед. наук В.И. Марцинкевич; Мозырь, Беларусь).

Завершается сборник материалов XXII-й Международной научной конференции, посвящённой 150-летию Московского педагогического государственного университета и 70-летию со дня рождения замечательного русского философа Андрея Александровича Гагаева (Покров, 14–16 сентября 2022 г.), краткими сведениями об авторах-докладчиках.

Как это уже традиционно в истории проведения конференций «Язык и мышление: психологический и лингвистический аспекты», материалы конференции опубликованы к началу её проведения.

Редколлегия считает своим долгом оговориться, что при подготовке к опубликованию доклады и сообщения подвергались минимальной правке, они публикуются в авторской редакции, и ответственность за уровень преподнесения, как это и принято в научном мире, полностью ложится на плечи авторов.

А.В. Пузырёв

К 150-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

*Канд. филол. наук Л.В. Бойченко (Покров)
f_pokrov@mpgu.su*

ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Аннотация. В статье говорится о Покровском филиале МПГУ. Покровский филиал МПГУ много лет является образовательным, культурным, просветительским, духовно-нравственным центром межрегионального значения. За годы существования он внес значительный вклад в формирование интеллектуального потенциала региона. Развитая материальная база, наличие бюджетных мест, доступная стоимость обучения, высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав – всё это делает филиал привлекательным для перспективной молодежи.

Ключевые слова: Покровский филиал МПГУ, образовательная деятельность, научно-исследовательская деятельность, учебно-воспитательный процесс, духовно-нравственное воспитание, нравственно-эстетическое воспитание, педагогическое образование.

*Candidate of Philological Sciences L.V. Boychenko (Pokrov)
f_pokrov@mpgu.su*

FROM THE ORIGINS TO THE PRESENT DAY

Abstract. The Pokrov branch of Moscow Pedagogical State University through years presents to be Educational, Cultural, Spiritual and Moral Center both municipal and regional importance. Over the years it contributes to developing regional intellectual potential. Student dormitories, available cost, state-funded places and highly experienced professors – all these factors make University attractive to the young.

Key words: The Pokrov branch of Moscow Pedagogical State University, educational activities, research activities, educational process, spiritual and moral education, moral and aesthetic education, pedagogical education

Покровский филиал представляет собой пример того, как в наше непростое время, связанное с серьезными трансформациями, с утратой многих традиционных ценностей, с разрушением привычной модели образования удастся наращивать и приумножать богатый педагогический, научный, человеческий потенциал. Филиал начинался как представительство Московского государственного открытого педагогического университета, которое занимало несколько аудиторий в Покровском педагогическом училище в далеком 1997 г. За короткое время благодаря энтузиазму, жизненной энергии основателя и первого директора Василия Федоровича Козлова был построен научный городок, очень удобный для учебы. В 2001 г. на базе представительства создан Покровский филиал Московского государственного открытого педагогического университета имени М.А. Шолохова. В 2006 г. филиал переименован в Покровский филиал государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова». В 2015 г. вуз реорганизован путем присоединения к ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Покровский филиал МПГУ расположен в г. Покров Петушинского района Владимирской области и является единственным представителем педагогического вуза в регионе.

Покровский филиал МПГУ много лет является образовательным центром не только городского, но и межрегионального значения. За годы своего существования он внес значительный вклад в формирование интеллектуального потенциала региона. Выпускники Покровского филиала университета успешно работают в организациях и на предприятиях нашей страны и за рубежом.

За это время филиал подготовил более 7000 специалистов разных направлений подготовки: педагогическое образование, специальное (дефектологическое) образование, психология, дизайн, прикладная информатика, юриспруденция, государственное и муниципальное управление.

Среди выпускников есть те, кто достиг высоких спортивных достижений:

1. Курбатов Александр Владимирович, ныне глава администрации Петушинского района.

2. Сулоева Лилия Валентиновна, в настоящее время заместитель главы администрации г. Покров.

3. Манаенков Сергей Дмитриевич, сегодня заместитель начальника Управления по вопросам миграции МВД России.

4. Чарчян Ольга Григорьевна, руководитель детского сада «Рубин» в г. Берлин («Rubin», Berlin).

Филиал имеет развитую материально-техническую базу. На земельном участке 7`704 кв.м. расположены 7 корпусов общей площадью 3`042,5 кв.м., находящихся в оперативном управлении, из них: 4 учебных корпуса, гостиница для преподавателей, музей С.И. Фуделя (писатель-земляк, философ, богослов), храм-часовня имени Сергия Радонежского.

В учебных корпусах расположены: библиотека, столовая, актовый зал, психолого-педагогическая лаборатория, криминалистическая лаборатория, зал судебных заседаний, оборудованы 3 компьютерных аудитории, выставочный зал художественных работ и декоративно-прикладного искусства, мастерские для студентов-художников, оборудованные керамическими печами, гончарным кругом, станками по обработке дерева. Все аудитории оснащены мультимедийным оборудованием.

Филиал осуществляет образовательную деятельность по программам бакалавриата по следующим направлениям подготовки: «Психология», «Государственное и муниципальное управление», «Специальное (дефектологическое) образование», «Юриспруденция», «Прикладная информатика», «Педагогическое образование» (профили: иностранный язык, изобразительное и декоративно-прикладное искусство, экономика, информатика, начальное образование, дошкольное образование), «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки» (профили: экономика и право, дошкольное и начальное образование, русский язык и иностранный язык, история и иностранный язык).

В филиале осуществляют образовательную деятельность Кафедра гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин, Кафедра управления, экономики и права. Доля научно-педагогических работников, имеющих ученые степени и ученые звания, составляет 82%.

Эффективно развивается дополнительное образование. Обучение проводится по программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

В филиале успешно обучаются иностранные студенты из Азербайджана, Беларуси, Германии, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины.

Работает Локальный центр тестирования иностранных граждан с правом выдачи сертификатов на знание русского языка как иностранного.

Научно-исследовательская деятельность ведется по 5-ти направлениям: «Психолого-педагогические аспекты самоорганизации личностного потенциала», «Социокультурные основания инновационных технологий в области образования», «Современные программы управления процессами

самоорганизации факторов гражданского сообщества в области образовательной деятельности», «Управление развитием муниципального образования и внедрение современных кадровых технологий», «Актуальные проблемы и тенденции развития современных гуманитарных наук и правоприменительной практики».

Научная деятельность включает такие направления как научно-исследовательская, научно-методическая работа, подготовка монографий, сборников научных статей и подготовка научных кадров.

Большая роль в организации научной деятельности духовно-нравственной направленности принадлежит созданным на базе филиала Лингвофилософскому клубу «Покровский диалог» и Научно-образовательному центру духовно-нравственного воспитания.

По инициативе Научно-образовательного центра духовно-нравственного воспитания на территории филиала 7 марта 2018 г. открыт музей С.И. Фуделя, православного богослова, философа, духовного писателя, литературоведа. Ежегодно 7 марта, в день памяти С.И. Фуделя, Покровский филиал МПГУ проводит межрегиональные научно-практические конференции, посвященные его творчеству.

С 2019 г. Покровский филиал МПГУ принимает участие в международном научно-образовательном проекте «Языковые и межкультурные коммуникации в глобальном мире». В рамках проекта ежегодно проводятся научные конференции «Европа и современная Россия: интегративная функция науки в едином образовательном пространстве» совместно с Мальтийским филиалом Швейцарского института туризма и языков, а также ICTQ Centre for English excellence (Республика Мальта) на основании заключенных договоров о сотрудничестве.

Организация воспитательного процесса является социально значимым и важным направлением филиала. Основными направлениями являются: патриотическое, духовно-нравственное, физическое, нравственно-эстетическое воспитание студенчества, формирование культуры здорового образа жизни и др.

Эффективно работает студенческое самоуправление, представленное Студенческим советом и Студенческим научным обществом. На базе Покровского филиала МПГУ организована Студенческая Волонтерская организация (СВО). Студенты филиала принимают активное участие в городских, районных и областных мероприятиях.

Ежегодно сборная команда филиала участвует в «Сретенском турнире», организованном Александровской и Юрьев-Польской епархией. Турнир представляет собой спортивные и интеллектуальные состязания. В

филиале проводится работа, направленная на оздоровление и вовлечение студенческой молодежи в регулярные занятия по физической культуре и спорту. Проводятся спортивные соревнования среди студентов по волейболу и мини-футболу. Также элементы физической активности присутствуют при встрече праздника Масленицы, где зрители имеют возможность быть не только в роли наблюдателей, но и активно участвовать в молодецких забавах, представляющих собой комплекс традиционных народных игр.

По инициативе Студенческого совета Покровского филиала МПГУ в марте 2021 г. был открыт Клуб настольных игр Покровского филиала МПГУ «GameFox». Клуб является одной из форм студенческого досуга и создан в целях развития интеллектуальных способностей студентов, навыков командной работы и лидерских качеств, развитию их социальной активности и нестандартного мышления.

Значительный вклад в духовно-нравственное воспитание студенчества осуществляют представители Александровской и Юрьев-Польской епархии Русской Православной Церкви.

В период нахождения в составе МПГУ у филиала появились новые яркие возможности по развитию и популяризации педагогического образования во Владимирской области: в школах района реализуется программа «Педагогический класс», созданы интересные проекты, расширены деловые связи, открыты перспективные направления подготовки бакалавриата в рамках существующей лицензии. Проводятся различные виды практик с учетом эффективного сочетания традиционных и цифровых форм образования, реализуется воспитательный компонент, направленный на формирование гармонично развитой и социально ответственной личности.

В библиотечную систему внедрено новое программное обеспечение, значительно увеличился библиотечный фонд, созданы электронный каталог и электронная библиотека, полностью обеспечивающая учебно-воспитательный процесс и научно-исследовательскую деятельность филиала в условиях модернизации образования.

Главное богатство Покровского филиала – это люди: преподаватели, студенты, учебно-методический состав, технические работники. Объединенными усилиями создана атмосфера, в которой хочется трудиться, учиться, и это дает повод с оптимизмом смотреть в будущее.

Литература

Страница сайта Покровского филиала МПГУ. URL: <http://mpgu.su/obmpgu/struktura/filialyi/pokrovskiy-filial/> (дата обращения: 12.05.2022).

References

Stranica sajta Pokrovskogo filiala MPGU. URL: <http://mpgu.su/ob-mpgu/struktura/filialyi/pokrovskiy-filial/> (дата обращения: 12.05.2022)

Канд. психол. наук, докт. филол. наук А.В. Пузырев (Покров)
puzyrev-a-v@yandex.ru

МОСКВА... КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ... : К ЮБИЛЕЮ УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация. В статье содержатся воспоминания о начале научной карьеры автора статьи в процессе прохождения ФПК в МПГИ им. В.И.Ленина, в ходе защиты в этом же институте своей первой – кандидатской – диссертации в 1981 г. Рассказывается об общении с известными лингвистами, в том числе профессорами МПГИ им. В.И. Ленина Н.В. Черемисиной, Т.Н. Кандауровой, Л.В. Николенко, И.Г. Добродомовым и другими.

Ключевые слова: МПГИ, факультет повышения квалификации, В.Н. Перетрухин, М.А. Корчиц, Н.В. Черемисина, Т.Н. Кандаурова, Л.В. Николенко, И.Г. Добродомов, защита кандидатской диссертации.

Candidate of Psychology, Doctor of Philology A. V. Puzyrev (Pokrov)

MOSCOW... HOW MUCH WITHIN THAT SOUND THERE LIES: TO THE JUBILEE OF THE UNIVERSITY

Abstract. The article contains memories of the beginning of the scientific career of the author while he was doing the course at the Faculty of the Professional Development in Moscow State Pedagogical Institute of V. I. Lenin and defending his thesis in 1981. The article tells us about the author's communication with famous linguists, including professors of Moscow State Pedagogical Institute of V.I Lenin: N.V. Cheremisina, T.N. Candaurova, L.V. Nikolenko, I.G.Dobrodomov and others.

Key words: Moscow State Pedagogical Institute, Faculty of the Professional Development, V.N Peretruhin, M.A. Kortchits, N.V. Cheremisina, T. N. Candaurova, L. V.Nilolenko, I. G. Dobrodomov, thesis defense

Волею судеб в настоящее время я работаю в Покровском филиале Московского педагогического государственного университета, ранее называвшегося Московским государственным педагогическим институтом имени В.И.Ленина. МПГУ в этом году исполняется 150 лет...

Мало кто знает, что начало моей научной (собственно лингвистической) деятельности в значительной мере связано именно с этим университетом.

1976-й год, осень. Меня, молодого преподавателя, от кафедры русского языка Пензенского пединститута направили в МГПИ им. В.И.Ленина на ФПК – на Факультет повышения квалификации. Была такая в советское время форма обучения вузовских преподавателей – когда они обязаны были раз в пять лет (обычно перед конкурсом) выезжать в центральные вузы страны и там повышать свою квалификацию.

Особенность моей ситуации заключалась в том, что одновременно с обучением на ФПК я должен был сдать кандидатский экзамен по русскому языку – что служило пропуском в аспирантуру по русскому языку, которой руководил профессор В.Д.Бондалетов.

Москва произвела тогда колоссальное впечатление. Так-то в ней я бывал и раньше, причём неоднократно – но всегда проездом. А тут оказался в ней один – на целых четыре месяца!

Кафедрой русского языка МГПИ тогда руководил Леонард Юрьевич Максимов, в моём тогдашнем восприятии – «небожитель». Впрочем, так к нему – как к небожителю – относились и многие курсанты ФПК.

При ФПК было своё общежитие – на улице Космонавтов (район метро ВДНХ), и почти каждое утро мы шли на метро и ехали на Фрунзенскую, где в главном корпусе и проходило священнодействие – знакомство с последней научной мыслью в исполнении профессоров кафедры русского языка. Были у нас и свободные дни – как было сказано, для знакомства с московскими библиотеками (прежде всего с Ленинкой, сейчас – Российская государственная библиотека).

В Ленинке я проводил много времени – просто потому, что нигде кроме как там я не мог познакомиться со всеми тремя редакциями поэмы И.Л. Сельвинского «Улялаевщина» (её я выбрал для анализа ономастических преобразований в поэме).

Иногда ездил в МГУ – на лекции по фонетике Михаила Викторовича Панова и на практические занятия спецсеминара этого известнейшего лингвиста. Вход на его занятия был открыт для всех желающих, и я этой возможностью активно пользовался. И когда затем, будучи уже кандидатом наук, смог раздобыть экспериментальные учебные материалы в 4-х

частях по русскому языку, сразу же вспомнил свои посещения занятий пановского спецсеминара в 1976-м г. Но встречи с М.В. Пановым – отдельная тема, к которой когда-нибудь вернусь.

В комнате общежития нас было трое. Кроме меня – Валентин Николаевич Перетрухин, доцент Белгородского пединститута (сейчас университет), и Михаил Александрович Корчиц, тоже доцент – но Гродненского пединститута (сейчас – Гродненский государственный университет им. Я. Купалы). Оба мне казались полунебожителями. В большей степени – Валентин Николаевич. На тот момент он уже был известен как автор учебника по «Введению в языкознание» – учебника, который мне очень нравился сочетанием научности и простоты изложения.

Впечатление от полунебожителя портилось тем, что Валентин Николаевич отчаянно курил – и это в советское время, когда ещё в школе знали, что капля никотина убивает лошадь! Он выбрал себе койку у окна – как сам заявил, чтобы ближе быть к форточке, в которую и пускал свой дым. Хотя я разместился около двери – но мне это не помогло, потому что всё равно табаком пропах насквозь...

Фотографий того времени у меня не сохранилось. Воспользуюсь той, что нашёл в Интернете. Третий мужчина справа – это он, В.Н. Перетрухин, и, кстати, с курительными принадлежностями в руках.

Я был на предзащите Валентина Николаевича – своего рода отчёте по итогам ФПК. Не на все вопросы о семантике сочинительных союзов он смог тогда сформулировать свои ответы. Помню, что Михаил Александрович Корчиц выступал в защиту В.Н., пользовался при этом человечески оправдывающими доводами этического характера.

Сам Михаил Александрович занимался синтаксическими конструкциями с деепричастием «будучи». «На этом докторскую не сделаешь!» – как-то обронил мне Валентин Николаевич. Вообще, все мы трое (и я в том числе) были заточены на занятия наукой.

Лично я пошёл на спецсеминар Нинели Васильевны Черемисиной. Меня всегда больше тянуло в литературу. Более того, ещё находясь на срочной службе в армии, мечтал стать литературоведом, как отец... Но отец, тогда уже завкафедрой литературы и первый доктор филологических наук по литературоведению в Пензенском пединституте, заявил: «Нечего плодить семейственность!» И я пошёл в лингвистику. А поскольку мой будущий научный руководитель был главой научной ономастической школы в Пензе, постольку ономастикой должен был заниматься и я. Сейчас я воспринимаю тогдашнее стечение обстоятельств как один из самых больших подарков судьбы...

Меня интересовала ономастика в поэзии, и потому как большой подарок – уже в ходе сдачи кандидатского экзамена – получил название своей будущей работы («Собственные имена в поэтической речи»).

Для спецсеминара у Н.В.Черемисиной я выбрал тему «Собственные имена в поэме И. Сельвинского "Улялаевщина"». В своей работе на ФПК сопоставил три редакции этой поэмы. Обнаружил, что именник первой и второй редакций почти не различаются, но третья редакция отразилась в функционировании собственных имён значительно серьёзней.

Помню, в своём выступлении на семинаре зачитывал некоторые, весьма рискованные отрывки из первой редакции – и Нинель Васильевна озадаченно протянула: «Да-а уж!» Её озадаченность мною связывалась и связывается с тем, что первая редакция была динамичней, красочней, но при этом наименее «советской». А шёл, напомним, 1976-й год.

Любопытный момент. По итогам обучения на ФПК я написал статью на тему своего доклада (у меня до сих пор хранятся и статья, и материалы к ней). Обработанный материал составил более двух тысяч имяупотреблений. Показал затем своему научному руководителю. Он посмотрел мою статью и сказал: «Это печатать нельзя!» В результате – в качестве следов проделанной в течение четырёх месяцев на ФПК работы – у меня остались в кандидатской диссертации всего треть страницы (цитирую):

«Влияние звуковых повторов на семантику СИ сказывается:

1) в выражении собственным именем не столько единичного, сколько общего (родового) понятия,

2) в поэтической этимологизации СИ, т.е. в его контекстуальной семантико-фонетической монтировке,

3) в стихотворном приращении к лексическому значению имени тех или иных поэтических коннотаций,

4) в уходе СИ в семантическую речь при передаче звуковыми повторами длительности, процессуальности и/или индивидуальной прикреплённости описываемого (вспоминаемого, представляемого) действия.

1. Батька денежки прижимает,
Ручку вежливо пожимает,
Но с тендера что-то кричит кочегар,
О расписании беспокоясь –
И чёткой чечёткой через Чаган
Помчался в чаду
мимо дач –

поезд.

И. Сельвинский. Улялаевщина

Влияние инструментовки здесь усиливается тем, что название реки поэт не сопроводил её описанием, которое сделало бы топоним информативным. В звукоподражательной инструментовке на ч, т, к, передающей «стук железных колёс» (И. Сельвинский 1962: 141), гидроним утрачивает индивидуальную прикреплённость («приток Урала») и обозначает географическое место вообще. Достижение этого эффекта подтверждается сравнением изданий поэмы. При всех изменениях смысловой и ритмической выразительности отрывка звукопись в нём сохранялась. Осталось неизменным и её назначение – передать стук железнодорожных колёс, тем самым создавая условия для выражения именем общего (родового понятия)».

У меня тогда невольно возникла ассоциация науки с поэзией:

Поэзия –
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.

Самое большое впечатление на меня произвела докторская диссертация Нинели Васильевны Черемисиной. Когда – в диссертационном зале – я взял в руки этих два тяжелых тома, я отчётливо понял, что меня в дальней перспективе ожидает. Там, в глубине души, я всегда знал, что когда-нибудь стану доктором наук. Строго говоря, это знание базировалось на двух материнских внушениях: «Дети должны быть лучше своих родителей!» и «Это будущий профессор на горшке сидит!» Второе утверждение, как нетрудно понять, относится к самым ранним моим детским годам.

Понимание трудоёмкости научного труда основывалось у меня и на другом зримом примере – отец у меня был тоже доктором наук. Его докторская «Проблемы истории русской советской литературы на Дальнем Востоке (1917-1941 гг.)» составляла три тома. Поэтому «уход» из моего ономастического материала поэмы И.Л. Сельвинского «Улялаевщина» я в значительной мере воспринял философски. В результате моя – на тот момент будущая – кандидатская по поэтической ономастике только выиграла. Она стала основываться на бесспорном стихотворном материале – на классической поэзии А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, В.В. Маяковского, С.А. Есенина, А.Т. Твардовского.

Возвращаясь к разговору о докторской диссертации Н.В. Черемисиной, скажу, что она поразила не только и не столько своим

объёмом в страницах. В её работе, полагаю, содержится масса недоработанных идей, ждущих своего развития и продолжения. Это идея «золотого сечения» в художественной литературе, идея различения первичного и вторичного ритма, смысловых взаимосвязей рифмокомпонентов и т.д., и т.д.

Мне близка по своей направленности и общенаучная позиция Нинели Васильевны, связывавшей проблемы поэтики со смежными проблемами других наук (в том числе даже музыковедения). Этот – предельно общенаучный – подход импонировал мне всегда. И позднее – реализовал его сам в своём докторском диссертационном исследовании («Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления»).

Сам я зачитывался её киевской монографией «Вопросы эстетики русской художественной речи». Давал почитать её своим аспирантам (мною подготовлено восемнадцать кандидатов наук). Затем эта монография таинственным образом исчезла. Кто-то, наверно, зачитал... Киевскую монографию Нинели Васильевны я бы с удовольствием перечёл ещё раз!

Был я в 1976-м г. неженатый, влюбчивый и писал стихи. Некоторые из них содержатся в моём стихотворном сборнике «Только про любовь». Именно к той поре относится моё стихотворение про зайку – «Сказка про любовь»...

В общем, жизнь бурлила и кипела... что, конечно, сказалось на качестве моей подготовки к кандидатскому экзамену по русскому языку. К предстоявшему испытанию отнёсся легкомысленно. Хотя на экзамене практическое задание выполнил без всяких замечаний (всё-таки мама, будучи русистом, ещё при поступлении в институт заставила меня разобрать более двухсот предложений усложнённой конструкции, и потому практика грамматического разбора – моё сильное место), но вот теория... подкачала.

Комиссия думала-думала... И поставила «хорошо»! Я был согласен на «удовлетворительно» – с тем, чтобы на следующий год сдать кандидатский лучше. И даже робко выразил это своё мнение. Но оценку поставили мне авансом: кроме меня, на поступление в аспирантуру не было никого, сорвать плановое государственное задание по приёму было чревато неприятностями... И в аспирантуру меня приняли. Любопытно, что аванс был отработан мною с лихвой: я затем не только практически защитил кандидатскую диссертацию в самые сжатые сроки, но и стал впоследствии единственным из работавших тогда на кафедре (кроме В.Д.Бондалетова) доктором наук.

1981-й год, июнь, МГПИ им. В.И. Ленина. Самые яркие впечатления у меня связаны с защитой кандидатской диссертации.

На свою защиту я приехал из Пензы заранее, окрылённый тем, что кафедра русского языка МГПИ дала – на предзащите – высокую положительную мою работу. Предзащита проходила в январе или феврале 1981 г. Было сделано всего лишь два замечания, которые я исправил, а потому пребывал в благодушном настроении.

Благодушие вскоре сменилось состоянием, близким к отчаянию: 1 июня я получил на руки отзыв первого официального оппонента – Игоря Георгиевича Добродомова. Двенадцатистраничный отзыв содержал на первой и последней страницах положительную оценку диссертации, а остальные десять – оглушительную критику, воспринятую мною как уничтожающе издевательскую.

Смятение моё во многом было связано неравновеликостью исходных позиций. С одной стороны – я, совсем зелёный, никому не известный мальчик из Пензы, в науке из себя ничего не представляющий, а с другой – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания. Как я узнал от учёного секретаря диссертационного Совета, он сам вызвался прооппонировать (в качестве первого официального оппонента) мою кандидатскую диссертацию. Членов Совета несколько удивило желание И.Г. Добродомова: всё-таки он был известен в России как тюрколог, а не специалист по поэтике, но на предварительном заседании Совета решили пойти ему навстречу.

Здесь публикую первую и последнюю страницы этого отзыва, а затем – стенограмму заседания диссертационного совета МГПИ, на котором и состоялась моя защита. Стенограмма, заверенная печатью института, чудом сохранилась в моём архиве. Она передаёт многое, но не всё, что тогда происходило на заседании диссертационного совета 15.06.1981 г.

Замечу попутно, что обе свои диссертации (кандидатскую и докторскую) мой отец, Пузырев Владимир Григорьевич, защитил именно в МГПИ им. В.И. Ленина. Я пошёл по стопам отца и свою первую – из трёх – диссертацию тоже защитил в этом институте. Фактически получается так, что этот институт открыл путь в науку и моему отцу, и мне самому.

Но тогда было до этого далеко. У меня был на руках отзыв, уничтожавший на корню всякие мои мысли о будущем в науке... уничтожавший мою ещё не начавшуюся научную репутацию... И я был в растерянности.

Выйти из чрезвычайно сложной ситуации помогла Людмила Васильевна Николенко.

– Вообще-то хорошо, что так много замечаний, – сказала она. – В ВАКе не любят хвалебных отзывов. А потом, не обязательно соглашаться со всеми. С какими-то замечаниями лучше согласиться, в других случаях пообещать подумать (на перспективу), на что-то несущественное не обратить внимания, а по оставшимся замечаниям – обосновать своё мнение, если оно имеется.

Я так и решил построить своё выступление. С частью замечаний согласиться, с другой – подискутировать, а ещё одну группу замечаний вывести на перспективы исследования. В чём-то решил пойти дальше – построить своё выступление в соответствии с требованиями ораторского мастерства. Эти требования были хорошо известны, поскольку одним из партийных поручений в родном вузе было руководство лингвистической секцией ШМЛ (Школы молодого лектора), и я обучал студентов искусству публичного выступления.

Ну а поскольку для ораторского выступления главным было начать его как-то нестандартно, то краткое изложение основных положений диссертации начал словами: «Вообще-то, в моей кандидатской диссертации ничего нового нет!»

Помню реакцию членов диссертационного совета. До этого они сидели, уткнувшись в свои записи, кто-то читал книгу, некоторые из них решили – пользуясь временем заседания диссертационного совета – проверить студенческие работы. А здесь все как один подняли глаза на меня, а кое-кто (точно помню Н.В. Черемисину) отложил студенческие тетради в сторону.

Затем я продолжил: «О собственных именах в поэзии очень много наблюдений. И вроде бы моё исследование тоже можно отнести к одному из очередных наблюдений. Но все имеющиеся носят разрозненный характер. Монографического исследования, которое бы обобщало имеющиеся наблюдения над собственными именами в стихотворной речи, в лингвистике, однако, не существует, и это обстоятельство даёт право говорить о научной новизне проведённого мною исследования».

И уже после этого стал говорить, что, тем не менее, среди результатов моего исследования есть новые, ещё не известные научной общественности, а некоторые результаты можно квалифицировать как научные открытия. Именно к таким открытиям, в частности, относится обнаружение того, что собственные имена в стихе более чем в 95-ти процентов случаев входят в звуковые повторы, превышающие рамки речевого фона...

Замечу попутно, что именно это открытие было развито мною в последующие годы в рамках уже докторского исследования – «Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления».

Сказать, что члены совета меня слушали, – это ничего не сказать! Они слушали очень внимательно...

Наиболее динамичной частью моей защиты стали ответы на замечания уважаемого И.Г. Добродомова. Я очень быстро согласился с его бесспорными (и, честно сказать, не самыми существенными) замечаниями, кое-что отнёс на несовершенство своего стиля, в некоторых случаях обозначил нарочитую покорность и даже беспомощность, а в остальных случаях обосновал справедливость своей, а не моего оппонента позиции.

Помню, что члены совета частенько поглядывали на Игоря Георгиевича, а когда я покорно заявил, что, несмотря на стилистическую неудачность многих из лингвистических терминов, я всё-таки предпочёл пользоваться ими, нежели придумывать свои, а обойтись же совсем без терминов у меня не хватило смелости, – они чуть ли не смеялись в голос.

Сам профессор сидел потный, красный, и – наверно от яркого июньского солнца – ему было очень жарко. Было заметно, что ему неудобно... На улице на самом деле было жарко...

Помнятся все детали этого события – защиты первой кандидатской диссертации – потому, что это был мой прорыв в науку! Психология успеха рекомендует запоминать свои вершины, чтобы можно было двигаться дальше... А моя защита стала для меня несомненным успехом. Как сказала при встрече – много лет спустя – Людмила Васильевна Николенко, мою защиту вспоминали на кафедре русского языка лет пятнадцать – двадцать.

За присуждение ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 (русский язык) члены Совета проголосовали единогласно.

А сейчас – как было обещано – первая и последняя страницы отзыва проф. И.Г. Добродомова и основная, содержательная часть стенограммы заседания диссертационного совета, исключая заключительные, чисто процедурные моменты. Напомню, что мною используется стенограмма, заверенная печатью МГПИ им. В.И.Ленина и подписана проф. Т.Н. Кандауровой и доц. Л.В. Николенко. За значком <...> в отзыве официального оппонента скрываются десять страниц критики, ответы на которую в стенограмме и содержатся.

Прошу обратить внимание на заключительные слова моего заключительного слова на защите: «И последняя большая благодарность институ-

ту, который много помогает нам, преподавателям из периферийных вузов, в научном росте».

* * *

ОТЗЫВ

о диссертации Александра Владимировича Пузырева «Собственные имена в поэтической речи» (Пенза, 1981), представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01. – Русский язык.

Повышенный интерес лингвистов к ономастическим разысканиям и все усиливающееся внимание к проблемам поэтики с неизбежностью привели к тому, что в последнее время весьма интенсивно стали разрабатываться вопросы анализа имен собственных в составе художественного текста, то есть оживились исследования на стыке различных лингвистических дисциплин с проблемами литературоведческого анализа, что хорошо вписывается в рамки традиционной филологии, где всегда был принят комплексный подход к проблематике. Именно эта комплексность подхода привлекает к себе внимание в рецензируемом исследовании, актуальность тематики которого не вызывает никакого сомнения.

Автора заинтересовали проблемы функционирования имен собственных в стихотворной речи (она в диссертации именуется поэтической), и в своей работе А.В.Пузырев поставил большое количество связанных с этими проблемами более частных вопросов. Уже такая смелая постановка большого числа вопросов при отсутствии каких бы то ни было подготовительных работ заставляет весьма сочувственно отнестись к замыслу А.В.Пузырева и по достоинству оценить его большую смелость в выборе малоразработанной темы.

Широкая постановка проблематики и непривязанность исследования к четко очерченному кругу материала позволила автору стоять как бы на уровне теоретика, который из конкретного материала извлекает проблематику, освещает её на немногочисленных примерах и без особого углубления в проблему и материал спокойно переходит к другой проблеме, которая с предыдущей не связана.

<...>

Как видно из этих конкретных замечаний, они касаются в основном частных и не затрагивают основы работы, которая свидетельствует, что в лице А.В.Пузырева русская лингвистическая поэтика и ономастика обогатились смелым и основательным исследователем, который не боится сложной новой проблематики, получающей у А.В. Пузырева обоснован-

ную и убедительную трактовку. Мимо ценной работы А.В. Пузырева теперь не может пройти ни один специалист по ономастике стихотворной речи, которым интересные соображения А.В. Пузырева стали известны по его прежним публикациям, вместе с авторефератом, хорошо отражающим основное содержание диссертации. Особенно интересны выводы автора о зависимости между звукописью поэтического текста и входящими в этот текст собственными именами, причем в одних случаях имена специально подбираются для более или менее готового фонетического окружения, в других же – фонетическая организация контекста создается подгонкой под фонемный состав собственного имени.

Результаты исследования А.В. Пузырева могут быть использованы в преподавании ряда учебных вузовских курсов и спецкурсов – «Стилистика русского языка», «Лингвистический анализ текста», «Поэтическая ономастика».

Все сказанное выше дает основание для заключения, что диссертация А.В.Пузырева «Собственные имена в поэтической речи» отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, а ее автор – А.В. Пузырев – вполне заслуживает искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01. – русский язык.

Доктор филологических наук,
профессор И.Г. Добродомов

1 июня 1981 г.

* * *

СТЕНОГРАММА

заседания специализированного Совета К 113.08.01
Московского государственного педагогического
института имени В.И. Ленина

от 15 июня 1981 г.

Председатель специализированного Совета
доктор филологических наук, профессор
Т.Н. КАНДАУРОВА

Ученый секретарь специализированного Совета
та
кандидат филологических наук, доцент
Л.В. НИКОЛЕНКО

Председатель

На заседании присутствуют 13 членов совета из 15. Кворум имеется. Разрешите начать работу совета.

Нам предстоит рассмотреть диссертацию т. ПУЗЫРЕВА Александра Владимировича на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему: «Собственные имена в поэтической речи».

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор И.Г. ДОБРОДОМОВ,
кандидат филологических наук, доцент М.Н. Морозова.

Ведущее учреждение – Университет Дружбы Народов имени П. Лумумбы.

Слово для сообщения основных данных личного дела соискателя представляется ученому секретарю совета доц. Л.В. НИКОЛЕНКО.

Доц. Л.В. НИКОЛЕНКО (оглашает основные данные личного дела и отмечает, что представленные документы и материалы соответствуют «Положению о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий»).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Какие вопросы будут к ученому секретарю совета по доложенным документам? Нет вопросов.

Слово предоставляется ПУЗЫРЕВУ Александру Владимировичу для краткого изложения основных положений диссертации.

А.В. ПУЗЫРЕВ (Излагает основное содержание диссертации. Автореферат диссертации прилагается).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Какие будут вопросы к соискателю?

Д. ф. н., проф. Н.В.ЧЕРЕМИСИНА, член совета

1. Рассматриваете ли Вы в диссертации ритмику слов и каковы преобладающие ритмические структуры собственных имен?

2. Какой тип межрифменных связей преобладает у собственных имен?

3. Вы говорите о существенной информативности собственных имен. Связана ли их особая информативность с подтекстом? Если связана, то желательны примеры.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Есть ещё вопросы? Нет. Пожалуйста, отвечайте.

А.В. ПУЗЫРЕВ

Первый вопрос: рассматривалась ли в диссертации ритмика слова? Да, рассматривалась. Оказалось, что в ямбе около 70% ямбических собственных имен (с ударением на втором и четвертом слогах), в хорее – 63% хореических собственных имен (с ударением на нечетных слогах), в дактиле больше половины имен являются дактилическими. Т.е., ударение падает на первый слог, в амфибрахии – на второй, в анапесте – на третий.

Второй вопрос: какой тип связи с рифмокомпонентами преобладает у собственных имен? – Предварительные наблюдения показывают, что преобладают информативные рифменные контексты. Но в частотном плане я этот вопрос не исследовал.

Третий вопрос: связана ли повышенная информативность собственных имен с подтекстом? – Конечно, связана. И можно привести много таких примеров. Например, у Маяковского:

Я, воспевающий машину и Англию,
может быть, просто,
в самом обыкновенном евангелии
тринадцатый апостол.

Топоним Англия здесь повышенно информативен: он обозначает не конкретную страну, а образец машинной организации труда. Рифмокомпонент указывает на «евангельский» смысл топонима, и подтекст оказывается тесно связанным с воззрениями раннего Маяковского, входившего в группу футуристов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Дополнительных вопросов не возникло? Нет.

Слово имеет ученый секретарь совета доц. Л.В. НИКОЛЕНКО для оглашения заключений и отзывов, поступивших на диссертацию и автореферат.

Доц. Л.В. НИКОЛЕНКО. Оглашает заключение кафедры русского языка Пензенского государственного педагогического института имени В.Г.Белинского, где подготовлена диссертация; заключение кафедры русского языка Московского государственного педагогического института имени В.И.Ленина, которая апробировала диссертацию; положительный отзыв официальной организации – Университета Дружбы Народов имени П.Лумумбы и положительный отзыв на автореферат кандидата филологических наук Новокузнецкого педагогического института Балакай.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Есть ли вопросы к ученому секретарю совета по зачитанным заключениям и отзывам? Нет. Слово имеет соискатель для ответа на замечания ведущей организации и в отзыве на автореферат.

А.В.ПУЗЫРЕВ

Мне очень приятно, что моя работа получила хорошую оценку у специалистов кафедры общего языкознания Университета Дружбы Народов. Почти со всеми замечаниями я согласен и, конечно, учту их в дальнейшей работе.

Хотелось бы дать несколько пояснений.

Чрезмерное расширение материала обусловлено тем, что собственные имена в стихах довольно редки (во всем стихотворном Лермонтове немногим больше 1000 имяупотреблений, у Есенина – чуть более 900 имяупотреблений и т.д.).

Я действительно перенасытил текст диссертации ссылками, т.к. хотел уничтожить саму мысль о плагиате.

Что касается противопоставления имен Татьяна и Наташа, то его требует пушкинская работа над именем главной героини «Евгения Онегина». Для Пушкина форма Наташа была наиболее точной со стилистической точки зрения, но по целому ряду параметров уступавшей форме «Татьяна». Обычная логика, требующая сопоставлять официальные формы имен (Татьяна и Наталия), при изучении пушкинской работы над именем неприменима.

Единственное замечание, которого я не могу принять, касается субъективности звуко-символического значения личных имен Татьяна, Эдуард, Сергей, Варвара и др. Дело в том, что «Словарь-справочник фонетического значения русских личных имен», извлечение из которого (60 имен) включено в диссертацию, возник как результат машинной обработки тех исходных данных, которые известны по книгам А.П. Журавлева. В этом смысле любой другой составитель должен прийти к идентичным результатам. И выборочная проверка показала высокую точность наших результатов.

Возьмем имя Сергей, потому что оно чаще всего вызывает споры. В Словаре фонетического значения оно обладает следующими ассоциативными признаками: Сергей – это нечто маленькое, низменное, короткое, трусливое. Надо признаться, что лично для меня это имя с такими признаками не ассоциируется. Но что причиной этому? Неправильное вычисление неверных исходных данных или что-то другое? Мне кажется, это другое. Оно заключается в том, имя Сергей у нас на виду, это очень распространенное им. Оно имеет богатую систему форм, этим именем называют-

ся многие известные люди и просто наши хорошие знакомые и родственники. Опора на личность и традицию – вот основная, но далеко не единственная причина того, что отрицательное фонетическое значение этого имени не воспринимается.

Но если возьмем слово «гересь» в аспекте известных «куздры», «мамлыны» и «жаваруги» и представим какое-то нами еще не увиденное животное. Какое оно – скорее большое или маленькое? Чаще всего на этот вопрос отвечают: маленькое. Точно так же говорят, что оно скорее низменное, чем величественное, скорее трусливое, чем храброе, скорее короткое, чем длинное. А ведь слова «гересь» и «Сергей» почти ничем не отличаются в фонетическом отношении.

Существование в русском языке звуко-символизма – для автора диссертации бесспорный факт. Но столь же бесспорны для него национальный характер звуко-символизма, а также то, что звуко-символизм – лишь один из мотивирующих факторов, и отнюдь не самый главный. Именно эту мысль я пытался провести в своей работе.

В заключение хочу выразить глубокую признательность кафедре общего языкознания УДН им. П.Лумумбы за те добрые слова, которыми они оценили мою работу.

Что касается замечания в отзыве на автореферат, я согласен, что поэтические собственные имена – это терминологическое сочетание не вполне удачно. Я исходил из того, что в русском языке слово «поэтический» можно употреблять в значении «стиховой», «стихотворный» (это значение приведено и в толковом словаре). Но, конечно, точнее было бы терминологическое сочетание «стиховые собственные имена».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Переходим к обсуждению. Слово предоставляется первому официальному оппоненту – доктору филологических наук, профессору И.Г. ДОБРОДОМОВУ.

Д. ф. н., проф. И.Г. ДОБРОДОМОВ

(Положительный письменный отзыв прилагается)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Слово предоставляется соискателю А.В. ПУЗЫРЕВУ для ответа первому официальному оппоненту.

А.В. ПУЗЫРЕВ

Я глубоко благодарен Игорю Георгиевичу за то внимание, с которым он причитал мою работу. Об этом говорит и то количество замечаний, высказанных моим оппонентом при прочтении диссертации.

Со многими суждениями Игоря Георгиевича нельзя не согласиться. Так, например, я действительно не ставил перед собой задачи охарактеризовать анализируемые источники с источниковедческой и текстологической точки зрения. Думаю, по отношению к собственным именам в поэтической речи это большая, интересная и несколько самостоятельная тема.

Столь же очевидно, что в строке «Україна, Украйна, Україна» три произносительных, но акцентологических два варианта. Я могу только удивляться своей незречести в данном случае. Следует согласиться и подумать над замечанием о неправильной трактовке названия российского императора в поэме «Хорошо!» только по имени.

Особенно чувствительны для меня замечания по стилю изложения. Я всегда старался просто и ясно излагать свои мысли. Очевидно, в этом направлении предстоит много работать, и справедливые замечания послужат мне путеводной нитью.

Именно на несовершенный стиль изложения приходится, например, замечание Игоря Георгиевича об отсутствии полных исходных данных для подсчетов. В своей работе я использовал известную статью А.М. Пешковского «Десять тысяч звуков» и отметил это на с. 117. В эпитаграмме:

О жертва бедная двух адовых исчадий:
Тебя убил Дантес и издает Геннади! –

единственное употребление г' превышает речевую норму более чем в 20 раз потому, что это очень редкий звук и в таком небольшом поэтическом тексте он не должен был встретиться. Очевидно, я не имел права ограничиться одной ссылкой, а должен был посвятить используемой статье Пешковского хотя бы одно предложение.

Что касается упрека моего оппонента в недостаточной глубине исследования, в свое оправдание могу сказать только следующее. Данная работа – по существу первая диссертация на тему «собственные имена в поэзии», и этим вызваны многие ее слабости. Важно было систематизировать и обобщить известные и разрозненные в поэтической ономастике находки, факты, наблюдения, и в первой части исследования план систематизации превалирует.

Достаточная глубина исследования, по мнению автора, достигнута лишь при изучении собственных имен с точки зрения влияния на них ритма и звуковых повторов стиха. В частности, удалось показать, что гипотеза Ф. де Соссюра и Д.И.Выгодского о преломлении ключевых слов в фо-

нетической организации стихотворного текста справедлива ко многим современным поэтическим произведениям.

В остальных же случаях более важным для меня был аспект обобщения, нежели собственного изучения и углубления в тему.

Этим же обстоятельством вызваны многие замечания Игоря Георгиевича по поводу неудачного применения бытующих в лингвистике и, шире, филологии терминов. Несмотря на стилистическую неудачность многих из них, я предпочел пользоваться ими, нежели придумывать свои. Обойтись же совсем без терминов у меня не хватило смелости.

Термин же имяупотребление я ввел в повествование сознательно. Несмотря на стилистические издержки, он точно указывает на то, что мы имеем дело с единицей речи. Одно и то же собственное имя может использоваться несколько раз, и без понятия «имяупотребление» обойтись трудно. Известной подсказкой служит оппозиция «слово – словоупотребление».

Некоторые замечания я сейчас не готов принять: они требуют размышлений. Написания собственных имен с прописной буквы определено в диссертации как средство их морфологической оформленности. Мне всегда казалось, что в предложении «Ко мне подкатился Ш/ш/арик» только прописное или строчное написание (отталкиваясь от ситуации и контекста) покажет, с каким – собственным одушевленным или нарицательным неодушевленным – существительным мы имеем дело. Почему такое мнение ошибочно, я пока не могу объяснить.

Я не готов принять и замечание о том, что даже собирательные существительные имеют деление на собственные и нарицательные. Почему Литва и мордва – это в одинаковой степени собственные имена? Одно из них есть в толковом словаре (мордва), другое же отсутствует (Литва). При обращении к историческому материалу это мнение может быть обосновано. Но при синхронном изучении оно требует размышлений, и для меня в этом вопросе много неясного.

Часть возражений Игоря Георгиевича я не готов принять потому, что мне не хватает остроты и взыскательности его эстетического вкуса. В частности, я не готов отнести стихотворение Людмилы Татьянической «Журавли» к образцам эпигонско-подражательной поэзии. Мне оно нравится и после оценки Игоря Георгиевича:

Я пишу тебе, милый,
Со станции Осень.
Здесь подолгу стоят
На путях поезда.

А багряные листья
Неспешно уносит
В своих бледных ладонях
Речная вода...

И заключительная часть стихотворения:

Может быть, он и прав.
Только я не об этом...
Чтобы высказать все,
Мне не хватит письма.
Если строгий кассир
Не продаст мне билета,
Как ты будешь один
На разъезде Зима?

В этом стихотворении топонимы Осень и Зима являются подтекстообразующими. Ведь фоновые ассоциации этих существительных (осень и зима) весьма определены. Заведомо реальный топоним Зима (а это известно автору диссертации) заставляет думать о реальном существовании топонима Осень (но такое название в справочниках мне не удалось разыскать). При раскрытии в диссертации семантической мотивированности собственных имен подтекстовая значимость внутренней формы этих географических названий, органичность топонимов мне показалась важнее и интереснее, чем выяснение их реальности или придуманности.

С некоторыми замечаниями Игоря Георгиевича я согласиться не могу. В частности – с выводом о том, что всеохватывающий характер поэтической мотивированности для автора диссертации остался ничем не доказанным тезисом. Результаты исследования, отраженные в диссертации на стр. 88, 93, 98–99, 123 и др., показывают, что нет ни одного собственного имени, не подпадающего под влияние стихотворного ритма, они также показывают, что более 90% всех употребленных в стихе собственных имен включены в те или иные звуковые повторы. Здесь не говорится о рифме, влияние которой на употребление собственных имен очень часто бесспорно и очевидно. Поэтому один из выводов диссертации, что «поэтическая мотивированность свойственна всем употребленным в стихах собственным именам», на мой взгляд, имеет в работе достаточное полное обоснование.

Я не могу согласиться с утверждением, что за терминами структурная и функциональная мотивированность автор диссертации не разглядел

сущности рассматриваемого материала. Игорь Георгиевич предлагает именовать их внутренняя и внешняя, контекстуальная мотивированность. Но как структурная, языковая (в диссертации), так внутренняя мотивированность обозначает обусловленность какой-либо единицы системой языка. Точно так же мотивированность функциональная, речевая или внешняя, контекстуальная обозначает зависимость какой-либо единицы от речевых, контекстуальных условий. Такое понимание типов мотивированности достаточно полно изложено автором диссертации на 44–48 и 76–77 страницах. Поэтому различия во взглядах у нас и Игорем Георгиевичем исключительно терминологические.

Мне хотелось бы уточнить свою позицию и в вопросе об изменении словесного ударения в стихах. Игорь Георгиевич полагает, что поэт использует только существующие в речи акцентные варианты, но ничего своего не может привнести, как, например, у собственного имени «Байрон» в стихах Лермонтова. Во многих случаях это действительно так: у Пушкина встречаются формы «Мóцарт» и «Моцáрт», у Маяковского – «Кéренский» и «Керéнский». Но ведь есть примеры (и один из них приведен в приложении к диссертации), не укладывающиеся в эту закономерность:

Я увидел в утреннюю рань
Речку возле станции Любань.

Здравствуй речка – малая вода,
Тíгода, Тигóда, Тигодá!

Сколько лет ты льешься здесь тиха,
Как размер старинного стиха.

И мерцаешь сонно, как слюда,
Тíгода, Тигóда, Тигодá!

Примеры такого рода, где поэт именно изменяет место словесного ударения, легко продолжить.

В заключение мне хочется сказать, что все без исключения сделанные Игорем Георгиевичем замечания послужат мне надежным подспорьем в дальнейшей работе. Они заставляют меня отказаться от неточностей, ошибок и просто вредных иллюзий, а в необходимых случаях усилить свою аргументацию.

Я хочу еще раз выразить Игорю Георгиевичу свою глубокую благодарность за то требовательное и обязывающее внимание, с которым он отнесся к моей работе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Слово предоставляется второму официальному оппоненту – кандидату филологических наук, доценту М.Н. МОРОЗОВОЙ.

К. ф. н., доц. М.Н. МОРОЗОВА

(Положительный письменный отзыв прилагается)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Слово имеет соискатель для ответа второму официальному оппоненту.

А.В. ПУЗЫРЕВ

Я глубоко благодарен Марии Николаевне за те добрые слова, которые она высказала по поводу моей работы. Со всеми сделанными мне замечаниями я согласен и постараюсь учесть их в дальнейшем.

Широта исследуемого материала (собственные имена в поэзии от Пушкина до наших дней) вызвана тем, что собственные имена в стихах встречаются в общем-то нечасто.

В перспективе, как справедливо заметила Мария Николаевна, при анализе синтаксических свойств собственных имен необходимо разграничить антропонимы и географические названия. Предварительно исследованный материал, не вошедший в диссертацию, показывает, что топонимы чаще, чем антропонимы, употребляются в предложном падеже и являются обстоятельствами места. Дальнейшие исследования могут показать, что это преобладание является не только относительным, но и абсолютным, хотя в поэзии топонимы употребляются значительно реже антропонимов.

Что касается использованной в диссертации формулы А.П. Журавлева, то, как я пытался показать в своей работе, очень многие примеры могут свидетельствовать о ее адекватности анализируемым языковым фактам. Будущие исследования, вероятно, внесут какие-то коррективы (в формуле не учитывается ряд сильных фонетических позиций, сочетания звуков и т.д.), но я в своей работе старался приводить те факты, где методика измерения фонетического значения наиболее применима и эффективна.

В заключение я хочу еще раз поблагодарить Марию Николаевну за то, если позволите так выразиться, ободряющее одобрение, с которым она встретила мою работу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Кто желает выступить из неофициальных оппонентов? Нет желающих.

Заключительное слово имеет соискатель.

А.В. ПУЗЫРЕВ

В заключение я хотел бы еще раз выразить благодарность моим официальным оппонентам – проф. Добродомову И.Г. и доц. Морозовой М.Н. за внимательные и хорошие отзывы. Они детально познакомились с диссертацией, и все замечания, которые они сделали, я учту.

Мне хочется выразить глубокую благодарность моему научному руководителю – проф. Бондалетову за то, что он предоставил мне возможность поработать над такой интересной темой.

Я благодарен и признателен Людмиле Васильевне Николенко. Она проводит с нами, соискателями, очень много времени и всегда доброжелательно к нам относится.

Большое человеческое спасибо и глубокую признательность я хочу выразить кафедре русского языка. На этой кафедре обсуждалась моя диссертация. В 1976 г. я проходил факультет повышения квалификации тоже при этой кафедре, и если бы не ФПК, давший мне очень много, я думаю, диссертация бы сейчас уступала бы по своему качеству.

Я благодарен профессору Черемисиной Н.В., в бытность мою на ФПК многому меня научившей. Она ввела меня в проблемы поэтики, и ей я очень многим обязан.

Хочу поблагодарить Татьяну Николаевну Кандаурову за доброе отношение не только ко мне, но и ко всем соискателям.

И последняя большая благодарность институту, который много помогает нам, преподавателям из периферийных вузов, в научном росте.

* * *

Небольшое послесловие. Прилагаемые немногочисленные фотографии частью были взяты в Интернете, частью – в результате многочисленных опросов знакомых тех, кого в статье упомянул. Поэтому контекст появления этих фото во многом остался для меня неизвестным. Фотографии И.Г. Добродомова в Интернете имеются, но не очень хорошего качества, а связь с ним я утратил. Фотографий М.А. Корчица и Л.В. Николенко я не смог найти, хотя опросил многих...

Литература

Перетрухин В.Н. Введение в языкознание: Курс лекций: учеб. пособие для студентов филол. фак. пединститутов и ун-тов. Белгород: Белгор. гос. пед. ин-т им. М. С. Ольминского, 1968. 359 с.

Пузырёв А.В. Собственные имена в поэтической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИ, 1981. 14 с.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г. Белинского, 1995. 378 с.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления: доклад по опубликованным работам на соискание ученой степени доктора филологических наук. Саратов: СГУ, 1995. 39 с.

Пузырёв А.В. О системном подходе в лингвистике: учебное пособие для студентов филологических специальностей. М.: ВНИИГеосистем, 2014. 520 с. (серия «Библиотека духовной культуры», вып. 47).

Пузырев В.Г. Проблемы истории русской советской литературы на Дальнем Востоке (1917–1941 гг.): Идеино-тематические и стилевые особенности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1972. 60 с.

Пузырев В.Г. Проблемы истории русской советской литературы на Дальнем Востоке (1917–1941 гг.): Идеино-тематические и стилевые особенности: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1971. 3 т. + Прил. (501 с.).

Русский язык: Экспериментальные учебные материалы для средней школы / под ред. И.С. Ильинской, М.В. Панова: В 4-х частях. М.: Педагогика, 1979–1980.

Черемисина Н.В. Ритм и интонация русской художественной речи: в 2-х томах: дис. ... д-ра филол. наук: 10.00.00. М., 1970. 1003 с.: нот.

Черемисина Н.В. Вопросы эстетики русской художественной речи. Киев: Вища школа, 1981. 240 с., нот. ил.

References

Peretruhin V. N. Vvedenie v yazykoznanie : Kurs lekcij : ucheb. posobie dlya studentov filol. fak. pedinstitutov i un-tov. Belgorod: Belgor. gos. ped. in-t im. M. S. Ol'minskogo, 1968. 359 s.

Puzyrev A.V. Sobstvennye imena v poeticheskoy rechi: Avtoreferat dissertacii... kandidata filologicheskikh nauk. M.: MGPI, 1981. 14 s.

Puzyrev A.V. Anagrammy kak yavlenie yazyka: Opyt sistemnogo osmysleniya. M.; Penza: In-t yazykoznaniya RAN, PGPU im. V.G.Belinskogo, 1995. 378 s.

Puzyrev A.V. Anagrammy kak yavlenie yazyka: Opyt sistemnogo osmysleniya. Doklad po opublikovannym rabotam na soiskanie uchenoj stepeni doktora filo-logicheskikh nauk. Saratov: SGU, 1995. 39 s.

Puzyrev A.V. O sistemnom podhode v lingvistike : uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh special'nostej. M. : VNIIGEOSISTEM, 2014. 520 s. (seriya «Biblioteka duhovnoj kul'tury», vyp. 47).

Puzyrev V.G. Problemy istorii russkoj sovetskoj literatury na Dal'nem Vostoke (1917-1941 gg.) : Idejno-tematicheskie i stilevye osobennosti : Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk. (641) / Mosk. gos. ped. in-t im. V. I. Lenina. Moskva : [b. i.], 1972. 60 s.

Puzyrev V.G. Problemy istorii russkoj sovetskoj literatury na Dal'nem Vostoke (1917-1941 gg.) : Idejno-tematicheskie i stilevye osobennosti : dissertaciya ... doktora filologicheskikh nauk : 10.00.00. Moskva, 1971. 3 t. + Pril. (501 s.).

Russkij yazyk : Eksperimental'nye uchebnye materialy dlya srednej shkoly / pod red. I.S. Il'inskoj, M.V. Panova. V 4-h chastyah. M. : Pedagogika, 1979–1980.

Cheremisina N.V. Ritm i intonaciya russkoj hudozhestvennoj rechi : v 2-h tomah : dissertaciya ... doktora filologicheskikh nauk : 10.00.00. Moskva, 1970. 1003 s. : not.

Cheremisina N.V. Voprosy estetiki russkoj hudozhestvennoj rechi. Kiev : Vishcha shkola, 1981. 240 s., not. il.

На фото третий слева – Валентин Николаевич Перетрухин

*Автор статьи на фото для личного листка по учёту кадров
(1976 и 1981 гг.)*

На фото: Татьяна Николаевна Кандаурова

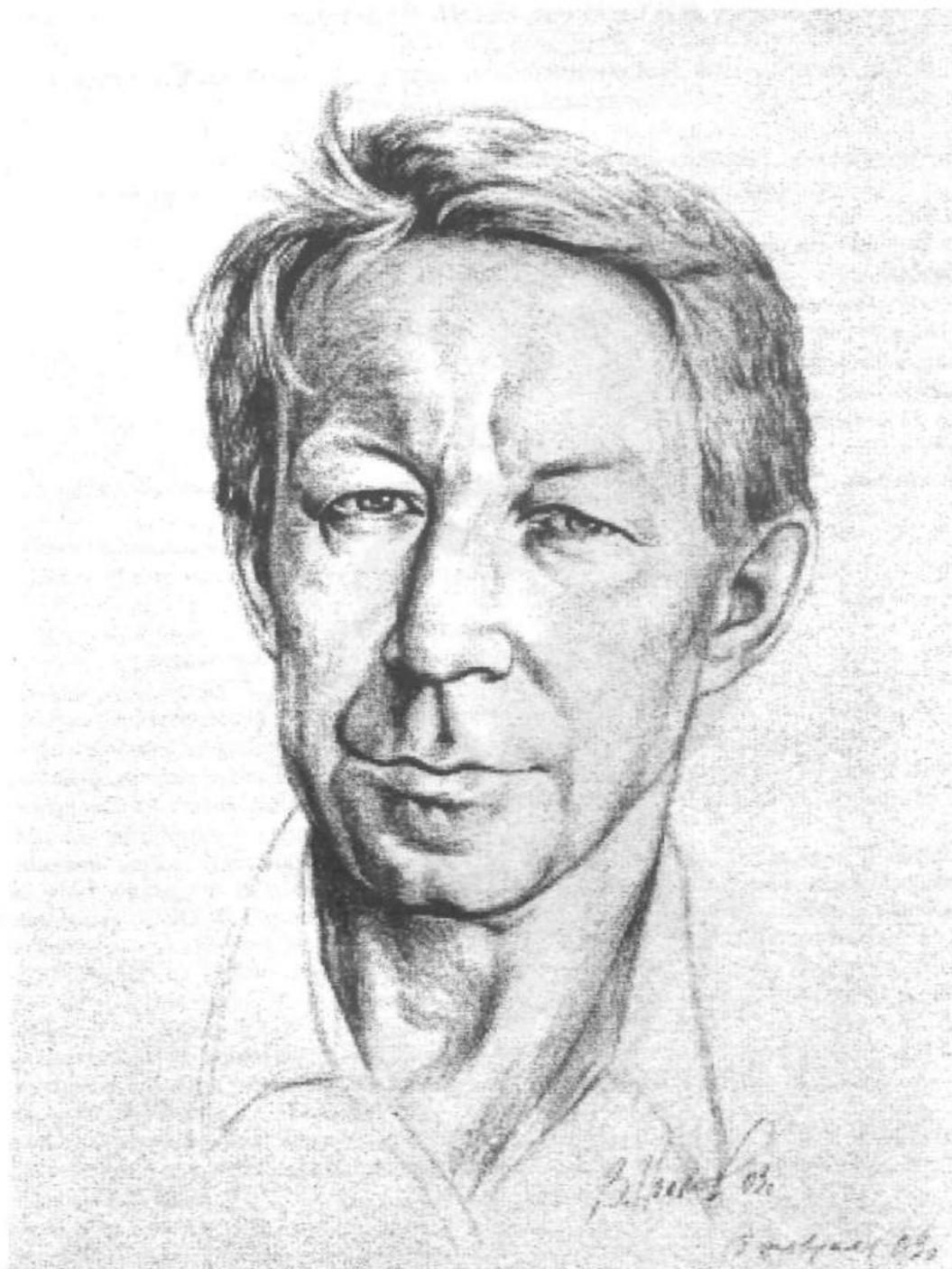

*На фото: Нинель Васильевна Черемисина в юности
(из домашнего семейного архива)*

На фото: Нинель Васильевна Черемисина со студентами

**К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФА
АНДРЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ГАГАЕВА**

*Андрей Александрович Гагаев
(09.04.1952 – 23.05.2021)*

*Докт. пед. наук П.А. Гагаев (Пенза)
gagaevp@mail.ru*

А.А. ГАГАЕВ. СУБСТРАТНАЯ РЕФЛЕКСИЯ В КЛАССИЧЕСКОЙ И НЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. В статье представляется вклад в развитие философии А.А. Гагаева. Развертываются положения очерченной им субстратной рефлексии. Фиксируется использование субстратной рефлексии в лингвистике, педагогике, математике и других областях познания. Дается библиография работ ученого.

Ключевые слова: А.А. Гагаев, философия, субстратная рефлексия, применение, библиография.

Doctor of Pedagogy P.A. Gagaev (Penza)

A.A. GAGAEV. SUBSTRATE REFLECTION IN CLASSICAL AND NON-CLASSICAL SCIENCE

Abstract. The article presents the contribution to the development of A.A. Gagaev's philosophy. The positions of the substrate reflection outlined by him are unfolded. The use of substrate reflection in linguistics, pedagogy, mathematics and other fields of cognition is recorded. A bibliography of the scientist's works is given.

Key words: A.A. Gagaev, philosophy, substrate reflection, application, bibliography.

Многое и многое было бы еще осмыслено
Андреем Александровичем Гагаевым,
если бы вечность не призвала его
в свои безжалостные объятия.
П.А. Гагаев

Андрей Александрович Гагаев, доктор философских наук, профессор, – автор теории и методологии субстратного подхода в научном познании (докторская диссертация защищена в 1994 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва), заслуженный деятель науки республики Мордовия. Имя А.А. Гагаева внесено в книгу выдающихся ученых XX в. (Кембридж, Ве-

ликобритания; 1995 г.). Подготовил одного доктора наук и десять кандидатов наук. Почетный работник высшего профессионального образования России. Почетный гражданин г. Рузаевка (р. Мордовия). Женат. Две дочери. 1952–2021 гг.

Срединным положением в трудах А.А. Гагаева проходит мысль об уязвимости существующих в философии и науке рефлексий (подходов к постижению предмета исследования). Феноменологический, атрибутивный, функциональный и системно-структурный подходы в познании, по мнению ученого, предназначены лишь для решения определенных познавательных задач. Ограниченность названных гносеологических реалий, как об этом писал А.А. Гагаев, фиксировалась философами и учеными XIX–XX вв. (В. Соловьев, Н.Я. Данилевский, Б.Н. Чичерин, С.Д. Петров, А.Н. Кочергин, А.И. Уемов, Ю.А. Урманцев, Г. Башляр, Г. Вейль, В.П. Дмитриев, В.А. Ацюковский и др.).

Категория субстрата – некоей универсальной формы общего в познании – ученым исследуется в метафизическом плане, в соотношении с реалиями классической и неклассической науки.

В метафизическом плане под субстратом ученый, критикуя восходящую к Аристотелю трактовку субстрата как вещественной (материальной) основы объекта, понимал получаемое в специальном абстрагировании и конструировании субъект-объектное реалистически-номиналистическое общее, содержащее единичный признак сходства, единичный признак тождества, единичную форму целенаправленности движения, единичную форму связи циклов эволюции онтологий в бытии, сущности, явлении, действительности, общих для группы онтологий в объекте разного и одного рода, осмысливаемое в группе рефлексий и конкретно-научных языков (Теория и методология субстратного подхода в научном познании. Саранск: МГУ имени Н.П. Огарева, 1994).

Давая дефиницию субстрата как формы общего, А.А. Гагаев подчеркивал наличие у развертываемой им гносеологической реалии статуса как онтологического, так и операционного. Формулируемое им, в прочтении ученого, позволит философу и ученому формализовать реальные процессы в познании (применительно к различным областям познания).

Субстрат посредством емкости своего содержания со стороны удержания в нем возможных движений и превращений объекта включает в себя принятые в философии рефлексии: феноменологическую, атрибутивную, структурную (системно-структурную) и функциональную.

Субстратная форма общего, в прочтении философа, есть удержание в умознении (рефлексии) всех возможных в бытии логик взаимодействий исследуемого объекта.

Субстратная форма общего, выскажем мнение, есть *пятый* закон логики, закон, в каковом в свернутом виде представлены в интегрированном виде четыре классические (аристотелевские).

Объект в его субстратном осмыслении, по А.А. Гагаеву, предстает как некое принадлежащее и себе, и иному (и в этом разнородное), как следующее формальной (аристотелевской) логике, и преодолевающее ее в своем явлении (логика Н.Васильева); как то, что не есть только внутреннее собранное, но есть и самодвижущее (стремящееся к персонификации и ответчанию познающему) и в этом отношении не сводимое ни к чему в окружающем.

Объект в его субстратном осмыслении есть выделение в нем того, что его *движет* (Теория и методология субстратного подхода в научном познании. Саранск: МГУ имени Н.П. Огарева, 1994).

Объект в его субстратном осмыслении, по А.А. Гагаеву, есть удержание *всего* едино-множественного бытия в его *реальном* проявлении (развитие суждения В. Соловьева о том, что истина есть *все*).

В классической науке субстрат ученым определяется как единичный материал предмета, вещи, полученный в аристотелевском абстрагировании, движущийся вместе с этой вещью в евклидовом пространстве и осмысливаемый в языке двузначной аристотелевской логики.

В неклассической науке субстрат отождествляется, во-первых, с сюрстанцией в понимании Г. Башляра (то есть выступает как то, что движет объектом), во-вторых, трактуется как выражение единства свойств объекта во вбирающем его в себя пространстве и, в-третьих, как эксстанция (неустраняемая неопределенность).

Применительно к реалиям неклассической и постнеклассической науки ученый субстрат определяет как систему форм и видов общего, не зависящую по свойствам от моделируемых на ее основе механических матриц вещества. Субстрат в себе содержит свое пространство-время. Описывается языком *n*-мерной логики.

Очерчивая содержание субстрата, А.А. Гагаев разворачивает создаваемую им реалию как ***систему рациональных принципов познания***.

В работах ученого подробнейшим образом описывается движение мысли, аккумулирующей в себе принятые в философии рефлексии (феноменологическая, атрибутивная и пр.) и сосредоточивающейся на удержании природы пространства-времени самого объекта исследования.

Представленная в трудах ученого система рациональных принципов познания трактуется им как методология субстратной рефлексии в научной деятельности (подробнее см. Теория и методология субстратного подхода в научном познании. Саранск: МГУ имени Н.П. Огарева, 1994).

Практическое функционирование субстратной методологии

Положения субстратной рефлексии как самим автором, так и другими учеными были применены в различных сферах научного познания.

В социально-экономической сфере А.А. Гагаевым в начале 90-х гг. была предложена концепция 11 экономических регионов России, выступающих вместе с Калининградской областью как 12 воспроизводственных субъектов, взаимодействующих в системе межрегионального оптимума, равновесия на стоимостной основе и содержащих внутри себя детерминистские системы – территориально-производственные функциональные комплексы и индетерминистские множества их – экономические районы.

Экономические районы, в прочтении А.А. Гагаева, являются территориями исторического проживания и развития русского суперэтноса. Реализация предложенной схемы этно-экономико-социальной организации территорий страны, по А.А. Гагаеву, придает динамику и энергию развитию России.

А.А. Гагаевым на основе субстратного подхода представлена модель развития русского суперэтноса в XXI столетии (развернута русская идея как основополагающая реальность развития русско-российской цивилизации).

А.А. Гагаевым вместе с его братом П.А. Гагаевым на основе субстратной рефлексии очерчены основания русской школы (онто-антропологические, аксио-гносеологические, психологические).

А.А. Гагаевым сформулирована теория педагогики невмешательства (развитие идей Платона о приходе человеком в мир самим собою).

А.А. Гагаевым представлена концепция прочтения текста как культурно-исторического феномена (осуществлена интеграция идей Г.Д. Гачева и положений субстратной рефлексии).

На основе субстратной рефлексии А.А. Гагаевым проведен анализ положений христианского вероучения, коранической мысли, древнеиндийской философии. Итогом философско-культурологических исследований А.А. Гагаева стали концепции человека и его воспитания в христианско-европейской, индоарийской и исламской традиции.

Положения субстратной рефлексии А.А. Гагаев экстраполировал на теорию мифа (мифология Востока, русская мифология, угро-финская,

тюркская и др.). Миф ученым интерпретируется как удержание в сознании человека бытия в его полноте и изначальной целостности (одновременное явление будущего, настоящего и прошедшего).

А.А. Гагаевым на основе субстратной методологии очерчиваются картины мира в русской, угро-финской, тюркской традиции.

Социальную справедливость (тема последних лет деятельности ученого) в контексте субстратной методологии А.А. Гагаев трактовал как преодоление «выгоды сильнейшего» (идея, восходящая к античному пониманию права).

А.А. Гагаевым осмыслена космология А.Л. Чижевского как явление русского всемирно-исторического искания истины (тема последних лет научной деятельности философа).

А.А. Румянцевым (доктор технических наук, Украина) субстратный подход использован для создания общенаучного метода в классе контактных задач механики твердого деформированного тела (А.А. Румянцев. Теория и метод построения численных квазистатических и квазиплоских моделей силовых взаимодействий в валковых механизмах текстильных машин. М., 1987).

А.В. Пузыревым (доктор филологических наук, Россия) субстратная рефлексия применена в осмыслении анаграмм (защищена собственная докторская и подготовлено – с последующей защитой – восемнадцать кандидатских диссертаций). В настоящее время – в рамках субстратного подхода – им исследуется психология жизненных сценариев.

А.А. Гагаев более десяти лет был научным куратором Всероссийской научно-практической конференции «Философия отечественного образования: история и современность» (Пенза, 2000–2012 гг.; материалы конференции размещены на платформе РИНЦ).

А.А. Гагаевым вместе с его братом – П.А. Гагаевым в 2014-2021 гг. реализовывался региональный культурно-просветительский проект «Русские вечера братьев Гагаевых».

...Многое и многое было бы еще осмыслено Андреем Александровичем Гагаевым, если бы вечность не призвала его в свои безжалостные объятия.

Библиография работ А.А. Гагаева

1. Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1991. 307 с.
2. Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1994. 48 с.

3. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Русская душа. Очерки русского мировидения. Пенза: ИПК и ПРО, 1996. 235 с.
4. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философия школы России / Рецензент: *И.В. Бестужев-Лада*. Пенза: ИПК и ПРО, 1998. 516 с.
5. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Художественный текст как культурно-исторический феномен. Теория и практика прочтения. М.: Флинта: Наука, 2002. 184 с.
6. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Русские философско-педагогические учения XVIII-XX вв. М.: ТИД «Русское слово – РС», 2002. 464 с.
7. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философская и культурно-типическая антропология (Культурно-типическая модель науки). Саранск.: Изд-во Морд. ун-та, 2003. 248 с.
8. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философия и психология естественных, технических и гуманитарных наук: В 2 ч. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2004. Ч. 1. 208 с.; Ч. 2. 432 с.
9. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философская и культурно-типическая антропология. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2005. 340 с.
10. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Учебно-методический комплекс по предметам философского цикла. Рузаевка, 2006. 294 с.
11. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философия университета. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. 368 с.
12. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Социализация и социальный контроль в Евразии. Наука и искусство: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 340 с.
13. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философская и культурно-типическая антропология. Т. II. Ч. 3.1(2). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007.
14. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Христология: часть I. Учение Господа Иисуса Христа, Его личность и космо-психо-логос. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 276 с.
15. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Система философии: В 4-х ч. Саранск. 2009.
16. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философия управления обществом, провинцией, фирмой в этнокультурном и реформационном аспектах в теории и методологии субстратного подхода: учебное пособие. Саранск, 2009. 696 с.
17. Гагаев А.А., Кудаева Н.В. Угро-финский космо-психо-логос. Саранск, 2009. 614 с.

18. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Речь как индивидуально-авторский феномен (теория и практика): учебное пособие. Изд. 2-е, доп. Рузаевка, 2010. 216 с.
19. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Эстетика: В 2 т. Саранск, 2010. Т. 1, ч. 1-2. 468 с. Т.2. 608 с.
20. Гагаев А.А., Гагаев П.А. О русской идее. Очерки беспокойной мысли. S.: Ид-во Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 435 с.
21. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Православие и русская литература. М.; СПб.: Изд. дом «Мир», 2012. 288 с.
22. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Русская цивилизация и крестьянство. 2-е изд. М.: РИОР, Издательский Дом, 2014. 150 с.
23. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Педагогика невмешательства: очерк одной педагогической идеи. М.: Алетейя, 2014. 283 с.
24. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Русская цивилизация и фольклор. Мир сказки. М.: РИОР, 2014. 201 с.
25. Гагаев А.А., Гагаев П.А., Кудаева Н.В. Философия мордовской сказки. Мокшень ёфксонть философиясь. Эрзянь евконтъ философиясь. Самара: Изд. «Сам ГУПС», 2014. 109 с.
26. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философия здравого смысла: В 4 ч. Критика оснований разума. М.: Ленанд, 2015.
27. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Педагогика Махабхараты. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. 246 с.
28. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Педагогика русской богословской мысли. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2016. 191 с.
29. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философия и природа, космопсихологическая модель русской, европейской, эрзянской, мокшанской, татарской сказки: в 3-х кн. Саранск, 2016.
30. Гагаев А.А., Гагаев П.А., Кудаева Н.В. Философия мордовской сказки. Мокшень ёфксть философияц. Эрзянь философиясь: монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 160 с.
31. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Апостол Павел. О человеке и его воспитании: монография. М.: А-проджект, 2016. 218 с.
32. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философия татарской сказки. Саранск-Пенза, 2017. 190 с.
33. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Вселенское в человеке: монография. М.: А-проджект, 2017. 282 с.
34. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Протопоп Аввакум. О вере и человеке: монография. М.: А-проджект, 2018. 270 с.

35. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Тринитарное богословие: монография. СПб.: Алетейя, 2019. 196 с.

36. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Новая школа. Введение в идеалистическую методологию педагогики: монография. М.: А-проджект, 2020. 216 с.

37. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Прямой путь. Педагогика коранической мысли: монография. М.: А-проджект, 2021. 244 с.

38. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Апостол Павел. О человеке и его воспитании: монография. 2-е изд. М.: А-проджект, 2021. 272 с.

39. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философия А.Л. Чижевского. М.: А-проджект, 2021. 252 с.

40. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Русская идея: пределы и дали. М.: А-проджект, 2022. 225 с.

Reference

1. Gagaev A.A. Teoriya i metodologiya substratnogo podhoda v materialisticheskoj dialektike [Theory and methodology of the substrate approach in materialistic dialectics]. Saransk: Izd-vo Mord. un-ta, 1991. 307 s.

2. Gagaev A.A. Teoriya i metodologiya substratnogo podhoda v nauchnom poznanii [Theory and methodology of the substrate approach in scientific cognition]. - Saransk: Izd-vo Mord. un-ta, 1994. 48 s.

3. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Russkaya dusha. Oчерki russkogo mirovideniya [Russian soul. Essays on the Russian Worldview] – Penza: IPK i PRO, 1996. 235 s.

4. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Filosofiya shkoly Rossii [Philosophy of the School of Russia]. Recenzent: I.V. Bestuzhev-Lada. - Penza: IPK i PRO, 1998.- 516 s.

5. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Hudozhestvennyj tekst kak kul'turno-istoricheskij fenomen [Teoriya i praktika prochteniya Artistic text as a cultural and historical phenomenon. Theory and practice of reading]. М.: Flinta: Nauka, 2002. 184 s.

6. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Russkie filosofsko-pedagogicheskie ucheniya XVIII-XX vv. [Russian philosophical and pedagogical teachings of the XVIII-XX centuries]. - М.: TID «Russkoe slovo - RS», 2002. 464 s.

7. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Filosofskaya i kul'turno-tipicheskaya antropologiya (Kul'turno-tipicheskaya model' nauki) [Philosophical and cultural-typical anthropology (Cultural-typical model of science)]. Saransk: Izd-vo Mord. un-ta, 2003. 248 s.

8. Gagaev A.A., Gagaev P.A. *Filosofiya i psihologiya estestvennyh, tekhnicheskikh i gumanitarnykh nauk. V 2 ch.* [Philosophy and psychology of natural, technical and humanitarian sciences. In 2 hours.]– Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2004. 208 s. 432 s.
9. Gagaev A.A., Gagaev P.A. *Filosofskaya i kul'turno-tipicheskaya antropologiya.* [Philosophical and cultural-typical anthropology]. Saransk: Izd-vo Mord. un-ta, 2005. 340 s. T.2. 480 s. 203 s.
10. Gagaev A.A., Gagaev P.A. *Uchebno-metodicheskij kompleks po predmetam filosofskogo cikla* [Educational and methodical complex on the subjects of the philosophical cycle]. - Ruzaevka, 2006. 294 s.
11. Gagaev A.A., Gagaev P.A. *Filosofiya universiteta* [Philosophy of the University]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2006. 368 s.
12. Gagaev A.A., Gagaev P.A. *Socializaciya i social'nyj kontrol' v Evrazii. Nauka i iskusstvo. (Monografiya).* [Socialization and social control in Eurasia. Science and art. (Monograph)]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2007. 340 s.
13. Gagaev A.A., Gagaev P.A. *Filosofskaya i kul'turno-tipicheskaya antropologiya.. (Tom II).CHast'3.1(2)* [Philosophical and cultural-typical anthropology.. (Volume II).Part3.1(2)].- Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2007 – 340 s.
14. Gagaev A.A., Gagaev P.A. *Hristologiya: chast' I. Uchenie Gospoda Iisusa Hrista, Ego lichnost' i kosmo-psiho-logos* [Christology: Part I. The teaching of the Lord Jesus Christ, His personality and cosmo-psycho-logos]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2008. 276 s.
15. Gagaev A.A., Gagaev P.A. *Sistema filosofii: V 4-h ch.* [Philosophy system: In 4 hours]. Saransk. 2009.
16. Gagaev A.A., Gagaev P.A. *Filosofiya upravleniya obshchestvom, provinciej, firmoj v etnokul'turnom i reformacionnom aspektah v teorii i metodologii substratnogo podhoda. (Uchebnoe posobie)* [Philosophy of management of society, province, firm in ethno-cultural and reformational aspects in the theory and methodology of the substrate approach. (Study guide)] – Saransk, 2009. 696 s.
17. Gagaev A.A., Kudaeva N.V. *Ugro-finskij kosmo-psiho-logos* [Ugro-Finnish cosmo-psycho-logos]. Saransk, 2009. 614 s.
18. Gagaev A.A., Gagaev P.A. *Rech' kak individual'no-avtorskij fenomen (teoriya i praktika): ucheb posobie* [Speech as an individual author's phenomenon (theory and practice): textbook]. Izd. 2-e, dop. Ruzaevka, 2010. 216 s.
19. Gagaev A.A., Gagaev P.A. *Estetika. V.2 t.* [Aesthetics. V.2 t.] / A.A. Gagaev, P.A. Gagaev. Saransk, 2010. T. 1, ch. 1-2. 468 s. T.2. 608 s.

20. Gagaev A.A., Gagaev P.A. O russkoj idee. Ocherki bespokojnoj mysli [About the Russian idea. Essays on Restless Thought]. Izd-vo: Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 435 s.
21. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Pravoslavie i russkaya literatura [Orthodoxy and Russian literature]. M.: SPb.: Izd. dom «Mir», 2012. 288 s.
22. Gagaev A.A.,Gagaev P.A. Russkaya civilizaciya i krest'yanstvo[Russian civilization and the peasantry]. 2-e izd. M.: RIOR, Izdatel'skij Dom, 2014. 150 s.
- 23.Gagaev A.A. Gagaev P.A.Pedagogika nevmeshatel'stva: ocherk odnoj pedagogicheskoj idei [Laissez-faire Pedagogy: an Essay on one pedagogical Idea]. M.: Aletejya, 2014. 283 s.
24. Gagaev A.A., Gagaev P.A.Russkaya civilizaciya i fol'klor. Mir skazki [Russian civilization and folklore. The world of fairy tales]. M.: RIOR, 2014. 201s.
25. Gagaev A.A., Gagaev P.A., Kudaeva N.V.Filosofiya mordovskoj skazki. Mokshen' efksont' filosofiyas'.Erzyan' evkont' filosofiyas'.[The philosophy of the Mordovian fairy tale]. Samara: Izd. «Sam GUPS», 2014. 109 s.
26. Gagaev A.A., Gagaev P.A.Filosofiya zdravogo smysla: V 4 chastyah. Kritika osnovanij razuma [The Philosophy of Common Sense: In 4 parts. Criticism of the foundations of reason]. M.: Lenand, 2015.
27. Gagaev A.A., Gagaev P.A.Pedagogika Mahabharaty [Pedagogy of the Mahabharata]. M.: RIOR: INFRA-M, 2015. 246 s.
28. Gagaev A.A. Gagaev P.A. Pedagogika russkoj bogoslovskoj mysli [Pedagogy of Russian Theological thought]. M.: RIOR: INFRA-M, 2016. 191 s.
29. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Filosofiya i priroda, kosmopsihologicheskaya model' russkoj, evropejskoj, erzyanskoj, mokshanskoj, tatarskoj skazki: v 3-h kn. [Philosophy and nature, cosmo-psychological model of Russian, European, Erzya, Moksha, Tatar fairy tales: in 3 books]. – Saransk, 2016.
30. Gagaev A.A., Gagaev P.A., Kudaeva N.V. Filosofiya mordovskoj skazki.Mokshen' yofkst' filosofiyac. Erzyan' filosofiyas': smongrafiya [The philosophy of the Mordovian fairy tale]. Izd. 2-e, pererab. i dop. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta,2016. 160 s.
31. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Apostol Pavel. O cheloveke i ego vospitanii: monografiya. he Apostle Paul [About a man and his upbringing: a monograph]. M.: A-prodzhekt, 2016. 218 s.
32. Gagaev A.A., Gagaev P.A.Filosofiya tatarskoj skazki [The philosophy of the Tatar fairy tale]. Saransk-Penza, 2017. 190 s.

33. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Vselenskoe v cheloveke. Monografiya [The universal in man]. M.: A-prodzhekt, 2017. 282 s.
34. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Protopop Avvakum. O vere i cheloveke. Monografiya [Protopop Avvakum. About faith and man]. M.: A-prodzhekt, 2018. 270 s.
35. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Trinitarnoe bogoslovie. Monografiya [Trinitarian Theology]. SPb.: Aletejya, 2019. 196 s.
36. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Novaya shkola. Vvvedenie v idealisticheskuyu metodologiyu pedagogiki. Monografiya [A new school. Introduction to the idealistic methodology of pedagogy]. M.: A-prodzhekt, 2020. 216 s.
37. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Pryamoj put'. Pedagogika koranicheskoy mysli. Monografiya. [A straight path. Pedagogy of Quranic thought]. M.: A-prodzhekt, 2021. 244 s.
38. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Apostol Pavel. O cheloveke i ego vospitanii. Monografiya. 2-e izdanie. [The Apostle Paul. About a person and his upbringing]. M.: A-prodzhekt, 2021. 272 s.
39. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Filosofiya A.L. Chizhevskogo [Philosophy of A.L. Chizhevsky]. M.: A-prodzhekt, 2021. 252 s.
40. Gagaev A.A., Gagaev P.A. Russkaya ideya: predely i dali [Russian idea: limits and distances]. M.: A-prodzhekt, 2022. 225 s.

*Канд. философ. наук А. А. Осьмушина (Саранск)
98761985@mail.ru*

КОСМО-ПСИХО-ЛОГОС А.А. ГАГАЕВА

В качестве реквиема

Аннотация. Выдающийся философ XX–XXI вв. А.А. Гагаев известен не только созданием субстратной методологии научного исследования, но и преобразованием в стройную аналитическую систему понятия Космо-Психо-Логоса (КПЛ), которую он применял для исследования антропологии, психологии, гносеологии, онтологии, логики, этики, эстетики, ОТС, тектологии и праксеологии этноса или личности. Настоящая работа основана на анализе трудов великого ученого, воспоминаний современников, и представляет собой попытку осмысления КПЛ А.А. Гагаева, а именно антропологических характеристик, особенностей гносеологии, логики, онтологии, этики и эстетики, в совокупности составляющих личность и определяющих философию Андрея Александровича.

Ключевые слова: А.А. Гагаев, Космо-Психо-Логос, личность, гносеология, логика, онтология, этика, эстетика.

Candidate of Philosophy A. A. Osmushina (Saransk)

98761985@mail.ru

COSMO-PSYCHO-LOGOS OF ANDREI A. GAGAEV

As a requiem

Abstract. The outstanding philosopher of the XX–XXI centuries A.A. Gagaev is known not only for the creation of a substrate methodology of scientific research, but also for the transformation of the concept of Cosmo-Psycho-Logos (CPL) into a coherent analytical system which he used to study anthropology, psychology, epistemology, ontology, logic, ethics, aesthetics, OTS, tectology and praxeology of ethnic groups or personalities. This work is based on the analysis of the works of the great scientist and the memoirs of his contemporaries. This study is an attempt to comprehend the CPL of A.A. Gagaev, namely his anthropological characteristics, features of epistemology, logic, ontology, ethics and aesthetics, constituting the personality and defining the philosophy of Andrei Alexandrovich.

Key words: Andrei A. Gagaev, Cosmo-Psycho-Logos, personality, epistemology, ontology, logic, ethics, aesthetics.

Антропология и система характера

Личное общение, воспоминания современников и анализ работ (см. приведённый перечень его работ. – *А.О.*) позволяют мне предположить, что по нервно-психической конституции А. А. Гагаев – интроверт, по темпераменту – сангвиник. Бесконечно любящий жизнь и человека, справедливый, честный, здравомысленный, увлекающийся и бесконечно скромный человек.

Гносеология

Исследуя русскую сказку, А.А. Гагаев вводит понятие соборности русской гносеологии [Гагаев А.А., Гагаев П.А., 2016.]. Будучи сыном русского народа, А. А. Гагаев и сам в полной мере проявляет соборность гносеологии и онтологии, познавая и воссобирая в своих исследованиях мир в многомерности его реальностей и духовных форм.

Замечательная особенность работ Андрея Александровича заключается в том, что наблюдения и суждения его не оторваны от мира, не принадлежат к метафизическому пространству, но отражают, структурируют, ха-

рактируют жизнь и природу общества и человека с удивительной точностью и вовлеченностью. Не абстрактны рассуждения А.А. Гагаева: глубокий отклик в душе его, переживания, сострадание вызывали трудности и радости человека и общества, к которым он обращался, поэтому работы его, его социально-философская концепция представляют собой воплощенный перформатив, если мы принимаем в качестве одного из определенных перформатива ИКР в габитусном целеполагании. Гносеология Андрея Александровича определяется тем, что он принимал теургическую природу бытия в субстанциональной рефлексии – мир как содержащий в себе не только свое прошлое и настоящее, но и будущее, мир превращающийся и мир будущий. Так сформирована знаменитая субстратная методология А.А. Гагаева [Гагаев, 1994] – рассмотрение предмета как исходного, развитого, того, во что он превращается, и будущего; отсюда и обращение мыслителя к семантике прогностической, семантике возможного, содержащегося в настоящем, оценка прошлого и настоящего в рекурсии из ИКР, умозаключения из будущего и возможного в прошлое и настоящее. Отсюда пессимистический прогноз будущего России и мира и глубокие переживания за судьбу русского народа.

Андрей Александрович видел негативные интенции общественного развития и развития человека как вида, ввел понятие вида *homo debilis* и, будучи любящим сыном своей страны, не мог молчать, критиковал общественные порядки и власть, искал возможные пути решения проблем политических и экономических, воспитательных и образовательных, проблем русской школы в целом, соединяя прочный логический и онтологический фундамент, актуальные выводы и практические рекомендации.

Какие темы интересовали мыслителя? А найдутся ли такие, которые его не интересовали? А.А. Гагаев не признавал границ между научными дисциплинами, и множество ярких его открытий именно интердисциплинарны. Новейшие открытия естественных наук, современные открытия в сфере математики и техники, генетики, нейрофизиологии и медицины, развитие искусственных языков – Андрей Александрович постоянно читал монографии по самым разным специальностям и обладал экспертными знаниями в самых разных областях науки, что нашло отражение в его работах.

Ученый ввел и обосновал существование этнических форм логики научных открытий и изобретений, определил связь сказки, логоса и активности и развития зон мозга, психогенетические изменения при обучении на этнических языках, психологические, личностные и онтологические последствия предательства – перечислять все не позволит формат.

Андрей Александрович коснулся многих тем, сформулировал методологический фундамент и сделал возможным бесконечное число дальнейших исследований, продолжающих и развивающих начатые им [Пузырев, 1995; Пузырев, 2014].

Предмет познания А.А. Гагаева невозможно ограничить только фундаментальными категориями и понятиями в философии, культурологии, антропологии и науке в целом, хотя фактически он сформировал современные гносеологию, онтологию, этику и эстетику, систематизировав и сформулировав такие основополагающие понятия как истина, идеал, личность, справедливость, субстрат как основа познания, драматическое, трагическое, комическое и др.

Гносеология Андрея Александровича представляет собой собирание предмета познания в целостность, сочетающую в себе основания одного и разного рода, и отвечающего вопрошающей к нему познающей духовности, единство познаваемого и познающего, поверение знания общим вселенским принципом – живым единством всего и вся, человека и Космоса, диалектики и антиномичности самой жизни. Эти основания определяют необыкновенную гносеологическую интуицию А.А. Гагаева, не противоречащую логическим законам, но, напротив, неукоснительно соблюдающую их.

Такая гносеологическая реальность как срединность выносимых суждений характерна для Андрея Александровича – он принял Мордовию как вторую родину, полюбил мордву как субстрат русского народа, всем сердцем полюбил Рузаевку и сам был глубоко уважаем и любим семьей, друзьями, учениками и коллегами.

Логика

Феноменологическая рефлексия, атрибутивная рефлексия, функциональная рефлексия, структурная рефлексия синтезируются в общем их объектов, или субстратной рефлексии А.А. Гагаева, определяющей особенность его суждений, а именно срединное – соборное – суждение.

Андрей Александрович стремился к истине когерентной, отрицая консенсусную и конвенциональную истину, моделируя концепции, исходя не из произвольно используемого эмпирического материала, но из всех наблюдаемых фактов, их противоречия, сходства и тождества. Это антиномичная логика, предполагающая совместимость, выводимость и следование различий.

Движение мысли как рациональное, дедуктивное – от более общего к менее общему и воплощению в реальности, так и индуктивное – от менее

общего к более общему, от интуитивного понимания, озарения к теоретическому обоснованию.

Онтология

Онтология А.А. Гагаева – это бытие русского вузовского человека, безусловно находящегося на своем месте, во всей ее полноте: это бытие ученого, мыслителя, педагога, наставника и руководителя, видевшего университет как центр средоточия аксио-гносеологической семантики этноса, центра открытий и изобретений, развития и реализации творческого потенциала личности.

Именно сосредоточение внимания на этническом, локально-общем, выбор локально-общего в качестве субъекта определяет онтологию А.А. Гагаева. Исследует ли он Космо-Психо-Логос народа, предлагает он оптимальную для развития государства структуру, создает ли систему естественной справедливости, выделяет ли субъект права – именно локально-общее ложится в основу каждой модели [А.А. Гагаев, П.А. Гагаев, 2005–2007; А.А. Gagaeв, P.A. Gagaeв, and Osmushina, 2020]. Онтология А. А. Гагаева, как цельной личности, является естественным продолжением его гносеологии: познавая реальность, он давал ей субстанциональность и полноту.

Срединная духовность русских – это и духовность Андрея Александровича. Духовность А. А. Гагаева есть воссобираение на основе субстратной воссобирающей рефлексии разрозненного, одного и разного рода, открытие в нем драматической полноты бытия, диалектика интенций движения к светлому и доброму, эволюционному прогрессу и одновременно к регрессу и распаду. Это духовность соборная, ищущая совместимости, выводимости и следования этносов в жизни на основе истины в моделях Христа, Мухаммада, Будды, Кришны, Будды, Лаоцзы, Конфуция, Чжуанцзы, Зороастра, Моисея, не унифицирования, а сохранения уникального, локально-общего и культурно-типического, приятия онтологий всех людей как совместимых в жизни, истине и добре, понимания этноса как субстрата *homo sapiens* и *homo debilis*, а вселенной как субстрата идеального. Важнейшей миссией А. А. Гагаева было развитие и превращение в стройную систему Космо-Психо-Логических исследований как методологии исследования антропологии человека и этноса, особенно этноса. Андрей Александрович выполнил исчерпывающее исследование КПЛ русского народа, КПЛ этносов Мордовии (мокша, эрзя, татар), начал и не успел завершить системное исследование КПЛ финно-угорских народов [Гагаев,

Кудаева, 2009; А.А. Гагаев, П.А. Гагаев, Леткина, 2017; А.А. Гагаев, П. А. Гагаев, 2005–2007; А.А. Гагаев, П. А. Гагаев, 2019].

Этика

В этике А.А. Гагаев проповедовал совместимость различных фундаментальных религиозных учений, был критичен к институту церкви за те преступления, что церковь совершила в истории, но тем не менее духовность Андрея Александровича очевидно коррелируется с православием, определяется русской этической целостностью. Православность характерна для этики А. А. Гагаева как соборность всех сторон бытия, не просто гуманистические, а всемирно-русские ценности как всеобщие.

Ценность истины и следование истине в науке и в жизни. Нравственные ориентиры и справедливость – Андрей Александрович и жил, как и писал, никогда никого не обижая и не лукавя. Справедливость выше эффективности, правильность выше блага – эти слова из его работ характеризуют и его жизнь.

Приоритет внутреннего над внешним. Андрей Александрович никогда не гнался за регалиями и должностями, знал цену себе и своей работе, но всегда просил не хвалить и не благодарить его публично.

Ценность семьи и естественных жизненных циклов. Он был внимательным, любящим мужем, отцом, дедушкой, сыном и братом. Утрата для семьи невозполнимая.

Добра и зло как противопоставление
соборного, всеединого – одиночному, унифицированному;
поверение всего всеобщим – поверение всего собой;
открытость иным ценностям – закрытость иным ценностям;
светло-бесконечного – конечному;
истины – лжи;
справедливости – несправедливости;
духовного роста – утилитарности;
творческих потенций – потребительскому бытию;
бытия естественного, здорового – бытию химерному;
цельности бытия – фрагментарности бытия;
равенства при сохранении естественной иерархии способностей – неравенству, произволу и холопству;
занятия своего места – занятия не своего места;
созидательного труда, здравомысленной организации витальности – гипобулии, гипоноией, энантности;

эусоциального альтруизма – реципрокальному и парохияльному альтруизму.

Эстетика

В эстетике А.А. Гагаев – сторонник абстракций локально-общего типа как определяющих в некотором отношении всеобщее. Выделю следующие черты эстетики А.А. Гагаева:

- Драматическое, трагическое и комическое неразрывно связаны в жизни и человеке как диалектика наслаждения жизнью и страх ее быстротечности.

- Драматическое – невосполнимые жизненные потери; межличностный конфликт в конкуренции за материальные блага; внутриличностный конфликт между следованием высокой цели, усилиями и самоограничениями и гедонизмом.

- Трагическое – борьба с необходимостями; конфликт свободы и несвободы личности в обществе; смерть; гибель идеалов; деградация культуры, искусства, образование и, как следствие, человека и человечества; следование злу.

- Комическое – некомпетентность, глупость (имеющие порой трагичные последствия), редукция к ничтожеству, нахождение ничтожного в великом.

- Возвышенное – сосредоточение жизненной энергии в борьбе за идеал, воплощение гуманистических идеалов в жизни, смелость декларировать истину, жить не по лжи.

- Низменное – следование страстям, гедонизм собственности и власти

- Прекрасное – естественность жизни.

- Безобразное – эгоизм и угнетение таланта в среде бюрократии.

- Отвратное – предательство, неблагодарность; бездействие, безответственность, конформизм, что определяло нон-конформизм Андрея Александровича, не мог он молчать, будучи homo orator, руководствующимся идеалами.

Мессианская роль и миссия, целевая функция в жизни

Мессианская роль – пророк.

Миссия – сам А.А. Гагаев видел свою миссию в создании философии мордовского народа. Как он писал, народ должен иметь свой эпос, свою музыку, свою школу, свою науку и свою философию. Так, Андрей Александрович стремился к тому, чтобы его труды завершили становление философского сознания и самосознания мокши и эрзи. Я же вижу миссию А.А. Гагаева много шире: его системное мышление и субстратная рефлексия позволили синтезировать всечеловеческое, общекультурное, и куль-

турно-типическое, создав валидное обоснование судьбы России как единства, совместимости, выводимости и следования этнических групп.

Судьба – быть *princers poetatum*, на работы которого будут опираться поколения думающих людей.

Литература

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании. Саранск: МГУ им. Н.П. Огарева, 1994. 48 с.

Гагаев А.А., Кудаева Н.В. Угро-финский космо-психо-логос. Саранск, 2009. 614 с.

Гагаев А.А., Гагаев П.А., Леткина Н.В. Удмуртский космо-психо-логос в антропологическом сравнении мокши, эрзи, удмурта // Социосфера. 2017. № 4. С. 40–47.

Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философская и культурно-типическая антропология. Русский космо-психо-логос. Культурно-типическая модель науки. Демографические и эстетические основания космо-психо-логоса. Система философии: в 2 Т. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2005–2007.

Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философия и природа, космо-психологическая модель русской сказки. В 3 т. Саранск, 2016.

Гагаев А.А., Гагаев П.А. Эстонский КПЛ: компаративистский подход // Миф в истории, политике, культуре: сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции / Под ред. О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С.В. Юрченко. 2019. С. 64–67.

Гагаев А.А., Пузырев А.В. Психология сказки / Философия и природа, космо-психо-логическая модель русской сказки. Т. II. Теория истины в сказке, сказочное понятие и абстракция, психология и педагогика сказки. Саранск: «Ваш формат», 2016. С. 144–155.

Пузырев А.В. О системном подходе в лингвистике: учебное пособие для студентов филол. спец-тей. М.: ВНИИГеосистем, 2014. 520 с. (серия «Библиотека духовной культуры», вып. 47).

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. М.; Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1995. 378 с.

Gagaev A.A., Gagaev P.A., Osmushina A.A. The theory of the natural justice // Modern science 1-1 (2020): 350-358. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41870359> (дата обращения: 10.04.2021).

References

Gagaev A. A. *Teorija i metodologija substratnogo podhoda v nauchnom poznanii* [Theory and methodology of substrate approach in scientific knowledge]. Saransk: Publ. MGU im. N. P. Ogareva, 1994. 48 p.

Gagaev A.A., Kudaeva N.V. *Ugro-finskij kosmo-psiho-logos* [Ugro-Finnish cosmo-psycho-logos]. Saransk, 2009. 614 p.

Gagaev A.A., Gagaev P.A., Letkina N.V. Udmurtskij kosmo-psiho-logos v antropologičeskom sravnenii mokshi, jerzi, udmurta [Udmurt cosmo-psycho-logos in anthropological comparison of Moksha, Erzya, Udmurt] // *Sociosfera* [Sociosphere]. 2017. № 4. Pp. 40-47.

Gagaev A.A., Gagaev P.A. *Filosofskaja i kul'turno-tipičeskaja antropologija. Russkij kosmo-psiho-logos. Kul'turno-tipičeskaja model' nauki. Demograficheskie i jestetičeskije osnovanija kosmo-psiho-logosa. Sistema filosofii. V 2 T.* [Philosophical and cultural-typical anthropology. Russian cosmo-psycho-logos. Cultural-typical model of science. Demographic and aesthetic foundations of cosmo-psycho-logos. The system of philosophy. In 2 Vols]. Saransk: Publ. Izd-vo Mordovskogo un-ta, 2005–2007.

Gagaev A., A., Gagaev P.A. *Filosofija i priroda, kosmo-psiho-logičeskaja model' ruskoj skazki. V 3 T.* [Philosophy and nature, cosmo-psycho-logical model of the Russian tale. In 3 Vols]. Saransk, 2016.

Gagaev A.A., Gagaev P.A. Jestonskij KPL: komparativistskij podhod [Estonian CPL: a comparative approach] // *Mif v istorii, politike, kul'ture. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii. Pod red. O. A. Gabrieljana, A. V. Stavickogo, V. V. Hapaeva, S. V. Jurčenko* [Myth in history, politics, culture. Collection of materials of the III International Scientific Interdisciplinary Conference. Eds. O.A. Gabrielyan, A.V. Stavitskii, V.V. Hapaev, S.V. Yurchenko]. 2019. S. 64–67.

Gagaev A.A., Puzyrev A.V. Psihologija skazki [Psychology of a tale] In: *Filosofija i priroda, kosmo-psiho-logičeskaja model' ruskoj skazki. Tom II. Teorija istiny v skazke, skazochnoe ponjatie i abstrakcija, psihologija i pedagogika skazki* [Philosophy and nature, cosmo-psycho-logical model of the Russian tale. Volume II. Theory of truth in a tale, tale concept and abstraction, psychology and pedagogy of a tale]. Saransk: Publ. Vash format, 2016. S. 144-155.

Puzyrev A.V. *O sistemnom podhode v lingvistike: učeбноe posobie dlja studentov filol. spec-tej* [About the systematic approach in linguistics: a textbook for students of Philology]. Moscow: Publ. VNIIGeosistem, 2014. 520 s.

Puzyrev A.V. *Anagrammy kak javlenie jazyka: Opyt sistemnogo osmyslenija* [Anagrams as a phenomenon of language: The experience of systemic under-

standing]. Moscow, Penza: Publ. Institut jazykoznanija RAN, PGPU im. V.G. Belinskogo, 1995. 378 s.

Gagaev A. A., Gagaev P. A., and Osmushina, A. A. The theory of the natural justice. *Modern science* 1-1 (2020): 350-358. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41870359> (accessed: 10.04.2021).

*Канд. психол. наук, докт. филол. наук А.В. Пузырев (Покров)
puzyrev-a-v@yandex.ru*

ЧЕРЕЗ ФОТОГРАФИИ – О СЕМИДЕСЯТИЛЕТИИ БОЛЬШОГО УЧЁНОГО

Аннотация. Статья посвящена семидесятилетию известного русского философа А.А.Гагаева, автора субстратной методологии, одного из вариантов общенаучного метода восхождения от абстрактного к конкретному. В статье содержатся воспоминания об этом учёном, с которым автор статьи был лично знаком. Огромным достоинством предложенной А.А.Гагаевым методологии является то, что она может быть использована в различных областях знания. В частности, она была использована автором статьи в своей психологической исследовательской деятельности и психологической практике.

Ключевые слова: А.А.Гагаев, субстратная методология, возможности метода, воспоминания о философе.

Candidate of Psychology, Doctor of Philology A. V. Puzyrev (Pokrov)

THE SEVENTIETH BIRTHDAY OF A GREAT SCIENTIST THROUGH THE PHOTOS

Abstract. This article is devoted to the seventieth birthday of the famous Russian philosopher A.A. Gagaev, who was the author of the substrate methodology, one of the variants of the scientific method of rising from the abstract to the concrete. The article contains memories of the scientist, whom the author was personally acquainted with. Big advantage of this methodology is that it can be used in different spheres of knowledge. For example, it is used by the author of the article in his psychological research and practice.

Key words: A.A. Gagaev, substrate methodology, possibilities of the method, memories of the philosopher.

Наша конференция посвящена не только 150-летию Московского педагогического государственного университета, но также 70-летию юбилею, к сожалению, безвременно ушедшего от нас профессора Андрея Александровича Гагаева.

Из множества имеющихся у меня фотографий здесь опубликую четыре. Так-то его фотографий у меня много. Главным образом – с международных конференций «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты», которые мною проводились и в Пензе, и в Ульяновске, и в Орехово-Зуево (теперь проводятся в Покрове).

Вот первая, датированная 1972 г. Она была подарена мне Андреем, когда он учился на втором, а я на третьем курсе историко-филологического факультета Пензенского пединститута.

Я начал учиться в Пензенском пединституте с 1971 г., после закрытия Мелекесского пединститута, где проучился первые два курса. Помню, с Андреем начали общаться глубокой осенью 1971 г., во время и после похорон какого-то профессора-историка.

На поминках были и те студенты, что приняли в похоронах различную степень участия.

Ребята сразу же показали на Андрея как на «очень опасного» человека, который ходит с «таким большим-пребольшим ножом, так что ты там не очень-то активно разговаривай с этой девушкой. И вообще, он из Терновки...». Наверно, разыгрывали?

Всему курсу историков (и нам, немногочисленным юношам-литераторам) было известно о безответной любви Андрея к студентке N, от общения с которой меня и предостерегали. Но я Андрею чем-то понравился.

Я тогда только-только начал писать стихи – Андрей тоже пробовал себя в стихах. Он их мне показывал. Именно с этим моментом и связана его надпись на обороте фотографии – «Александрю от страдающего романтика Родерико Ашера. 1/IV/72 г. Гагаев А.А.» («Родерико Ашер» – тогдашний псевдоним Андрея).

В 1973-74 гг. я проходил воинскую службу в Амурской области. Вернувшись в Пензу, следы Андрея потерял. Ребята-сокурсники сообщили, что некий профессор М. поощрял студентов-историков к откровенным высказываниям с критикой социального строя в СССР, а затем написал в органы донос на Андрея, обвинив его в антисоветизме.

Был в этой истории у профессора-историка какой-то личный интерес. Может быть, он хотел помочь той студентке N стартовать в науку? По крайней мере, стартовать в науку у неё получилось: после окончания вуза

она стала преподавать на кафедре истории КПСС, где этот профессор был заведующим. Много позже стала автором статьи об этом профессоре в Пензенской Энциклопедии.

Обвинение в антисоветизме тогда дорого стоило... Донос профессора-историка и стал будто бы основной причиной срочного перевода Андрея в Мордовский государственный университет – во избежание крупных неприятностей...

Спустя много лет я спросил Андрея о причинах перевода в Саранск. Он ничего мне по существу не сказал, ответил лишь: «Я всех простил».

А как учился? Одногоруппники Андрея рассказывали, что если на обычный вопрос «Ты готов к занятию?» Андрей отвечал «Готов», то от него можно было ожидать такого глубокого по уровню ответа, какой не всегда был доступен и некоторым преподавателям... Так что Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева от перевода Андрея в Саранск только выиграл.

К сожалению, у меня нет фотографий от 1989 г., когда мы с Андреем общались наиболее плотно.

Ситуация у меня на тот момент была аховая. С одной стороны, у меня накопился значительный по объёму эмпирический материал по анаграммам и анафонии в стихотворной и прозаической художественной речи. С другой стороны, у меня не было никакого представления о том, как всё это «упаковать», т.е. преподнести научному сообществу в целостном виде.

Свой материал я представлял в виде ёжика в капроновом чулке: ёжик-то живой, но его иголки торчат... Принятие какого-либо привычного способа изложения потребовало бы этого ёжика умертвить – проигнорировать те или иные существенные факты и закономерности анафонии. И я от этого страдал.

И вот иду я в 3-й зал Ленинской библиотеки и вижу... Андрея Гагаева собственной персоной! Он стоял у стола, где выдавалась заказанная литература.

Он:

– Привет, как дела! Что ты тут делаешь?

Я:

– Я на стажировке, монографию пишу... (ту монографию я так и не закончил. – А.П.)

Он:

– Я тоже на стажировке, субстратную методологию разработал.

И тут же увлечённо стал объяснять принципы её организации на примере политической экономии. Из объяснений я ничего не понял, кроме одного: «Это мне нужно!» Договорились о встрече.

Я жил тогда у метро «Тёплый Стан», а он размещался в общежитии при МГУ, в известном высотном здании. Приехал к Андрею для обсуждения с ним композиции своей будущей работы. А он говорит примерно так: «Вроде бы всё правильно, только вот здесь линию (вертикальную) выдержать надо...» Возвращаюсь, смотрю внимательно: это не та работа, которую хочу написать!

Ещё раз приезжаю с новой схемой. А он: «Вроде бы всё правильно, только вот здесь линию (горизонтальную) выдержать надо...» Возвращаюсь, смотрю – опять не та работа, которую хочу написать!

Так ездил к нему три раза. Затем уехал домой, в Пензу, и уже на полу раскладывал карточки к своей теме. Сначала было трудно необыкновенно!.. Мозги кипели, а затем... карточки стали сами летать по нужным для них клеточкам! А затем, уже в процессе написания монографии, мой материал начал «кочевать» из одной клеточки в другую (так произошло при осмыслении анафонии и анаграмм в пословицах, которые ранее мною относились к уровню языка).

Кроме всего прочего выяснилось, вопреки моим предварительным представлениям, что материала по двум «клеточкам» у меня нет, и пришлось разыскивать материал для них. А я-то искренне полагал, что имеющегося материала больше чем много!

В результате я смог выйти из состояния творческого тупика – и моя работа стала писать сама себя, стала саморазвиваться как нечто независимое от меня самого. Я бросал писать на половине предложения, уходил по бытовым вопросам – а затем приходил, и книга продолжала писать себя сама... Это сказочное состояние творческого вдохновения – незабываемо!

В связи с этим, пережитым мною состоянием почему-то вспоминается запись братьев Гонкур в своём «Дневнике»: «Книги не создаются, как хотелось бы. Уже с самого начала, едва замыслив вещь, мы оказываемся во власти случая, а дальше какая-то неизвестная сила, какое-то принуждение предопределяет развитие темы и водит пером. Иногда вам даже трудно признать написанные нами книги плодом собственного творчества: мы поражены, что всё это было в нас, а мы об этом не имели никакого понятия» (цит. по: [Я. Парандовский, 1982, с. 248]).

А вот фотографий от этого времени у меня, к сожалению, не имеется...

Большинство фотографий, где присутствует Андрей, сделано во время конференций, которые я проводил в Ульяновске.

Когда он приехал ко мне в Ульяновск первый раз, я объявил в аудитории (а в ней традиционно сидело много студентов), что перед ними сейчас выступит Андрей Александрович Гагаев, о котором они очень часто слышали от меня. Раздались аплодисменты. После выступления он тихо попросил меня больше не заявлять его с такой помпой. Вне его присутствия – как хочу, а при нём – не надо!

Вообще, горжусь тем, что, будучи по своей натуре анахоретом, Андрей – пока это было в его силах – всегда лично участвовал во всех моих конференциях. В этом смысле нас было только двое организаторов конференций, на которые Андрей всегда приезжал, – я и его брат, ныне доктор педагогических наук, профессор Павел Александрович Гагаев.

О том, что Андрей – замечательный учёный, философ, я понял сразу – в ходе первой встречи в 1989 г. в Ленинке. Когда ещё был кандидатом наук. Его субстратную методологию воплотил в своей докторской, которую защитил в том же самом 1995-м г., что и сам Андрей. Он защищался в МГУ имени М.В. Ломоносова, а я – в СГУ имени Н.Г. Чернышевского. Как он сам признался однажды, я оказался единственным, кто показал его методологию как бы изнутри, материализовал её в общенаучном (общелингвистическом) методе познания, показал – как она «работает». А вообще с использованием его субстратного подхода было защищено пять докторских диссертаций в разных областях знания (философия, лингвистика, медицина, педагогические и технические науки). В этом смысле полагаю, что деятельность А.А. Гагаева имеет фундаментальный, общенаучный, планетарный характер.

* * *

К своей методологии Андрей относился как рабочему инструменту. Когда возник вопрос о необходимости выделять не четыре, а пять ступеней сущности языка (сейчас мною выделяются: *мышление – язык – психофизиология – речь – общение*), он сначала считал психофизиологию пятой по счёту ступенью сущности. Я как лингвист, психолингвист и вообще учёный не мог согласиться с этим и поставил её третьей по общему счёту. С течением времени он согласился с моей аргументацией.

* * *

На моё пятидесятилетие Андрей написал статью «Космопсихологос (КПЛ) А.В. Пузырева» [Гагаев, 2002, с. 146–178]. Эти тридцать с лишним страниц текста был царский подарок от Андрея Александровича Гагаева!

К стыду и сожалению своему, я не всё тогда понял (да и сейчас остаётся достаточно много неясного в структуре авторской мысли философа).

В чём-то эта статья повлияла на мою жизнь... В статье прозвучал скрытый (для меня явный) упрёк в том, что я являюсь сторонником философии Дня жизни:

«Философия Дня жизни имеет еще один инвариант – интенцию на приспособление, а не изменение среды. Это эволюционная интенция человека, который ещё остается зоологическим видом, но лишь перейдя к интенции на изменение он приобретает комплекс Homo Sapiens. С интенцией на приспособление связана интенция на выживание, а это не вполне человеческая, и даже не человеческая, а зоологическая интенция, и её следствием является руководство принципом – цель оправдывает средства» [Гагаев, 2002, с. 172].

Я не стал тогда спорить, возражать Андрею: мною к тому времени уже был подготовлен цикл из четырёх статей на общую тему «За минуту до Большого Взрыва». Этот цикл был опубликован в декабре 2002 г., спустя месяц после публикации Андрея... Публикация этого цикла кардинально изменила мою жизнь.

Цикл появился в результате ознакомления с пророчеством планетарной катастрофы, сформулированным в книге М. Веллера «Всё о жизни» [Веллер, 1999]. В ней писатель обосновал мысль о том, что целью существования человека, человечества вообще является уничтожение Вселенной. Развивая мысль писателя, я решил конкретизировать его рассуждения и к весне 2002 г. написал четыре статьи с общим названием «За минуту до Большого Взрыва». В этих статьях обозначил, кто, зачем и как устроит планетарную катастрофу.

Когда я сообщил Юрию Александровичу Сорокину (Институт языкознания АН СССР), что написал такой цикл статей, он – ещё не читая – сказал: «Саша! Бросьте эту затею!» Когда же ознакомился с содержанием, посоветовал опубликовать отдельным изданием и обязательно под своей фамилией: «Найдут всё равно – будет только хуже!» Посоветовал публиковать небольшим тиражом (в двести экземпляров), как он подчеркнул – «для умных людей». Я так и сделал. И опубликовал сборник «Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности» в декабре 2002 г., буквально через месяц после проведения конференции, в материалах которой и была опубликована уже упоминавшаяся статья А.А. Гагаева «Космопсихологос (КПЛ) А.В. Пузырева».

Единственная моя предосторожность заключалась в том, что я раздал часть тиража людям, которым доверяю, с просьбой опубликовать в Интер-

нете эти четыре моих статьи. С соответствующей подписью – если со мной что-то случится странное.

После ознакомления с моей публикацией профессор В.Д. Бондалетов, не выразив ни малейшего сомнения по поводу содержания, заметил: «Теперь у вас появится много врагов, станет много неприятностей».

Дошло ли моё послание до «умных людей»? – Несомненно!

Уже через две недели с пятого, последнего курса отчислили моего сына. Как это произошло? – Не дали сдать зачёт по немецкому языку, не допустили к экзаменам и, как не сдавшего три экзамена, отчислили. Правда, я помог ему закончить курс обучения – в другом, более престижном вузе.

Через год была распущена кафедра психологии, которой я руководил шесть лет («Когда ты был заведующим – у кафедры психологии было золотое время!» – сказала мне спустя несколько лет одна из старейших доцентов кафедры). Кафедра работала успешно, и тем более странно выглядело решение её включить в состав кафедры педагогики. И несколько лет Пензенский педуниверситет существовал вообще без университетской кафедры психологии. Что меня искренне удивило и порадовало – члены кафедры выступили против решения руководства ПГПУ им. В.Г. Белинского и просили сохранить и кафедру, и меня в качестве её заведующего. Эта человеческая поддержка очень много значила для меня!

Дальше больше. Мне пришлось уйти из педуниверситета и уволиться переводом в другой – в Ульяновский госуниверситет. Неприятности были и там. В течение девяти лет моя ставка была снижена с 1,0 до 0,1. Что больше всего меня радует в той ситуации? – Бывшие студенты помнят обо мне и вспоминают с благодарностью. В Ульяновске я получил прекрасную квартиру и устроил – на грамотных психологических основаниях – свою семейную жизнь. По её итогам имею и воспитываю пятерых несовершеннолетних детей. Это бесценный жизненный опыт!

В 2014-м г. я устроился в Московский государственный областной гуманитарный институт, продержался там четыре года. С одной стороны, моему увольнению предшествовала крылатая для меня фраза ректора «Нам патриотизм не нужен – нам нужны компетенции» (это был 2018 г.), с другой стороны – для меня было очевидно участие всё тех же «умных людей». Были и свои несомненные плюсы – я всерьёз занялся психологической практикой.

«Умные люди» почему-то не понимают, что гонения автора пророчества ускоряют трагический по своим последствиям процесс. Он реально

ускорился. И «умные люди» фактически его торопят, как будто бы эта катастрофа их никак не затронет...

Андрей Гагаев был в курсе событий, и – насколько мог – поддерживал. А когда я ему – уже спустя значительное время – высказался типа: «Ты написал, что я гедонист, – а со мной вон что происходит», – он ответил: «Я не раз замечал, что после моих анализов КПЛ человека его жизнь меняется».

Не знаю, как у кого, но вот эта статья А.А. Гагаева, действительно, утвердила меня в правильности своей жизненной позиции и, на самом деле, способствовала серьёзным изменениям моей жизни.

* * *

Я не раз был в гостях у Гагаевых в Рузаевке (есть фотографии, это подтверждающие). Один раз даже встречал Новый год. Ему повезло с женой, которую даже зовут как его мать, – Людмила. Говорил с его дочками, когда они ещё были маленькими... Рассказывал об огромной научной ценности того, что делает их отец. У меня тогда сложилось впечатление, что для них это была информация неожиданная... А вообще-то, Андрею с семьёй повезло...

* * *

Уже после защиты докторской меня осенила мысль: если язык – самая сложная информационная система естественного характера (своего рода общее место для философов), то и к человеку применимо это определение – очень сложная информационная система естественного характера! И законы этих систем изоморфны...

Но если это так (а это так), то та методология, которую я использовал при написании докторской по лингвистике и психолингвистике, вполне применима и по отношению к человеку! См. табл. 1.

И я потихоньку начал переходить в стан психологов...

Жизнь подтвердила правоту и применимость методологии Андрея к практике психологического консультирования. В некоторых случаях время исцеления измеряется минутами!

Сам Андрей относился к моим психологическим изыскам как-то спокойно. А когда я ему говорил, что его методология нужна людям, нужна стране, – отмахивался: «Да никому всё это ненужно...» Но мысль – о необходимости популяризации его подхода в российской (и не только российской) науке – во мне живёт и не оставляет.

И уже двадцать с лишни лет все редакционные статьи к материалам международных научных конференций под общим названием «Язык и

мышление: Психологические и лингвистические аспекты», которые я провожу, включают одну и ту же формулу: «Методологической базой для распределения докладов конференции по конкретным аспектам является универсальная схема научного исследования, предложенная в середине 80-х гг. 20-го столетия философом (доктором философских наук, профессором) А.А. Гагаевым».

* * *

Субстратная методология А.А. Гагаева ощущается мною как живая. Она живёт во мне и заставляет меня поступать так, а не иначе. Очень хочется обучить ей возможно большее число людей. Хочется потому, что в своём предельном понимании позволяет человеку обходиться без лекарств и демонстрировать непреклонную успешность! Помню при этом, что не учитель ищет ученика, а ученик ищет учителя...

* * *

И последнее. Когда пишут о смерти А.А. Гагаева, часто используют слова и словосочетания «светлая память», «ушёл из жизни» и т.п.

Я почему-то не могу произносить и писать подобные слова. Для меня он жив по-прежнему, и мы с ним ведём постоянный разговор о Жизни и её законах. И когда делаю то, что делаю, за спиной всегда ощущаю незыблемость субстратного подхода и незримое присутствие Андрея в моих делах.

Субстратная методология живёт и дышит во мне и придаёт мне жизненной стойкости (а сложностей было и будет немало).

Я очень рад, что Андрей был и встретился мне в этой моей жизни.

Литература

Веллер М. Всё о жизни. СПб.: Нева, 1999. 752 с.

Гагаев А.А. Космопсихологос (КПЛ) А.В. Пузырева // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты: материалы Всероссийской научной конференции (Пенза, 12–16 ноября 2002 г.). М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г. Белинского; Пензенский ИП-КиПРО, 2002. С. 146–178.

Парандовский Я. Алхимия слова. Олимпийский диск: сборник / пер. с польского. М.: Прогресс, 1982. 528 с.

Пузырёв А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: сборник статей. Пенза: ПГПУ имени В.Г. Белинского, 2002. 163 с.

References

Veller M. Vsyo o zhizni. SPb.: Neva, 1999. 752 s.

Gagaev A.A. Kosmopsihologos (KPL) A.V. Puzyreva // Yazyk i myshlenie: Psihologicheskije i lingvisticheskiye aspekty: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Penza, 12-16 noyabrya 2002 g.). M.; Penza: Institut yazykoznanija RAN; PGPU imeni V.G.Belinskogo; Penzenskij IPKiPRO, 2002. S. 146–178.

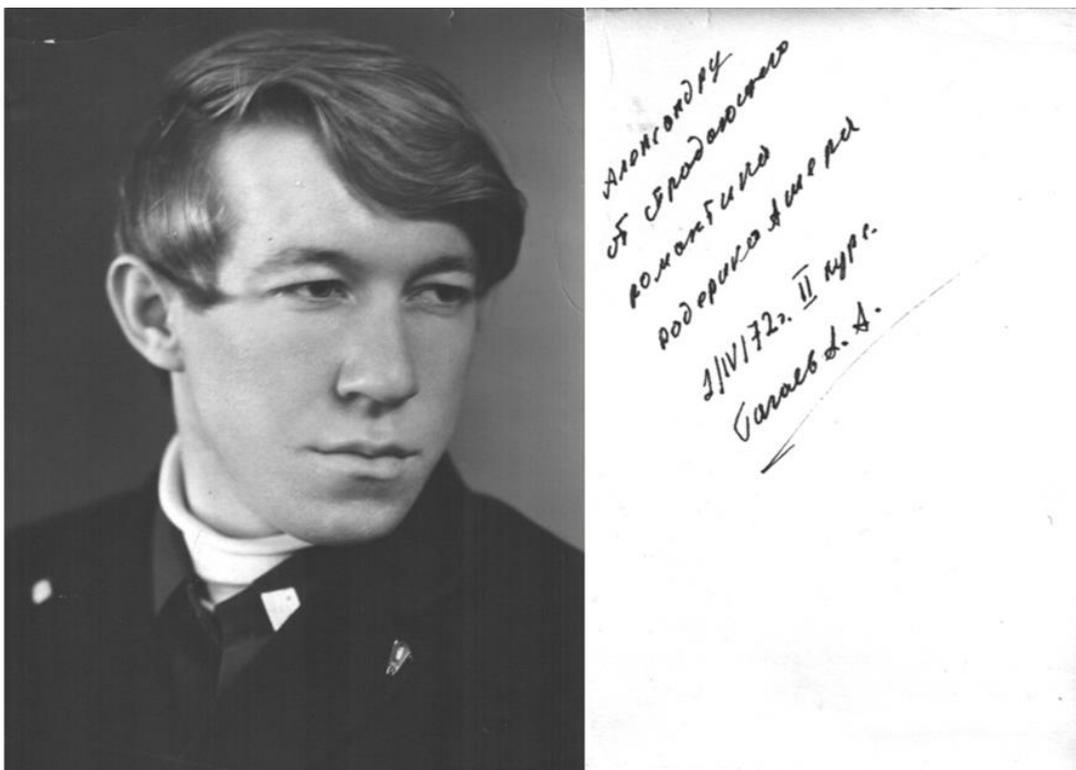
Parandovskij Ya. Alhimiya slova. Olimpijskij disk: Sbornik / Per. s pol'skogo. M.: Progress, 1982. 528 s.

Puzyrev A.V. Opyty celostno-sistemnyh podhodov k yazykovej i neyazyko-voj real'nosti: Sbornik statej. Penza: PGPU imeni V.G. Belinskogo, 2002.

* * *

Психология сценариев жизненного пути человека (схема Александра Владимировича Пузырёва: м.т. 8-925-333-54-07)

	Всеобщее (генетический аспект)	Общее (логический аспект)	Конкретно-абстрактное (закон развития)	Особенное (функциональный аспект)	Единичное (личностный аспект)
Всеобщее (логич.) Бытие (онтологич.)	1. Сумма факторов протекания жизненного пути. Социально-этнические и психологические аспекты: архетипы сознания, культурные концепты, выраженность андрогинии. Историко-философские и эзотерические аспекты.	5. Определение базовых понятий: психика, физиология, сознание, бессознательное; психосоматика. Определение базовых противоречий: жизни и смерти, самоорганизации и саморазрушения, оптимизма и пессимизма, целостности и расщеплённости сознания, воли к жизни и выученной беспомощности.	4. Целостность человека и её расщепление как процесс развёртывания жизненного пути. Гармония и распад, жизнь и смерть, оптимизм и пессимизм, целостность и расщеплённость сознания, актуализации и манипуляции, воля к жизни и выученная беспомощность как движущие противоречия. Закон резонанса и процесс осознания смысла жизни (динамический, деятельностный аспекты) как факторы развёртывания жизненного пути.	3. Функциональные аспекты архетипов сознания, культурных концептов, религии, актуализаций и манипуляций в развёртывании жизненного пути. Осознание смысла жизни, осознанность собственной жизни как факторы развёртывания жизненного пути. Горе ли от ума.	2. Бытие личности как сложение многообразных причин её судьбы. puzyrev-a-v@yandex.ru https://vk.com/id249111178 @psiholog_puzirev www.puzirev-a-v.ru Канал «Психолог скажет» на Яндекс.Дзен
Общее (логич.) Сущность (онтологич.)	6. Онто- и филогенез судьбы. Возможная продолжительность жизни и кодировки на смерть как фактор жизненного пути личности. Нациокультурные концепты как предпосылки судьбы. Некритичное отношение к словам как предпосылка саморазрушения.	7. Уточнение исходных понятий: жизненный путь, судьба, пирамида установок. Единицы мышления, языка, психофизиологии, речи, общения и семейный сценарий. Принципиальная сложность трансформации этих единиц.	8. Агрессия и депрессия как проявление информационной «невооружённости». Понятия о локусе контроля, о фокусе внимания. Психологические основы улучшения судьбы (понимание ситуации как неудовлетворительной, осознание личной ответственности за собственную жизнь, просьба и получение помощи, поднятие энергетики). Вопрос об энергетическом равновесии проблеме. Пирамида установок личности и возможность предсказания судьбы.	9. Смысл и цель осознания болезней и неприятностей. Вопрос о психологических выгодах саморазрушения. Мера и пропорции, а не «либо-либо» в соотношении культуры и природы (Юнг). Некритическое отношение к словам как проявление саморазрушения.	10. Связь установок личности и конкретной человеческой судьбе (постановка гипотезы).
Конкретно-абстрактное (логич.) Необходимость (онтологич.)	15. Психофизиологические аспекты протекания жизненного пути. Принципиальная возможность физического бессмертия. Генетический аспект мотивации. Психологические установки личности в плане их онто- и филогенеза.	14. Определение необходимых понятий: мотивация, психосоматика, рефлекторные акты.	13. Проявления информационной «невооружённости» как процесс. Болезни и неприятности как процесс нарушения связи с законами гармонии, проявления саморазрушения. Динамичность локуса контроля и фокуса внимания. Оптимистический и пессимистический способы кодировок мысли. Улучшение здоровья как проявление повышения адекватности восприятия. Манипуляции со здоровьем, страх боли, болезней и борьба с ними или уход от них как симптомы саморазрушения. Психологическая защита как процесс движения к смерти.	12. Установки на социальный статус. Функциональные аспекты ФАМ, доминанты, выраженности андрогинии, здоровья и болезней.	11. Связь психики и здоровья в конкретной человеческой судьбе (проверка гипотезы).
Особенное (логич.) Явление (онтологич.)	19. Онто- и филогенез тела и способа его соединения с душой как основание для развёртывания судьбы. Реальная продолжительность жизни как проявление диалектики законов гармонии и распада.	16. Установление параметров гармонии, распада и «нормы» в соотношении психики и судьбы. Критерии улучшения судьбы. Предпочтительность ориентации исследования на биографии выдающихся людей.	17. Жизнь как материализация пирамиды установок личности. Телесные изменения как проявления преобладания закона распада над законом гармонии. Болезнь и выздоровление как процесс, протекающий во времени. Процессуальные аспекты использования конкретных психотехник, помогающих выздоровлению. Речевые метки саморазрушения и самоорганизации.	18. Психология социального статуса. Примеры выздоровления после изменения внутренней психологической ситуации, единиц мышления и языка. Конкретные контрсуггестивные тексты и психотехники.	20. Жизненный путь личности в плане уникальной неповторимости факторов её формирования и развития.
Единичное (логич.) Действительность (онтологич.)	24. Социо- и нациокультурные аспекты восприятия «чужого», «Другого» как предпосылки развёртывания жизненного пути.	21. Тожество «лжи» и «правды» в коммуникации и сценарии жизненного пути. Параметры понимания, недопонимания и сверхпонимания. Перспективы общества в плане сценариев жизни.	23. Общение людей как процесс манипуляций и актуализаций и сценарии жизненного пути. Речевые метки манипуляций: «надо», «нельзя», «не твоё дело», «не получится», «не смогу», «это ваши проблемы», глагольные формы 3-го лица и оппозиция «Я – Они» – как метки энергозатрат в процессе общения.	22. Восприятие социального статуса. Стратегическая несостоятельность манипуляций на межличностном уровне: соотношение выгоды и потерь. Функции адекватности восприятия «Другого».	25. Жизненный путь личности в плане уникальной неповторимости её восприятия другой личностью.

Фотография на память (Пенза, апрель 1972 г.)

Андрей Александрович Гагаев

На перроне Ульяновского автовокзала (Ульяновск, май 2010)

*На фото: Выступление на XIV Международной научной конференции
«Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты»
(Ульяновский государственный университет, май 2014 г.)*

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

*Докт. филол. наук Н.В. Дмитрюк, докторант PhD Р.А. Арынбаева
(Шымкент, Казахстан)
nvdmitr@yandex.ru; rimma10.69@mail.ru*

КОНЦЕПТ 'ДРУГ' В АССОЦИАТИВНОМ АВТОПОРТРЕТИРОВАНИИ: РУССКИЕ В РОССИИ И В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию языкового сознания русских, проживающих на территории Казахстана и в России; обсуждается проблема адаптивности и устойчивости отдельных элементов языка и культуры русского этноса в динамике изменившихся социально-экономических условий.

Ключевые слова: языковое сознание, языковая личность, ассоциации.

*Doctor of Philology Natalya V. Dmitryuk,
doctoral student Rimma A. Arynbaeva (Shymkent, Kazakhstan)*

THE CONCEPT OF 'FRIEND' IN ASSOCIATIVE SELF-PORTRAITURE: RUSSIANS IN RUSSIA AND KAZAKHSTAN

Abstract. The article is devoted to the study of the language consciousness of Russians living in Kazakhstan and Russia; the problem of adaptability and stability of certain elements of the language and culture of the Russian ethnic group in the dynamics of changed socio-economic conditions is discussed.

Key words: language consciousness, associative portraits, associations.

Введение

В своем исследовании мы исходим из предположения, что картины мира, отраженные в языковом сознании даже одного этноса, могут быть различными в зависимости от среды проживания, степени ассимилированности с коренным населением и прочими факторами.

Цели и материал исследования

Наши многолетние наблюдения дают основания полагать, что русские, проживающие в России (русские-россияне), и русские, проживающие в Казахстане (русские-казахстанцы), несмотря на общность языка и культуры, обладают разными специфическими особенностями языкового сознания и

по-разному репрезентируют русскую языковую личность. Убедительным доказательством этому могут служить материалы ассоциативных экспериментов, которые признаны одним из действенных способов «овнешнения» языкового сознания. В качестве иллюстрации сопоставим ассоциативные стратегии русских-россиян (по данным ассоциативных словарей [Караулов и др., 1994; Словарь, 1977; Уфимцева и др., 2004]) и русских-казахстанцев (материалы наших полевых исследований с 120 информантами-студентами [Dmitryuk и др., 2021]) на примере содержания ассоциативных полей стимула ДРУГ.

Таблица № 1

Центральные зоны ассоциативных полей русских-россиян и русских-казахстанцев на стимул ДРУГ

Ранг	РР1 (РАС –1994)	РР2 (САС –2004)	РКаз (эксперимент 2018 г.)
1	Верный 12,9 %	Враг 13,8 %	Враг 11,7 %
2	Враг 8,8 %	Верный 10,4 %	Верный 8,2 %
3	Детства 6,2 %	Лучший, хороший 3,9 %	Мой 5, 6%
4	Мой 5,2 %	Недруг 3,7 %	Собака, детства 4,4 %
5	Товарищ 5 %	Мой 3,5 %	Близкий, брат 3,6 %
6	Лучший 3,7 %	Собака 3,4 %	Товарищ 2,7 %
7	Собака 3,2 %	Брат 2,8 %	<u>Старый</u> 2,3 %
8	Близкий, хороший	Подруга 2,2 %	Человека 2,1 %
9	3,0%	<u>Верность</u> 1,8 %	Закадычный, <u>нет</u> (у) 1,8 %
10	<u>Милый</u> 2,2 %	Помощь 1,7 %	%
11	Брат, подруга 1,9 %	Надежный, <u>преданный</u>	Настоящий 1,6%
12	Единственный,	1,3%	Надежный, <u>приятель</u>
13	недруг, 1,7%	Человека 1,2 %	1,4 %
14	Надежный, настоя-	Детства 1,1%	Единственный 1, 3 %
15	щий 1,5%	<u>Дружба, опора</u> 1,0 %	Недруг/не друг 1,2 %
	Закадычный 1,0 %		<u>Один</u> , <u>помощь</u> 1,0 %

Методы исследования

Во всех трех ассоциативных списках (русских-россиян РР1 (1990-е) и РР2 (2000-е) и русских-казахстанцев РК) зафиксированы 8 совпавших ассоциаций: две самые типичные реакции *верный* и *враг* и еще 6 ассоциаций (*брат, детства, мой, надежный, недруг, собака*), что говорит в целом о достаточно устойчивой общеязыковой (и общекультурной) стратегии ассоциирования и неизменного (в основных позициях) восприятия образа/понятия, стоящего за стимулом *друг*.

Далее обратим внимание на общность и разницу центральной зоны ассоциативных полей (АП). В нашей выборке таковой мы посчитали группу реакций, зафиксированных с частотой не менее 1% от общей суммы всех ответов, без учета единичных ассоциаций. Общими для групп россиян РР1 и РР2 оказались три реакции – *лучший*, *подруга* и *хороший* с близкими ранговыми показателями частотности; в то время как в группе РР1 отмечено больше совпадений с ответами русских-казахстанцев: *близкий*, *единственный*, *закадычный*, *настоящий* и *товарищ* – пять общих позиций, а с группой РР2 у русских-казахстанцев РК таких совпадений только два – *помощь* и *человека*.

Отчасти понятно, почему ушла из центра АП группы РР2 ассоциация-советизм *товарищ* (однако осталась в центре АП русских-казахстанцев), но удивительно, что и типично русское устойчивое выражение *закадычный друг* отсутствует в центральной зоне САС [САС 2004] в группе РР2, но по-прежнему актуально в группе РК, зафиксированное даже чаще (1,8%), чем у РР1 (1,0%). Представляется очевидным вывод о том, что образ мира (через представление о *друге*) у русских-казахстанцев оказывается ближе к русским советского и «перестроечного» времени, чем к русским «обновляющегося» периода России.

Что касается несовпадений в центральной зоне сопоставляемых трех групп русских респондентов, то оказывается, что у РР1 единственной не представленной в двух других сопоставляемых списках является ассоциация *милый* (возможно, это реминисцентная реакция начитанной советской молодежи на роман Мопассана «Милый друг»). В группе РР2 таких несовпавших реакций 4 – *верность*, *дружба*, *опора*, *преданный*, и все они дополняют общую картину традиционных представлений о друге: деривационные образования от слова-стимула (*друг* – *дружба*) и его типичной характеристики (*верность* – *верный*), и синонимичная ей реакция *преданный*. В группе РК из четырех несовпавших реакций (*старый*, *нет*, *приятель*, *один*) можно отметить ассоциацию *нет/нету* с достаточно высоким рангом частотности 1,8% и примыкающую к ней по смыслу реакцию *один* (1,0%), фиксирующих факт отсутствия друзей или их малочисленность у группы РК, чего не было в центральных зонах АП русских россиян. Ассоциация *старый* (2,8%), скорее всего, отсылает нас к пословице «Старый друг лучше новых двух» и свидетельствует об устойчивости фрагментов паремиологического фонда (как и ассоциация *закадычный*) в языковом сознании русских казахстанцев, что дает основания считать этот фонд достаточно жизнеспособным и в инокультурном окружении.

Выводы

Сопоставительный анализ фрагментов центральных зон ассоциативных полей позволяет говорить о том, что современный образ мира у русских-казахстанцев напоминает восприятие одних и тех же концептов почти 20-летней давности (судя по Русскому ассоциативному словарю 1994 г.), не вполне коррелирует с образами русских-россиян “обновляющейся России”, но оказывается ближе к ассоциативному восприятию казахов. То есть современные русские, проживающие в настоящее время в Казахстане, отчасти остаются в своих восприятиях в прежней реальности, но и активно воспринимают традиции, быт и современные изменения страны проживания – Казахстана. Динамика происходящих изменений указывает на своеобразие мировосприятия представителей одного этноса в данную эпоху, на интенсивность влияния различных процессов на наше языковое сознание, шире – на этническую картину мира и иерархию базовых ценностей в ней.

Литература

Русский ассоциативный словарь (РАС) / Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева и др. Т. 1–6, М., 1994–1998.

Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. М.: МГУ, 1977. 246 с.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский (САС) / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова и др. М., 2004. 800 с.

Dmitryuk N., Balyasnikova O., Arynbayeva R. (Дмитрюк Н., Балясникова О., Арынбаева Р.) Russian word in a Foreign cultural context: associative studies of language consciousness. (Русское слово в инокультурном контексте: ассоциативные исследования языкового сознания). MSC 2020: International Scientific and Practical Conference «MAN. SOCIETY. COMMUNICATION». The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences» (EpSBS) // МНПК «Человек. Общество. Коммуникация» (Великий Новгород, НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2021, с. 129–137). DOI:10.15405/epsbs.2021.05.02.16 <https://www.europeanproceedings.com/proceedings/EpSBS/volumes/vol108-msc-2020>

References

Karaulov Yu.N., Tarasov E., Ufimtseva N.V. i dr. Russkij asociativnyj slovar (RAS) [Russian associative dictionary (RAD)]. Т. 1–6, М., 1994–1998.

Slovar asociativnyh norm russkogo yazyka [Dictionary of associative norms of the Russian language] // Pod red. A.A.Leonteva. М.: MGU, 1977. 246 s.

Ufimceva N.V., Cherkasova G.A. i dr. Slavyanskij asociativnyj slovar: russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrainskij (SAS) [Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian (SAD)]. M., 2004. 800 s.

Dmitryuk N., Balyasnikova O., Arynbayeva R. Russian word in a Foreign cultural context: associative studies of language consciousness. // MSC 2020: International Scientific and Practical Conference «MAN. SOCIETY. COMMUNICATION». The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences» (EpSBS) // [velikij-novgorod-novgu-im-yaroslava-mudrogo, 2021, s. 129-137). DOI:10.15405/epsbs.2021.05.02.16 <https://www.europeanproceedings.com/proceedings/EpSBS/volumes/vol108-msc-2020>

*Канд. филол. наук Е.А. Зацепина (Москва)
myshila@mail.ru*

ТРЕНДОВЫЕ АНГЛИЦИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КВЕСТ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются трендовые (актуальные) заимствования из английского языка (англицизмы) на примерах текстов СМИ. Основное внимание уделено новейшим англицизмам-именам существительным, появившимся в русском языке за последние годы, дано их толкование.

Ключевые слова: англицизмы, заимствования, имена существительные, современный русский язык, средства массовой информации.

Candidate of Philological Sciences E.A. Zatsepina (Moscow)

TRENDING ANGLICISMS AS A LINGUISTIC QUEST OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article discusses trending (current) borrowings from the English language (anglicisms) using examples of media texts. The main attention is paid to the latest anglicisms-nouns that have appeared in the Russian language in recent years, and their interpretation is given.

Key words: anglicisms, borrowings, mass media, nouns, the modern Russian language.

Проникновение иностранных слов в русский язык – это естественный лингвистический процесс пополнения словарного состава, характеризующийся появлением и закреплением определённых иноязычных лексем для

каждой эпохи. В процессе своего естественного развития современный русский язык под влиянием заимствований из английского языка (англицизмов) претерпевает те или иные преобразования, поскольку является открытой системой, характеризующейся подвижностью с возможными изменениями под влиянием действующих на неё факторов. Становясь неотъемлемой частью лексикона говорящего, новые заимствования проникают в сферу непринуждённого общения... Большая часть новых заимствований являются англицизмами, что связано с международным использованием английского языка в современном мире и глобализацией [Зацепина, Рудинова, Бойченко, 2020, с. 179].

Англицизм – это единица любого языкового уровня, перенесенная в русский язык, прошедшая определенную трансформацию или оставшаяся в своем оригинальном облике. Большая часть заимствований из английского языка – имена существительные, так как их перенос в русский язык не связан со структурными изменениями. Эти англицизмы заимствуются в русский язык одновременно с их грамматической интеграцией [Дьяков, 2012, с. 6]. Заимствованная лексика вызывает очевидный интерес, прежде всего как лингвистический и культурологический факторы. Явление заимствования представляет собой сложный и разносторонний языковой феномен [Зацепина, 2020, с. 186].

Объектом исследования данной статьи являются англицизмы-имена существительные, появившиеся в языке за последние годы. В современном русском языке заимствованные слова относятся к сферам, наиболее значимым для говорящего и играющим большую роль в его жизни [Зацепина, Рудинова, Бойченко, 2020, с. 179].

Материалом для данной статьи послужили англицизмы-имена существительные, эксцерпированные методом случайной выборки из газеты «Московский комсомолец» за 2022 г.

Подбор языкового материала обусловлен появлением в русском языке последнего времени новых трендовых (актуальных, востребованных, модных) заимствований из английского языка, которые стали весьма часто употребляться в разных формах речи. За основу данной работы были взяты онлайн словари англицизмов, поскольку мы считаем их наиболее актуальными, так как зафиксированные в них новейшие лексические единицы, заимствованные из английского языка, на данный момент в своём большинстве ещё не нашли отражение на страницах печатных словарей.

Отбор языковых единиц осуществлялся при помощи электронных ресурсов «Словарь англицизмов русского языка», автором которого является А.И. Дьяков (профессор кафедры иностранных языков СибУПК, профессор

кафедры лингвистики Сибирского института международных отношений и регионоведения), и «Словарик современных англицизмов и модных словечек в русском языке», автор Ю. Новиков. Для исследования отобраны англицизмы-имена существительные, которые сравнительно недавно были заимствованы русским языком, и в последнее время наиболее часто встречаются в различных формах речи – формах (способах) осуществления речевой деятельности: чтении, говорении, письме. Большинство слов английского происхождения относятся к именам существительным. Объясняется это, прежде всего, преобладанием имён существительных над другими частями речи в современном русском языке и способностью существительных обозначать название предмета, лица, процесса или явления [Назарова, 2008, с. 67]. Рассмотрим подобные англицизмы на конкретных примерах из текстов средств массовой информации (СМИ).

Арт-объект (от англ. art object «предмет искусства», «художественное изделие») – это композиция, созданная для получения положительных эмоций. Например:

1. *«Фестиваль «Московское варенье», который проходит в рамках цикла мероприятий «Московские сезоны», продлится до 7 августа... Одинадцать фестивальных площадок украшены символическими арт-объектами – трехметровыми банками с вареньем»* [газета «Московский комсомолец», статья «"Кухня ТВ" на "Московском варенье": викторины, подарки и хорошее настроение», 01.08.2022].

2. *«В этом году праздник проходил в Сосновом Бору. Для гостей приготовили концерты, мастер-классы и детские спектакли. Также в городе открыли несколько социальных учреждений: ветеринарную клинику, баскетбольную площадку, арт-объект и сквер»* [газета «Московский комсомолец», статья «Стало известно, где будет праздноваться следующий день рождения Ленобласти», 06.08.2022].

3. *«В Томске проводится уличный фестиваль под названием Street Vision, в его ходе на фасаде одного из зданий неподалеку от Воскресенской горы появится новый арт-объект. Там нанесут большое граффити, которое посвятят девушке из легенды про Тому и Ушая»* [газета «Московский комсомолец», статья «В Томске на фасаде здания у Воскресенской горы появится портрет Томы из легенды», 06.08.2022].

Аутлет (англ. outlet «торговая точка», «магазин») – формат торгового центра, состоящий из множества отдельных одноэтажных зданий и галерей, специализирующихся на продаже брендов одежды со значительными скидками. Распродажа может происходить как на фабриках и заводах производителей, так и в магазинах и бутиках. Например:

1. «В Петербурге большая часть свободных площадей в торговых центрах приходится на **аутлеты**... Самый большой объем пустых площадей приходится на **аутлеты** – 12,3%... **Аутлет** – это магазин, в котором компания продает свой товар, часто по сниженным ценам» [газета «Московский комсомолец», статья «Более 12% свободных площадей в петербургских ТЦ пришлись на аутлеты», 13.07.2022].

2. «Теперь возим россиян в **аутлеты** и на базары. Покупают абсолютно всё – технику, косметику, шмотки, лекарства» [газета «Московский комсомолец», статья «"В Турции карта «Мир» не проходит": мучения обедневших российских туристов», 20.07.2022].

3. «Посетите **аутлеты**. Это магазины или торговые центры, где продаются прошлые коллекции брендов» [газета «Московский комсомолец», статья «Пять советов, как собрать ребенка в школу и не разориться», 02.08.2022].

Баттл (от англ. battle «битва», «борьба», «сражение», «схватка») – конкурс, соревнование, состязание, турнир. Например:

1. «В Добролюбровке прошел день воспоминания любимых книг... Весьма азартным был **баттл** "Зачитанные". Игроки четырех команд соревновались в знании произведений и их экранизаций» [газета «Московский комсомолец», статья «В Добролюбровке прошел день воспоминания любимых книг», 30.07.2022].

2. «В центре города и на окружных площадках проходят кулинарные **баттлы** и мастер-классы, танцевальные интенсивы, спортивное ориентирование, концертные программы и театральные представления» [газета «Московский комсомолец», статья «"Кухня ТВ" на "Московском варенье": викторины, подарки и хорошее настроение», 01.08.2022].

3. «6 августа нижегородцев ждут различные мастер-классы, рассказы об искусстве, танцевальный **баттл** и музыкальный сет» [газета «Московский комсомолец», статья «Проект "Культурные выходные" стартует в Нижнем Новгороде», 05.08.2022].

Блэкаут (от англ. blackout «временное отсутствие электрического освещения (вследствие аварии и т. п.)», «временное прекращение подачи электроэнергии») – прекращение подачи электроэнергии вследствие аварии в крупных масштабах, иногда продолжительностью до нескольких дней или недель. Например:

1. «В ходе киберучений участники разбились на команды и должны были сообща защитить выделенные им сегменты инфраструктуры от серии разрушительных кибератак, целью которых было повлечь масштабный **блэкаут**. По легенде учений, хакерская группировка производила серию

скоординированных атак на крупный объект электроэнергетики» [газета «Московский комсомолец», статья «В России впервые прошли международные киберучения», 21.06.2022].

2. «В Астраханской области в связи с профилактическими работами будет прекращена подача электроэнергии. **Блэкаут** настигнет Астрахань, а также пять сел Володарского, Ахтубинского, Енотаевского, Красноярского и Харабалинского районов» [газета «Московский комсомолец», статья «Астрахань и еще пять районов области будут обесточены», 05.07.2022].

3. «Правительство Великобритании может попросить граждан понизить температуру в домах и выключать свет, сообщает газета Telegraph... Ещё одним способом избежать **блэкаутов** названа договоренность с оператором единой британской энергосистемы National Grid, которая могла бы делать выплаты крупным потребителям за отключение электроэнергии» [газета «Московский комсомолец», статья «Telegraph: британцев попросят снизить потребление электроэнергии во избежание блэкаута», 24.07.2022].

Квест (от англ. quest «поиск», «поиск приключений», «поход (в переносном смысле – поход за чем-либо)» – интерактивная игра с сюжетной линией, которая заключается в решении различных головоломок за определенный промежуток времени. Например:

1. «После приземления особой радости на лицах пассажиров я не заметила. Люди выглядели напряженными. Ещё бы – россиянам предстояло пройти **квест** с обменом валюты, вызовом такси и оплатой отеля» [газета «Московский комсомолец», статья «"В Турции карта «Мир» не проходит": мучения обедневших российских туристов», 20.07.2022].

2. «В ходе форуме провели также **квест** по понимаю людей с особенностями здоровья. Все желающие смогли попробовать преодолеть сложности, которые испытывают инвалиды: пройти с завязанными глазами, проехать на коляске, и попробовать прочитать текст, написанный шрифтом Брайля» [газета «Московский комсомолец», статья «На форуме «УТРО» в Югре организовали доступную среду для участников», 06.08.2022].

3. «На мероприятии работали эко-площадки, где прошли активности по привлечению внимания общества к экопроблемам: познавательный **эко-квест** «Берегите природу» с экостанциями и эковикторинами от Минприроды и экологических организаций Йошкар-Олы» [газета «Московский комсомолец», статья «XXXVIII Йошкар-Олинский Зеленый полумарафон собрал йошкаротинцев и гостей города на площадке Царевококшайского Кремля», 08.08.2022].

Коворкинг (от англ. co-working «совместная работа», «сотрудничество») – модель работы, заключающаяся в том, что вместо того, чтобы рабо-

тать дома, люди снимают общее помещение, оставаясь независимыми и свободными, но не испытывая при этом недостатка в общении, работая вместе, делясь идеями и помогая друг другу. Основная суть модели – помесечная аренда и территориальное объединение и организация сообщества для более эффективной работы участников. Например:

1. *«На Ямале запустят пилотный проект по созданию локальных молодежных центров в ссузах...»* "...В каждой точке — кофейный, **коворкинг**, мини-лекторий", — сообщил Хайруллин» [газета «Московский комсомолец», статья «Аналогов нет в РФ: яркие молодежные центры откроются в колледжах ЯНАО», 03.08.2022].

2. *«В муравленковской школе завершается возведение наружных и внутренних стен...ведутся фасадные и внутренние работы... Для ребят создадут зоны **коворкинга**, медиацентр, площадки для творчества»* [газета «Московский комсомолец», статья «Две новые школы в Лабытнанги и Муравленко готовы наполовину», 04.08.2022].

3. *«Список креативных индустрий включает виды деятельности в таких сферах, как архитектура и дизайн...исполнительское и цифровое искусство... Также в этот сектор входит деятельность креативных пространств (музеев, галерей...**коворкингов**, тренинг-центров, мейкерспейсов)...*» [газета «Московский комсомолец», статья «В Кыргызстане подписан закон, направленный на развитие креативного предпринимательства», 09.08.2022].

Лайфхак (от англ. life hack «житейская хитрость», «полезный совет для жизни», «хитрость, полезная в быту») – полезный совет во многих сферах жизни. Например:

1. «Вкусный праздник – День арбуза – отмечается 3 августа в нескольких странах, в том числе, в России... **Лайфхак** – считается, что арбузы женского пола намного вкуснее арбузов – мальчиков. У них больше аромата и меньше семечек» [газета «Московский комсомолец», статья «Цена одного килограмма арбуза в Томске упала до 22 рублей», 03.08.2022].

2. «Любой ковер при постоянном использовании загрязняется... Обычно справиться с его чисткой довольно сложно, но есть проверенные и удобные **лайфхаки** на этот случай» [газета «Московский комсомолец», статья «Стирать не придется: сухой способ очистки ковра от грязи и пыли», 07.08.2022].

3. «Летом прошлого года журналисты Яна Шутова и Евгений Шоев отправились в экспедицию вокруг Байкала... На встрече «Самостоятельные путешествия по Байкалу» Яна расскажет о плюсах и минусах такого туризма, необычных **лайфхаках** и секретных локациях» [газета «Московский

комсомолец», статья «В Галерее Бронштейна пройдёт встреча с путешественницей Яной Шутовой», 08.08.2022].

Лонгрид (от англ. longread «длиннопост», «закрепившийся минимальный объем публикации – 1500 знаков») – новый формат подачи объёмной текстовой информации в Интернете. Когда виртуального текста много, его разбивают всевозможными вставками: видеороликами, презентациями, инфографикой, интерактивными картинками, цитатами, сносками, фоновой музыкой, иллюстрациями, встроенными цитатами и т.д. Самое важное, что все они взаимосвязаны между собой – они не просто дополняют текст, а являются его равноправными партнерами. В таком материале крайне важна последовательность изложения, гармоничное сочетание всех его частей – размер и количество иллюстративного ряда, шрифтов, цветов и другое. Лонгрид должен восприниматься как целостная история. Например:

1. «С собой на юг нужно взять не только крем для загара...но и хорошую книжку... Если выбирать **лонгрид** – книгу, которой хватит на путь туда и обратно, то здесь помогут романы Ильи Ильфа и Евгения Петрова» [газета «Московский комсомолец», статья «Смешно и точка: лучшие книги, которые стоит взять с собой на отдых», 25.06.2022].

2. «На конкурсе можно представить текстовые материалы различных жанров (в том числе циклы публикаций, информационные подборки), фото-материалы, радио- и телесюжеты, **лонгриды**, видеоролики...» [газета «Московский комсомолец», статья «Росавтодор приглашает журналистов НАО на конкурс», 09.07.2022].

3. «"....Я создала свой первый **лонгрид**. Это большой информационный материал с огромным количеством фотографий, в нём я описала свой опыт медиаволонтерства", — делится своими впечатлениями юный журналист» [газета «Московский комсомолец», статья «Школьница из НАО вышла в полуфинал "Большой перемены"», 08.08.2022].

Маркетплейс (от англ. marketplace «место торговли», «сфера торговли и экономической активности», «торговая площадка») – (электронная) торговая площадка; онлайн-площадка, собирающая, систематизирующая информацию о товарах и услугах разных компаний. Например:

1. «Записывайте промокоды и их сроки действия – это может дать вам ощутимую скидку. Их можно найти на специальных сайтах, **маркетплейсах** или у блогеров» [газета «Московский комсомолец», статья «Пять советов, как собрать ребенка в школу и не разориться», 02.08.2022].

2. «За время «пилота» решений клиентами банка стали более 20 крупнейших торговых площадок и **маркетплейсов**, а оборот средств с помощью сервисов за первое полугодие 2022 года превысил 113 млрд. рублей» [газета

«Московский комсомолец», статья «Оборот денежных средств через В2В-платёжные сервисы Сбера составил 113 млрд. рублей за I полугодие», 08.08.2022].

3. «...Можно продвигать собственный сайт или податься на **маркетплейсы**, торговые площадки, где разные компании продают свои товары...» [газета «Московский комсомолец», статья «Бизнес в интернете», 09.08.2022].

Месседж (от англ. message «главная идея», «основная мысль», «послание», «сообщение») – идея, напутствие, послание, сообщение. Например:

1. «...Необходимо формировать по-настоящему политические **«месседжи»**, говорить с гражданами о самых серьезных политических проблемах...» [газета «Московский комсомолец», статья «Эксперты объяснили рост конкуренции на выборах в парламенты регионов», 08.06.2022].

2. «Музыкальная антиутопия «Любовь к трем цукербринам»...стала первым оперным спектаклем с применением AR- и VR-технологий... Ценность этого спектакля не только в технологической продвинутости, но и в актуальнейшем **месседже**, призывающем не отдавать душу иллюзии» [газета «Московский комсомолец», статья «Итоги музыкального сезона: какие премьеры запомнились больше всего», 05.07.2022].

3. «"**Месседж** состоит в том, что китайские вооруженные силы в воздухе и на море стали значительно более агрессивными в этом конкретном регионе", — сказал генерал Милли» [газета «Московский комсомолец», статья «Турне американского генерала по Тихоокеанскому региону: настраивает страны против Китая», 25.07.2022].

Скилл (от англ. skill «искусность», «навык», «мастерство», «сноровка») – навык, умение. Например:

1. «Мы не сразу решились брать и делать этот проект, так как идей много, а **скилла** могло не хватить» [газета «Московский комсомолец», статья «Сделано в Тверской области: школьники разработали концепт космической яхты», 23.03.2022].

2. «...Для тех, кто уедет из города на летние каникулы, еще будет возможность прокачивать свои **скиллы** в области программирования, робототехники и кибербезопасности» [газета «Московский комсомолец», статья «Барнаульских школьников бесплатно обучают кибербезопасности», 02.06.2022].

3. «А ведь один из ключевых **скиллов** результативного управленца – его способность воспринимать точку зрения обладающих разной компетенцией людей...» [газета «Московский комсомолец», статья «Пустое место не может быть опорой», 18.07.2022].

Софт (от англ. soft «программные средства»; «программные продукты»; «программное обеспечение») – программное обеспечение компьютера. Например:

1. «Переход на отечественный **софт** позволит не зависеть от регулярных лицензионных платежей и экономить десятки миллионов рублей ежегодно» [газета «Московский комсомолец», статья «МегаФон переводит HR-процессы на отечественное ПО», 30.07.2022].

2. «Как сообщают в пресс-службе УГМК, школьники за две недели успевают разобраться в сложных и масштабных технических проблемах...написать компьютерные программы... За две недели они обучаются работать с инструментами...пробуют себя в программировании, осваивают новый **софт** и т. д.» [газета «Московский комсомолец», статья «Будущие инженеры защитили шесть проектов в центре "Таватуй" в летней смене "ТехноЛидер"», 08.08.2022].

3. «Помимо прав собственности на **софт** постановление указывает и на то, что АИС и все ее элементы не должны иметь функций принудительного обновления и управления из-за рубежа» [газета «Московский комсомолец», статья «Правительство обязало российскую систему бронирования билетов использовать отечественное ПО», 09.08.2022].

Как мы можем видеть из вышеприведённых примеров, на современном этапе развития русского языка «с помощью заимствованных слов журналист может сделать излагаемые в статье сведения более актуальными для читателей, создать у них впечатление, что публикация содержит важную информацию и обязательно должна быть прочитана... Заимствованное слово также может быть призвано поддерживать атмосферу загадочности...» [Зацепина, 2020, с. 123]. Заимствованная лексика становится средством, с помощью которого журналисты оказывают на читателей текстов СМИ явное и скрытое воздействие... Чаще всего с помощью заимствованных слов происходит скрытое, непрямое воздействие: читателя можно убедить в значимости или, наоборот, в отсутствии первостепенности информации... Именно поэтому в языке современных СМИ заимствованные слова используются часто и активно, причём в первую очередь лексемы-неологизмы, значение которых ещё не стало понятным основной части читателей [Зацепина, 2020, с. 123-124].

При использовании в речи трендовых англицизмов, несмотря на их актуальность, а также мнимую презентабельность и оригинальность, необходимо помнить, что «использование заимствований в сообщениях журналистов есть следование так называемой «речевой моде», стремление ярко выделиться среди общего информационного потока. Однако, стремясь сделать

речь более выразительной, не стоит забывать о самобытности русского языка, иначе есть риск возникновения определённого языкового барьера» [Назарова, 2008, с. 86].

Литература

Дьяков А.И. Особенности функционирования англицизмов тематической группы «Обиходно-бытовая лексика» // *Язык и культура.* 2012. № 4 (20). С. 5–21.

Дьяков А.И. Словарь англицизмов русского языка. 2014. URL: <http://www.anglicismdictionary.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

Зацепина Е.А. Англицизмы в современном русском языке рубежа XX–XXI столетий: этимологическая справка и функциональный спектр: монография. М.: Государственный университет по землеустройству, 2020. 212 с.

Зацепина Е.А., Бойченко О.А. Англицизмы нового поколения в сфере культуры русской речи // *Актуальные проблемы культуры речи: материалы Всероссийской научно-практической конференции.* Москва, 2021. С. 70–73.

Зацепина Е.А. Заимствованные слова как средство воздействия на читателя в тексте СМИ // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики.* Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 122–124.

Зацепина Е.А., Рудинова Ю.И., Бойченко О.А. Семантические группы заимствованных слов в современном русском языке // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики.* Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 5. С. 177–179.

Назарова Е.А. Влияние заимствований из английского языка на функционирование имён существительных в современном русском языке (конец XX – начало XXI вв.) // *«Вестник» Московского государственного областного университета.* Серия: Русская филология. 2008. № 2. С. 67–70.

Назарова Е.А. Место заимствований из английского языка в системе национального русского языка (конец XX – начало XXI вв.) // *Русский язык в системе славянских языков: история и современность: сборник научных трудов / Московский государственный областной университет.* М., 2008. С. 290–297.

Назарова Е.А. Место и роль заимствований из английского языка в современном русском языке (конец XX – начало XXI вв.): дис. ... канд. филологических наук / Московский государственный областной университет. М., 2008. 198 с.

Новиков Ю. Словарик современных англицизмов и модных словечек в русском языке. URL: <http://filologia.su/anglicizmy-kotoryh-mozhno-bylo-izbezhat/> (дата обращения: 08.08.2022).

References

Dyakov A. I. Features of the functioning of anglicisms of the thematic group "Everyday vocabulary" // *Language and culture*. 2012. No. 4 (20), Ss. 5–21.

Dyakov A.I. Dictionary of Anglicisms of the Russian language [Electronic resource]. 2014. URL: <http://www.anglicismdictionary.ru> (accessed: 08.08.2022).

Zatsepina E.A. Anglicisms in the modern Russian language of the turn of the XX–XXI centuries: etymological reference and functional spectrum // *Monograph*. Moscow: State University of Land Management, 2020. 212 p.

Zatsepina E.A., Boychenko O.A. Anglicisms of the new generation in the sphere of culture of Russian speech // *Collection "Actual problems of speech culture. Materials of the All-Russian scientific and practical Conference"*. Moscow, 2021. pp. 70–73.

Zatsepina E.A. Borrowed words as a means of influencing the reader in the text of the media // *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*. 2020. No. 4. Pp. 122–124.

Zatsepina E.A., Rudinova Yu.I., Boychenko O.A. Semantic groups of borrowed words in the modern Russian language // *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*. 2020. No. 5. Pp. 177–179.

Nazarova E.A. The influence of borrowings from English on the functioning of nouns in modern Russian (late XX – early XXI centuries) // *"Bulletin" of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2008. No. 2. Ss. 67–70.

Nazarova E.A. The place of borrowings from the English language in the system of the national Russian language (late XX – early XXI centuries) // *"Russian language in the system of Slavic languages: history and modernity. Collection of scientific papers"*. Moscow State Regional University. Moscow, 2008. Ss. 290–297.

Nazarova E.A. The place and role of borrowings from English in modern Russian (late XX – early XXI centuries) // *Dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences / Moscow State Regional University*. Moscow, 2008. 198 s.

Novikov Yu. Dictionary of modern Anglicisms and buzzwords in the Russian language [Electronic resource]. URL: <http://filologia.su/anglicizmy-kotoryh-mozhno-bylo-izbezhat/> (accessed: 08.08.2022).

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОБРАЗ МИРА»
И «ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА»

Аннотация. В статье рассматривается соотношение понятий «образ мира» и «языковая картина мира» с позиций интегративного подхода. Показывается, что языковая картина мира формируется под воздействием ядерных структур различных уровней, имеющих эволюционную природу, и определяющих языковые универсалии. Делается вывод о том, что эти структуры оказывают более сильное влияние на языковую картину мира, чем особенности того или иного конкретного языка.

Ключевые слова: образ мира, языковая картина мира, психолингвистика, эволюционные уровни, ядерные структуры.

Candidate of Psychology T.V.Zelenkova (Orehovo-Zuyevo)
tzelenk@mail.ru

RELATIONSHIP OF THE CONCEPTS "IMAGE OF THE WORLD"
AND "LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD"

Abstract. The article examines the relationship between the concepts of "image of the world" and "linguistic picture of the world" from the standpoint of an integrative approach. It is shown that the linguistic picture of the world is formed under the influence of nuclear structures of various levels, which have an evolutionary nature and determine linguistic universals. It is concluded that these structures have a stronger influence on the linguistic picture of the world than the features of a particular language.

Key words: image of the world, linguistic picture of the world, psycholinguistics, evolutionary levels, nuclear structures.

Изучение языковой картины мира все больше и больше становится объектом междисциплинарных и прикладных исследований. Стремительное развитие интернет-технологий, цифровизация образования и гуманитарных наук поставили современную науку перед необходимостью ориентироваться в способах языковой концептуализации и интерпретации картины мира человека. Языковая картина мира находится в центре внимания не только тра-

диционной лингвистики, но и психолингвистики, психологии, кибернетики, нейронаук. На ее основе создаются поисковые технологии в интернете, концепции искусственного интеллекта, формируются новые научные направления, в частности, нейросемантика, открывающая значительные перспективы в исследовании психической реальности.

Однако содержание понятия «языковая картина мира» невозможно рассматривать вне психологического понятия «образа мира», являющегося традиционным в научном сообществе термином, объединяющим в качестве синонимов словосочетания «картина мира», «карта мира», «модель мира», «категориальная сетка», «система координат», «система конструкторов» и другие. Именно образ мира, на наш взгляд, и является основой языковой концептуализации и формирования языковой картины мира. В связи с этим нашей основной задачей было выяснить соотношение этих двух понятий, что дает возможность по-новому взглянуть на некоторые дискуссионные вопросы психолингвистики.

Прежде всего, определимся с содержанием понятия образа мира, под которым мы, развивая взгляды А.Н. Леонтьева, С.Д. Смирнова и В.В. Петухова, понимаем целостную многомерную, многоуровневую и динамическую систему внутренних концептов, которая регулирует, направляет и предвосхищает деятельность человека.

Образ мира представляет собой продукт, результат и интерпретацию того, что отражается и конструируется психикой человека. Как было показано в наших предыдущих работах [Т.В. Зеленкова, 2019; 2020; 2020а], структура образа мира включает ядерные и поверхностные компоненты, которые существуют на всех уровнях этой многоуровневой системы, при этом сами уровни соответствуют филогенетическим стадиям развития сознания в классификации одного из основателей интегрального подхода Ж. Гибсера, обозначившего пять таких стадий: архаическую, магическую, мифическую, рациональную и интегральную (плюралистическую). Ядерные структуры («схемы», «внутрисистемные связи», «системы значений») амодальны, и не могут существовать без поверхностных структур, которые оформлены чувственно или рационально.

Введенное определение образа мира дает нам возможность обратиться к понятию языковой картины мира, которое, как следует из работы М. Бурас и М. Кронгауза [М. Бурас, М. Кронгауз, 2011], впервые ввел Лео Вайсгербер, подразумевая некую культурноспецифическую модель мира, заложенную в языке. Тем не менее, современные исследователи считают, что статус этого понятия не до конца определен, и является неким прикрытием для лингвистов, поскольку неясно, что представляет собой «картина мира» [там же].

Другое мнение представлено в работах А. Зализняк, И. Левонтиной и А. Шмелева. Изучая русскую языковую картину мира, они определяют ее как отражение в языке определенного способа восприятия и устройства мира [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2012]. На взаимосвязь образа мира и языковой картины мира указывает также В.А. Звегинцев, отмечая, что действительная и объективная картина мира запечатлена в языках [Звегинцев, 1960].

Под языковой картиной мира мы понимаем результат отражения и конструирования в языке различных аспектов образа мира. Отсюда следует, что, по сути, языковая картина мира – это та часть образа мира, отражение и конструирование которой возможно запечатлеть в языке. В связи с этим мы полагаем, что языковая картина мира имеет структурную организацию, сходную с образом мира, а именно, представляет собой многоуровневую систему, включающую ядерные и периферические языковые структуры, функционирующие на каждом уровне этой системы.

Ядерные структуры амодальны и недоступны для осознания. К ним относятся: универсальные (кросскультурные) системы связей, созданные филогенезом в течение эволюции, и системы значений, созданные социогенезом в ходе культурно-исторического развития человека. Это те языковые универсалии, которые имеют эволюционную (а не врожденную, как у Н. Хомского) природу. Ядерные языковые структуры формируются на каждом эволюционном уровне культурно-исторического развития человека, и, благодаря многоуровневой организации, закрепляются и включаются в общую языковую картину мира. Поэтому утверждение о том, что интерпретация одного и того же слова внутри одного языка бывает противоречивой, а следовательно, единой и цельной языковой картины мира не существует (Кронгауз), с нашей позиции является неверным. Так, например, в примере, который приводится авторами, слово «небо» в русской картине мира интерпретировалось как высокий свод (отсюда и сложное слово небосвод), по которому солнце всходит и за который оно заходит. На плоскую природу неба указывает выбор предлога «по» во фразе «по небу плывут облака». И еще одна интерпретация неба как пространства тоже возможна, и тогда слово сочетается уже с предлогом «в» во фразе из песни Ю. Шевчука: «Осень. В небе жгут корабли» [Бурас, Кронгауз, 2011, с. 66–72]. Возражая авторам, отметим, что все три интерпретации не противоречат друг другу: они возникли на разных эволюционных уровнях культурно-исторического развития языка и включены в общую языковую картину мира, постоянно проявляясь и в поэтическом творчестве, и в повседневном языке.

Периферические структуры имеют уровневую специфичность – они осознаются, обладают изменчивостью, социально и культурно детерминиро-

ваны. Это конкретные формы языка и речи, зависящие от опыта и представляющие системы индивидуальных смыслов, выраженных в языке, которые создают уникальность и неповторимость языковой картины мира каждого отдельного человека и этноса в целом. Периферические структуры обеспечивают многообразие и вариативность языка, создают условия для его постоянного развития.

В психолингвистике принято противопоставлять концепцию Н. Хомского, который выдвинул тезис о глубинном единстве всех языков, и гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа, утверждающую, что у людей, говорящих на разных языках, мир воспринимается по-разному. Рассмотрим обе теории с позиций эволюционного подхода к определению языковой картины мира.

Мысль Н. Хомского о единстве языков не противоречит понятию единой языковой картины мира, если речь идет не о врожденности общего знания языка (это мы считаем ошибочным положением теории порождающих грамматик), а о том, что все народы проходят одинаковые эволюционные этапы развития языка, и в силу схожести филогенетических уровней, все языковые структуры сильно коррелируют у разных народов. Эти структуры не исчезают, а фиксируются в языке, образуя ядерные структуры языковой картины мира. Поэтому схожесть глубинных структур всех языков является свидетельством того, что народы проходят одни и те же стадии в эволюционного развития. И поскольку языковая картина мира закрепляет в языке образ мира, то в ней присутствуют в свернутом виде все ранние этапы его формирования – архаический, магический, мифический, рациональный и т.д.

Теория Сепира-Уорфа подвергалась критике за то, что рассматривает только одну сторону взаимосвязи языка и культуры – то, как язык влияет на формирование культуры. И здесь, как отмечает В.А. Звегинцев, вполне закономерен вопрос – а почему не наоборот? [В.А. Звегинцев, 1960]. Кроме того, не во всех исследованиях подтверждалось различие восприятия мира в зависимости от языка, на котором говорили народы [М. Бурас, М. Кронгауз, 2011].

С позиций рассматриваемой многоуровневой модели языковой картины мира эти неточности возникали в связи с тем, что Б. Уорф изучал и сравнивал влияние языка на восприятие мира у народов разных эволюционных уровней, например, индейцев хопи и европейских народов, эскимосов и народов англоязычных стран. И поскольку формирование образа мира происходит на основе ядерных филогенетических структур, то на разных уровнях люди смотрят на мир и объясняют его по-разному, даже говоря на одном языке.

Но и язык влияет на формирование и образа мира и, соответственно, языковой картины мира. Так, например, народы, говорящие на разных языках и находящиеся на одном и том же уровне эволюционного развития, тоже могут по-разному смотреть на мир. И степень этих различий зависит от уровня – чем ниже уровень, тем больше специфика языка отражается на восприятии мира.

Повышение уровня эволюционного развития народов элиминирует влияние языка на формирование образа мира. Таким образом, уровень эволюционного развития более фундаментально влияет на восприятие мира, чем язык. Поэтому формирование языковой картины мира обеспечивается и за счет универсальных ядерных структур, какими являются языковые универсалии, имеющие эволюционную природу, и за счет языковых концептов определенного уровня, задающими границы применимости гипотезы Сепира-Уорфа. С точки зрения интегративного подхода и теория Н. Хомского, утверждающая наличие языковых универсалий, и гипотеза Сепира-Уорфа представляют собой разные стороны единой многоуровневой языковой картины мира. Концепция Н. Хомского – универсальна и диахронична, концепция Сепира-Уорфа в ее позиции относительно взаимосвязи языка и восприятия мира – синхронична, т.е. проявляется в пределах одного и того же уровня.

Отметим, что влияние на формирование языковой картины мира ядерных уровневых структур гораздо сильнее, чем специфика самого языка. Так, люди, говорящие на одном языке, но находящиеся на разных уровнях, могут не понимать друг друга, что и проявилось, например, в условиях известной поездки А.Р. Лурия в Узбекистан. И наоборот, народы одного эволюционного уровня, говорящие на разных языках, могут транслировать одни и те же жизненные ценности.

Литература

Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Наука и жизнь. 2011. № 8. С. 66–72.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.

Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С.111–134.

Зеленкова Т.В. Динамика соотношения ядерных и периферийных структур образа мира в контексте интегративного подхода // Методология совре-

менной психологии. Вып. 11 / под ред. В.В. Козлова, А.В. Карпова, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко. М.; Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2020. С. 46–56.

Зеленкова Т.В. К проблеме рекурсивности структуры образа мира // Наука как общественное благо: сборник научных статей Второго Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки / под ред. И.Т. Касавина, Л.В. Шиповаловой; Санкт-Петербургский государственный университет; Русское общество истории и философии науки. М.: Изд-во РОИФН, 2020а. С. 103–106. URL: <http://rshps.ru/books/congress2020t2.pdf>

Зеленкова Т.В. Образ мира в контексте позитивного постмодернизма // Новые тенденции и перспективы психологической науки / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 170–195.

References

Buras M., Krongauz M. Zhizn' i sud'ba gipotezy lingvisticheskoy otnosi-tel'nosti // Nauka i zhizn'. 2011. № 8. S. 66–72.

Zaliznyak Anna A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Konstanty i peremennye russkoj yazykovoj kartiny mira. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2012. 696 s.

Zvegincev V.A. Teoretiko-lingvisticheskie predposylki gipotezy Sepi-ra-Uorfa // Novoe v lingvistike. Vyp. 1. M., 1960. S. 111–134.

Zelenkova T.V. Dinamika sootnosheniya yadernyh i periferijnyh struktur obraza mira v kontekste integrativnogo podhoda // Metodologiya sovremennoj psihologii. Vyp. 11 / Sb. pod red. Kozlova V.V., Karpova A.V., Mazilova V.A., Petrenko V.F. M. Yaroslavl': YarGU, LKIISI RAN, MAPN, 2020. S. 46–56.

Zelenkova T.V. К проблеме рекурсивности структуры образа мира // Наука как общественное благо: сборник научных статей Второго Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки / Под ред. И.Т. Касавина, Л.В. Шиповаловой. Санкт-Петербургский государственный университет; Русское общество истории и философии науки. М.: Изд-во РОИФН, 2020а. С. 103-106. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://rshps.ru/books/congress2020t2.pdf>

Zelenkova T.V. Образ мира в контексте позитивного постмодернизма // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 170–195.

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕСНИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Аннотация. В статье обсуждаются лингвопсихологические особенности современных массовых песен. В качестве главной характеристики песенных текстов изучаются их конструктивные/деструктивные особенности, а также специфика отражения этих особенностей в речевом материале. В качестве основного метода исследования выступает учёт семиуровневой пирамиды установок, разработанной А.В. Пузыревым. Указанная пирамида включает – в порядке от низших к высшим – физические, личностные, межличностные, этнические, социальные, принципиальные и интегративные установки. Обсуждение построено на материале самой популярной песни 2022 г. – «Солнце Монако» Люси Чеботиной.

Ключевые слова: современные популярные песни, лингвопсихологический подход, конструктивные/деструктивные особенности текста, семиуровневая пирамида установок А.В. Пузырева.

Student A.A. Kungurtsev (Pokrov)
THE MODERN SONGS IN ASSPECT
OF LINGUAPSYCHOLOGICAL ATTITUDE

Abstract. Linguopsychological features of the modern songs from popular culture are discussed within this article. Constructive and destructive features and specifics of their reflection in the speech material are used as main characteristics of the mentioned songs. The seven-level pyramid of psychological attitudes, which was developed by Professor A.V. Puzyrev is used as the main research method. This pyramid includes physical, personal, interpersonal, ethnical, social, fundamental and integrative attitudes in order from lowest to highest. The whole discussion is based on the lyrics of the most popular song of the 2022 year – «The Sun of Monaco» Lusya Chebotina`s.

Key words: modern popular songs, linguopsychological attitude, constructive/destructive features of the text, the A.V. Puzyrev`s seven-level pyramid.

К числу актуальных проблем, привлекающих внимание лингвистов и психологов сегодняшнего дня, по праву можно отнести язык и стиль средств массовой информации. В настоящей работе рассматривается один из аспектов данной проблемы – лингвопсихологические особенности текстов современных

массовых песен с точки зрения соотношения в них конструктивного и деструктивного начал.

Выбор направления исследования обусловлен, с одной стороны, актуальностью проблематики языка и стиля средств массовой информации, а с другой – характером профессиональной подготовки автора: «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)»; профиль «русский язык и иностранный язык (английский)».

Поскольку язык и стиль средств массовой информации – в силу безграничности объёма этого вопроса – не может быть рассмотрен в принципе, мы сузили тему исследования и обратились к лингвопсихологическим особенностям современных массовых песен на русском и английском языках. В качестве главной характеристики песенных текстов изучались их конструктивные/деструктивные особенности, а также специфика отражения этих особенностей в речевом материале.

Основная гипотеза исследования исходит из признания общей технологизации жизни и ослабления общекультурных традиций. В этих условиях, когда наблюдается резкое сокращение рождаемости в европейских странах и России, когда снижается ценность человеческой жизни, – в текстах массовых песен должно наблюдаться и повышение роли технических средств, и ослабление общекультурных установок, что, в свою очередь, проявится в деструктивной направленности у данного жанра текстов массовой культуры.

Выбор песен в качестве материала исследования обусловлен несколькими причинами: они являются популярными, обеспечивают в большей степени влияние на подсознание носителя. Выбор темы обусловил и выбор основного метода исследования – учёт семиуровневой пирамиды установок, разработанной профессором А.В. Пузыревым [Пузырёв, 2010].

Семиуровневая пирамида включает установки (расположим от низших к высшим):

1) физические (установки, обеспечивающие потребности в еде, питье, сексе и достижение других чувственных удовольствий);

2) личностные, направленные на творческую самореализацию личности в искусстве, науке, спорте и других общественно полезных сферах (здесь могут быть выявлены установки как созидательного, так и деструктивного плана);

3) межличностные, обеспечивающие развитие или разрушение межличностных отношений с близкими, родными, друзьями и товарищами (сюда же относятся установки на отношения с лицами противоположного пола);

4) этнические, связанные с принадлежностью к определённому этносу, расе (здесь могут быть выделены тоже две противоположные позиции: альтруистическая и эгоистическая; см.: [Гумилёв, 1997, с. 162–163]);

5) социальные, направленные либо на общекомандные, корпоративные отношения, либо на конформизм и подавление инакомыслящих в конкретном социальном сообществе;

6) принципиальные, предопределяющие следование личности принятым ею принципам поведения или беспринципность, притворство и прагматизм поведения в социуме;

7) интегративные, связанные с бережным или расточительным отношением к матери Природе, к Матери Земле, связанные или с отчуждением от всего мира, или с ощущением с ним своего глубинного родства [Пузырёв 2010]. См. рис. 1:

На каждом из указанных уровней могут наблюдаться не только конструктивные, но также дефектные социально-психологические установки, характеризующие соответственно «зрелых» и «незрелых» личностей.

Итоговая оценка результатов производится на основе доминирующего уровня установок: преобладание установок низших уровней означает деструктивную направленность композиции, в то время как преобладание высших уровней – её конструктивную направленность.

Апробация данного метода состоялась на всероссийской научной конференции «Экология русского языка» (Пенза, 2009), на нескольких международных научных конференциях «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты», проводившихся в 2009, 2011, 2012, 2013 (Ульяновск), 2015 и 2016 гг. (Орехово-Зуево). На основе использования указанной семиуровневой пирамиды установок защищена кандидатская диссертация А.Н. Полежаевой: «Проблемы современного песенного текста: лингвоэкологический аспект» [Полежаева, 2011].

Рис. 1. Семь уровней пирамиды установок и потребностей

В качестве материала исследования взяты современные песни, поскольку именно в них предельно отчётливо выражается колоссальное влияние СМИ на общество.

Основанием для сбора данных послужили материалы таких известных музыкальных чартов, где в достаточно объективной форме отражена реальная распространённость тех или иных музыкальных видео- и аудиокomпозиций. В результате отбора наиболее часто исполняемых аудио- и видеокomпозиций были выделены по десять на русском и английском языках:

I. Яндекс. Музыка:

- 1) Люся Чеботина «Солнце Монако»;
- 2) Лёша Свик «Плакала»;
- 3) Gabri & Mavik «Федерико Феллини»;
- 4) HammAli & Navai «Птичка»;
- 5) Miyagi & Andy Panda «Буревестник»;
- 6) Хабиб «Ягода Малинка»;
- 7) Minelli «Ramramram»;
- 8) Джарахов, Markul «Я в моменте»;
- 9) Артур Пирожков & Клава Кока «Хочешь»;
- 10) НЮ «Никто»;

II. Billboard the hot 100:

- 1) Adele «Easy on me»;
- 2) The Kid LAROI & Justin Bieber «Stay»;
- 3) Glass Animals «Heat waves»;
- 4) Ed Sheeran «Shivers»;
- 5) Carolina Gaitan, Mauro Castillo, Adassa, Rhenzy Feliz, Diane Guerrero, Stephanie Beatriz & Encanto Cast «We Don't Talk About Bruno»;
- 6) Lis Nas X & Jack Harlow «Industry Baby»;
- 7) Elton John & Dua Lipa «Cold Heart» (PNAU Remix);
- 8) Ed Sheeran «Bad Habits»;
- 9) Doja Cat «Need to know»;
- 10) Kodak Black «Super Gremlin».

В настоящей статье основное внимание обращается на русскоязычные песенные тексты.

Наибольшую популярность в 2021–2022 гг. показала композиция Люси Чеботиной «Солнце Монако». Что она из себя представляет?

Приведём первые и последний куплеты:

*Зачем солнце мне Монако?
Для чего, скажи мне, луна Сен-Троне?*

*Когда твой взгляд светит ярко
В этом смысла ноль, если тебя рядом нет*

*Я открываю шкаф и голову ломаю
Что мне к тебе надеть я вечером не знаю
Продумала сто раз я как попрощаюсь
Ведь ты так смотришь на меня, что я теряюсь*

*Ты и я — отдельный мир от всей Вселенной
От тебя прошу лишь одного
Держи меня ты изо всех, как можно крепче
И я тебя заберу с собой.*

*Зачем мне солнце Монако?
Для чего, скажи мне, луна Сен-Тропе?
Когда твой взгляд светит ярко
В этом смысла ноль, если тебя рядом нет*

При использовании разработанной семиуровневой пирамиды установок оказывается, что в тексте обозначены всего лишь два уровня – личностный и межличностный.

Репрезентантами личностного уровня являются личные местоимения первого лица – *мне, меня, я*. Ни о каком личностном развитии лирической героини речи в тексте песни не идёт.

Репрезентантами межличностного уровня являются личные местоимения второго лица *тебя, ты*, притяжательное местоимение *твой* и местоимения первого лица множественного числа *мы, нас*.

В тексте имеется отсылка на социальные установки:

*Замыленный город, в нем пыльные люди
Каждый второй по одежке лишь судит
Горы небес переломанных судеб
От ума горе, но мы не с тех улиц
Кем мы останемся – время рассудит...*

В этих словах содержится критика социума: используется отрицательно окрашенная лексика (*замыленный город, пыльные люди*), негативно оценивающая действительность (*горы небес переломанных судеб; от ума горе*). Имеется противопоставление «мы – они»:

*Горы небес переломанных судеб
От ума горе, но мы не с тех улиц
Кем мы останемся – время рассудит...*

Положительной программы у героини, однако, не имеется, а только лишь:

*Ты и я — отдельный мир от всей Вселенной
От тебя прошу лишь одного
Держи меня ты изо всех, как можно крепче
И я тебя заберу с собой.*

Видеотекст, сопровождающий исполнение, свидетельствует о том, что слова «*И я тебя заберу с собой*» ничем не обоснованы. Герой и героиня принадлежат к разным социальным стратам: он богат, а она бедна, и ей забирать его с собой просто некуда... Раздувание межличностных и игнорирование социальных аспектов бытия свидетельствует о фактически асоциальных установках героини.

Призыв героини: *Держи меня ты изо всех как можно крепче* – звучит неоднозначно. Неоднозначность мотивируется предложным сочетанием местоимения *изо всех*.

Если это предложное сочетание *изо всех* указывает на всех знакомых молодых людей героини, то тогда получается, что она изо всех этих молодых людей предпочитает последнего избранника (в видеоклипе – разъезжающего на красном кабриолете и решившего познакомиться с героиней на улице).

Если же это сочетание *изо всех* указывает на всех знакомых девушек у самого молодого человека, то тогда она упрашивает выбрать из многочисленного ряда поклонниц именно её.

В любом варианте ни о какой конструктивности социальных установок лирической героини текста «Солнце Монако» говорить не приходится.

Напрашивается вывод, что содержание текста сводится к межличностным отношениям (второй и третий уровни семиуровневой пирамиды установок). Эти отношения имеют ценность для героини только тогда, когда адресат текста находится чуть ли не в прямой собственности лирической героини:

В этом смысла ноль если тебя рядом нет

При таком собственническом отношении к мужчине (заметим – к богатому мужчине! – прим. А.К.) он выглядит как домашняя собачка, которая постоянно должна быть рядом и по отношению к которой никакого доверия, никакого уважения испытывать не предполагается. Полагаем, что манипулятивно-диктаторское отношение к мужчине репрезентирует деструктивные межличностные установки лирической героини.

Речевая выраженность деструктивных установок двух нижних ярусов и отсутствие выраженности установок более высокого порядка свидетельствует о деструктивности данного песенного текста.

Одновременно следует специально отметить, что при всём при этом очевидных деструктивов в тексте нет.

В видеоклипе, снятом на тему песни, показана любовь-страсть, возникшая в результате уличного знакомства в Монако. Фактически идёт пропаганда ни к чему не обязывающих отношений (размывание российских нравственных ценностей).

Это случай, когда деструктивов нет, но сам текст является деструктивным. Главным параметром фиксации деструктивности в данном случае оказываются психологические параметры песенного текста (доминирование установок низшего порядка и забвение более высоких установок).

Здесь не будем останавливаться на других песнях. Результаты исследования могут быть представлены в следующей таблице:

Название песни	Исполнители	Место в хит-параде	Направленность песни
«Солнце Монако»	Люся Чеботина	1	Деструктивная
«Плакала»	Лёша Свик	2	Деструктивная
«Федерико Феллини»	Galibri & Mavik	3	Деструктивная
«Птичка»	HammAli & Navai	4	Деструктивная
«Буревестник»	Miyagi & Andy Panda	5	Деструктивная
«Ягода Малинка»	ХАБИБ	6	Деструктивная
«Ramramram»	Minelli	7	Деструктивная
«Я в моменте»	Джарахов, Markul	8	Деструктивная
«Хочешь»	Артур Пирожков, Клава Кока	9	Деструктивная
«Никто»	НЮ	10	Деструктивная

В англоязычных композициях наблюдается аналогичная картина. Но это тема уже другого обсуждения.

Литература

Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / сост. и общ. ред. А.И. Куркчи. М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. 640 с.: илл. (Сер. альманахов «Сочинения Л.Н. Гумилёва», вып. 3).

Полежаева А.Н. Проблемы современного песенного текста: лингвоэкологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011. 25 с.

Пузырёв А.В. Социально-психологические установки текстов массовой песни и экология русского языкового сознания // Экология русского языка: материалы 2-й Всероссийской научной конференции (Пенза, 24 апреля 2009 г.). Пенза: Изд-во ПГПУ им. В.Г.Белинского, 2009. С. 26–30.

Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: материалы IX-й Международной научной конференции (Ульяновск, 13–16 мая 2009 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.; Ульяновск: Ин-т языкознания РАН; Ульяновский гос. ун-т, 2009. 152 с.

Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: материалы XI-й Международной научной конференции (Ульяновск, 11–14 мая 2011 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2011. 224 с.

Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: материалы XII-й Международной научной конференции (Ульяновск, 16–19 мая 2012 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2012. 199 с.

Язык и мышление поэта и писателя: Психологические и лингвистические аспекты: материалы XIII-й Международной научной конференции (Ульяновск, 15–18 мая 2013 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2013. 224 с.

Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: материалы XV-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 13–15 мая 2015 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: Московский Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», 2015. 167 с.

Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XVI-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 11-13 мая 2016 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», 2016. 207 с.

Яндекс. Музыка, чарт. URL: <https://music.yandex.ru/chart>

Billboard the hot 100. URL: <https://www.billboard.com/charts/hot-100/>

References

Gumilev L.N. Ethnogenesis and biosphere of Earth / Comp. and gen. red. A.I. Kurkchi. M.: Institute Di-Dick, 1997. 640 p.: ill. (Range of almanacs «L.N. Gumilev`s essays, num. 3).

Polezhaeva A.N. Problemy sovremennogo pesennogo teksta: lingvoekologicheskij aspekt (Ivanovo, 07.04.2011), avtoreferat dissertacii na sois-kanie uchyonoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk, 2011. 25 s.

Puzyrev A.V. Sociopsychological attitudes of the lyrics of a popular song and ecology of Russian language conscience // Ecology of Russian language: materials of the second all-Russian science conference (Penza, 24th of April 2009). Penza: Publ. PGPU V.G. Belinskiy, 2009. P. 26–30.

Language and mind: psychological and linguistic aspects: materials of IX international science conference (Ulianovsk, 13-16th of May 2009) / resp. red. prof. A.V. Puzyrev. M.: Ulianovsk: Inst. of linguistics RAN; Ulianovsk`s state un., 2009. 152 p.

Language and mind: psychological and linguistic aspects: materials of XI international science conference (Ulianovsk, 11-14th of May 2011) / resp. red. prof. A.V. Puzyrev. M.: Ulianovsk: Inst. of linguistics RAN; Ulianovsk`s state un., 2011. 224 p.

Language and mind: psychological and linguistic aspects: materials of XII international science conference (Ulianovsk, 16-19th of May 2012) / resp. red. prof. A.V. Puzyrev. M.: Ulianovsk: Inst. of linguistics RAN; Ulianovsk`s state un., 2012. 199 p.

Poet`s and writer`s language and mind: psychological and linguistic aspects: materials of XIII international science conference (Ulianovsk, 15-18th of May 2013) / resp. red. prof. A.V. Puzyrev. M.: Ulianovsk: Inst. of linguistics RAN; Ulianovsk`s state un., 2013. 224 p.

Language and mind: psychological and linguistic aspects: materials of XV international science conference (Orechovo-Zuevo, 13-15th of May 2015) / resp. red. prof. A.V. Puzyrev. M.: Inst. of linguistics RAN; Institute of Russian language RAN; Orechovo-Zuevo: GOU VO MO «Moscow state regional humanitarian institute», 2015. 167 p.

Language and mind: psychological and linguistic aspects: materials of XVI international science conference (Orechovo-Zuevo, 11-13th of May 2016) / resp. red. prof. A.V. Puzyrev. M.: Inst. of linguistics RAN; Orechovo-Zuevo: GOU VO MO «State humanitarian and technological university», 2016. 207 p.

Yandex. Music, chart. URL: <https://music.yandex.ru/chart>

Billboard the hot 100. URL: <https://www.billboard.com/charts/hot-100/>

*Докт. филол. наук, канд. психол. наук С.В. Мыскин,
канд. филол. наук Н.С. Трухановская (Москва)
myskinsv@mgpu.ru ; inbox@pushkin.institute.ru*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БУЛЛИНГА

Аннотация. В статье обозначены ключевые психолингвистические проблемы исследования буллинга в образовательных организациях. Авторами раскрываются методологические основания разработки и внедрения в воспитательную работу образовательных организаций психолингвистических и психологических принципов профилактики школьного буллинга. В качестве основного направления профилактической работы предлагается создание внутришкольной системы работы со случаем буллинга в отношении детей и подростков с использованием достижений классической и современной отечественной литературы. Подчеркивается важность создания базы отечественной детской и подростковой литературы, формирующей у читательской аудитории картину мира, основанную на ценности гуманизма и человеколюбия. Данное направление работы обеспечит возможность формировать адекватное речевое и неречевое поведение в детском и подростковом коллективе.

Ключевые слова: буллинг, речевое поведение, профилактика буллинга, обучающиеся, картина мира

*Doctor of Philology, Candidate of Psychological Sciences S.V. Myskin,
Candidate of Philological Sciences N.S. Trukhanovskaya (Moscow),*

PSYCHOLINGUISTIC PROBLEMS OF BULLYING

Annotation. The article identifies the key psycholinguistic problems of bullying research in educational organizations. The authors reveal the methodological foundations of the development and implementation of psycholinguistic and psychological principles of prevention of school bullying in the educational work of educational organizations. As the main direction of preventive work, it is proposed to create an intra-school system for dealing with the case of bullying against children and adolescents using the achievements of classical and modern Russian literature. The importance of creating a database of domestic children's and adolescent literature, forming a picture of the world based on the values of humanism and humanity, is emphasized. This area of work will provide an opportunity to form adequate speech and non-speech behavior in children's and adolescent groups.

Key words: bullying, speech behavior, bullying prevention, students, picture of the world

Психолингвистические проблемы буллинга лежат в поле проблем речевого общения. Именно речевое общение выступает как средством обнаружения и анализа буллинга, так и инструментом его профилактики.

Буллинг как негативное социально-культурное явление есть объект интенсивного исследования [Мыскин, Овчаренко, 2017; Мыскин, Сапилова, 2022]. Традиционно в социальной психологии буллинг изучается в детской и подростковой среде. Современное понимание буллинга – это все виды «травли» почти в любом закрытом сообществе. Различают «травлю» прямую, когда бьют, обзывают, дразнят, портят вещи, отбирают деньги, и косвенную, когда распространяют слухи, сплетни, бойкотируют, избегают, манипулируют дружбой [Бочавер, Хломов, 2013]. Последствия, возникающие в психике жертвы буллинга, проявляются в нарушении речевого и неречевого поведения. Например, излишняя уступчивость и осторожность в общении с другими.

Предпосылки буллинга присутствуют как в самих жертвах (трудности в обучении, синдром дефицита внимания, гиперактивность, расстройства аутистического спектра, нарушение веса), так и в преследователях (готовность применять насилие для самоутверждения, импульсивность, неумение соблюдать правила, наличие высокого социального статуса и группы сообщников). Вместе с тем возникает закономерный вопрос: каковы истоки буллинга? Что служит причиной агрессии в отношении такого же как ты сам ребенка?

Во-первых, учитывая сегодняшние реалии нашей жизни, можно с полной ответственностью утверждать, что социальной предпосылкой буллинга является наличие авторитарных способов власти, управления и притеснения в сообществе в целом. Исследователи полагают, что проблема травли в российском обществе актуальна в качестве способа принуждения в условиях неравенства власти как в вертикальных отношениях (родитель – ребенок, учитель – ученик, начальник – подчиненный), так и в горизонтальных (между коллегами, сотрудниками, сверстниками). Сегодня мы становимся свидетелями глобальной поляризации мирового пространства на «своих» и «чужих». Борьба за власть вынуждает субъектов использовать различные (в том числе и не нормативные, разрушительные) психологические и лингвистические средства в деле управления общественным сознанием. Дети и подростки, воспринимая агрессивный контент, в том числе и в СМИ, поневоле становятся соучастниками данной борьбы. Причем в силу законов социального

научения способы борьбы за власть очень легко усваиваются становящейся психикой молодых людей. Которые они затем и привносят в свои отношения.

Следовательно, одним из направлений психолингвистического изучения буллинга выступает исследование дискурса власти, представленного современной политической культурой, властная практика которой детерминирует все виды властных отношений в конкретном обществе. Анализ проблем предполагает постоянную рефлекссию властного дискурса в сознании участников буллинга и самого исследователя.

Во-вторых, налицо отсутствие эффективных систем профилактики и предотвращения буллинга среди детей и подростков. Проблема распространения буллинга, по-нашему мнению, в том числе обусловлена скудостью развития современной российской детской и юношеской литературы, которая бы несла в сознание молодежи примеры достойных форм самоутверждения среди сверстников. На сегодняшний момент перед взором детей и подростков отсутствуют достойные литературные «герои нашего времени», несущие адекватные социально приемлемые способы достижения авторитета, проявления гуманизма, отваги, храбрости и человеколюбия. Хотя русская и советская литература богата ярчайшими произведениями, в свое время выступавшими действенными инструментами формирования гуманных ценностей у молодежи. Например, произведения таких писателей как Николая Носова («Незнайка...», «Фантазеры» и мн. др.), Анатолия Алексина («В стране вечных каникул», «Повести для девочек о дружбе» и мн. др.), Бориса Жидкова («Морские истории», «Как я ловил человечков» и мн. др.), Виктора Драгунского («Удивительные приключения Дениса Кораблева», «По секрету всему свету» и мн. др.).

Трудно переоценить роль литературы для воспитания и развития личности молодежи. Ведь как справедливо отметил один из основателей фундаментальной психолингвистики А.А. Леонтьев «язык выступает как орудие познания» [Леонтьев, 1969, с. 20]. А М.М. Бахтин указывал на диалогичность языка, как проявление его деятельностного характера [Бахтин, 1986], что важно для понимания закономерностей психического развития. Именно язык становится главным звеном речевого общения, в частности, и развития личности, в целом. А мы знаем, что буллинг изначально объективно проявляется в различных формах речевого общения: словесной травле (оскорбления, злые и непристойные шутки, насмешки и т.п.); распространении порочащих слухов и сплетен; информационном бойкоте разной интенсивности и полноты (это одна из самых опасных форм буллинга, т.к. лишает жертву возможности удовлетворять потребность в общении с людьми – одну из са-

мых жизненных потребностей, проблемы с удовлетворением этой потребности часто ведут к суициду).

В связи с этим можно обозначить еще одно направление психолингвистического исследования буллинга – это формирование адекватного речевого и неречевого поведения в детском и подростковом коллективе посредством управления смысловым восприятием. А главным инструментом выступает художественная литература, несущая «образы» социально одобряемого поведения, постулирующая ценности гуманизма и человеколюбия.

В методологическую основу исследования буллинга в этом случае могут быть включены и фундаментальные положения социолингвистики и когнитивной лингвистики.

В классической социолингвистике еще в середине прошлого века была обозначена проблема влияния социальной ситуации на языковую вариативность [Лабов, 1975; Швейцер, 1983; Bernstein, 1966]. Исследовательской пользой при этом выступает одно из ключевых социолингвистических положений о том, что на изменение структуры социальной ситуации и выбор соответствующих языковых средств значимо влияет смена ролевого амплуа человеком в процессе его социального взаимодействия. Овладение и реализация жертвой речевых паттернов, свойственных другой социальной роли, позволит предотвратить травлю в отношении себя.

С позиции когнитивной лингвистики практическая польза заключается в раскрытии закономерностей конструирования картины мира в ходе буллингового и антибуллингового общения. Выбор участниками ситуации буллинга определённых языковых средств отражает особенности концептуализации и категоризации мира. Ряд прикладных исследований показывает, что в ситуации незначимых отношений субъект речевого воздействия конструирует свой мир, а в ситуации значимых отношений – мир другого. Следовательно, разработка психолингвистических технологий построения значимых отношений позволит сконструировать оптимальную благоприятную картину мира для всех субъектов ситуации взаимодействия.

В заключение подчеркнем значимость психолингвистического исследования психологии буллинга для раскрытия сути лингвокультурных факторов социальной ситуации развития детей и подростков, выявления закономерностей речевого общения в молодежной среде, а также создания оптимальных психологических условий формирования языкового и неязыкового сознания подрастающего поколения.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2013. Т. 10. № 3. С. 149–159.

Лабов У. О механизме языковых изменений // Новое в лингвистике. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. Вып. 7. С. 320–335.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.

Мыскин С.В., Овчаренко Л.Ю. Методологическое обоснование модели психологически безопасного образовательного пространства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. М.: Научные технологии, 2017. № 3-4. С. 40–47.

Мыскин С.В., Сапилова Н.А. Профилактика буллинга среди детей и подростков в образовательных организациях // Организационная психолингвистика. М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2022. № 2(18). С. 46–70.

Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука, 1983. 216 с.

Bernstein B. Elaborated and restricted codes: An outline // Sociological Inquiry, 1966. 36(2). pp. 254–261.

References

Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. М.: Iskusstvo, 1986. 445 s.

Bochaver A.A., Hlomov K.D. Bulling kak ob"ekt issledovaniy i kul'turnyj fenomen [Bullying as an object of research and a cultural phenomenon] // Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. М.: VShE, 2013. Т. 10. № 3. S. 149–159.

Labov U. O mekhanizme yazykovykh izmenenij [On the mechanism of language changes] // Novoe v lingvistike. Sociolingvistika [New in linguistics. Sociolinguistics]. М.: Progress, 1975. Vyp. 7. S. 320–335.

Leont'ev A.A. YAzyk, rech', rechevaya deyatel'nost' [Language, speech, speech activity]. М.: Prosveshchenie, 1969. 214 s.

Myskin S.V., Ovcharenko L.Yu. Metodologicheskoe obosnovanie modeli psihologicheski bezopasnogo obrazovatel'nogo prostranstva [Methodological substantiation of the model of psychologically safe educational space] // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie [Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition]. М.: Nauchnye tekhnologii, 2017. № 3-4. S. 40–47.

Myskin S.V., Sapilova N.A. Profilaktika bullinga sredi detej i podrostkov v obrazovatel'nyh organizacijah [Prevention of bullying among children and adolescents in educational organizations] // Organizacionnaya psiholingvistika [Organizational psycholinguistics]. М.: ООО «Агентство social'no-gumanitarnyh tekhnologij», 2022. № 2(18). S. 46–70.

SHvejcer A.D. Social'naya differenciaciya anglijskogo yazyka v SSHA [Social differentiation of the English language in the USA]. M.: Nauka, 1983. 216 s.

Bernstein B. Elaborated and restricted codes: An outline // Sociological Inquiry, 1966. 36(2). Pp. 254–261.

*Канд. филол. наук Е.С. Никитина (Москва)
m1253076@yandex.ru*

О ЗНАКОВОСТИ ПУСКОВЫХ МЕХАНИЗМОВ МЫШЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМА, ВОПРОС, ЗАДАЧА

Аннотация. Несмотря на многообразие процессуальных логик, стартом мысли является отображение проблемной ситуации, которое и составляет проблему или вопрос как мотивирующее, движущее начало мышления. Проблемный характер вопроса заключается не только в факте неизвестности искомого отношения, но и в факте их непонятности. Суть понимания, представленного уже на первой фазе процесса мышления, в отличие от понимания, являющегося характеристикой мысли как результата, состоит в том, что здесь представлено понимание непонятности. Возникновение вопросов – первый признак начинающейся работы мысли и зарождающегося понимания. Задача есть «знаковая модель проблемной ситуации». Задачи же формируют смысловое поле предметов познания.

Ключевые слова: мышление; понимание; вопрос; задача; знаковая модель проблемной ситуации

Candidate of Philological Sciences E.S. Nikitina (Moscow)

ON THE SIGNIFICANCE OF THOUGHT TRIGGERS: PROBLEM, QUESTION, TASK

Abstract. Despite the variety of procedural logics, the start of thought is the display of a problem situation, which constitutes a problem or a question as a motivating, driving beginning of thinking. The problematic nature of the question lies not only in the fact that the desired relationship is unknown, but also in the fact that they are incomprehensible. The essence of the understanding presented already at the first phase of the thinking process, in contrast to the understanding that is a characteristic of thought as a result, is that the understanding of incomprehensibility is presented here. The emergence of questions is the first sign of the beginning work of thought and the nascent understanding. The task is a "symbolic

model of a problem situation". Tasks, on the other hand, form the sense field of the objects of knowledge.

Key words: thinking; understanding; question; task; symbolic model of a problem situation

В психологии распространена трактовка мышления как процесса решения задач. При этом сама задача определяется как заданная цель в проблемной ситуации, которую требуется достичь. Но не всякую проблему можно причислить к классу задач. «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» к задачам не относится. И вот почему.

Мышление, обслуживая деятельность, вырабатывает логики, фиксирующие предметно-понятийные связи. Многообразие практик порождает многообразие же логических отношений. Выведены такие логики как: формальная, математическая, модальная, диалектическая, многозначная, нормативная, индуктивная, дедуктивная, абдуктивная, интуиционистская, логика открытия, высказываний, отношений, связей, предикатов, комбинаторная, комплексная, конструктивная, мажоритарная, микромира, мифологическая, научная, женская, детская, маниакальная, житейская и др. Психологи выделяют даже типы мышления в зависимости от преимущественного использования той или иной логической модели: от мышления шахматиста до мышления футболиста.

Тем не менее, мыслительный процесс начинается с проблемной ситуации. Стартом мысли выступает отображение проблемной ситуации, которое и составляет проблему или вопрос как мотивирующее, движущее начало мышления. Проблемная ситуация трактуется как выражение, в виде вопроса, дефицита информации, необходимой для реализации запланированного действия. Не всякий вопрос составляет проблему. Если ответ на вопрос можно получить путем наведения справки или путем стереотипного действия, мыслительные усилия не требуются. Проблемный же характер вопроса заключается не только в факте неизвестности искомых отношений, но и в факте их непонятности. С.Л. Рубинштейн утверждал: «Сформулировать, в чем вопрос, – значит уже подняться до известного понимания, а понять задачу или проблему – значит если не разрешить ее, то по крайней мере найти путь, т. е. метод, для ее разрешения. <...> Возникновение вопросов – первый признак начинающейся работы мысли и зарождающегося понимания» [Рубинштейн, 2000, с. 344].

Феномен понимания в его внутренней специфичности является характеристикой собственно мыслительной. В отличие от образа или эмоции непонятая мысль перестает быть мыслью, от нее остается пустотелая речевая оболочка. С помощью понимания осуществляется процедура включения

мыслительного содержание в общепринятый, привычный контекст. Понимание восстанавливает смысловую компоненту измененного в процессе мышления содержания. Понимание отвечает за инвариантность смысла при различных вариациях соотнесения соответствующих операндов мышления. М. Бахтин писал: «смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [Бахтин, 1979, с. 350].

Сформулированный вопрос нераскрытости и непонятности предметных отношений, самим фактом о соответствующем информационном дефиците, ставит задачу, как специфически мыслительный феномен, составляющий начальную фазу мыслительного процесса, направленного на устранение этого дефицита. В этом и состоит сущность трактовки процесса мышления как решения задач. Сама же задача описывается и определяется как «знаковая модель проблемной ситуации». Специфика задачи как мыслительного феномена состоит в том, что в ней представлена не только информация о проблемной ситуации, но и информация о дефиците информации об определенных предметных отношениях в этой проблемной ситуации, иначе, понимание непонятности. «Мы не воспринимаем перцептивные образы, а перцептивно отображаем их объекты. Поэтому информация о неполноте предметной психической модели проблемной ситуации не может быть представлена прямо на языке самих предметных психических структур. Она требует некоторой вторичной формы представления, такой, однако, которая сама бы непосредственно отображалась и тем самым могла бы векторизовать процесс и управлять им (не говоря уже о том, что только это условие может обеспечить межиндивидуальную передачу данной информации об информационном дефиците). Именно таким требованиям удовлетворяет знаковая или, иначе говоря, речевая форма представления информационного дефицита. Поэтому действительно есть достаточные основания эмпирически определить задачу как знаковую или речевую модель проблемной ситуации» [Веккер, 1998, с. 245].

Задачи формируют смысловое поле предметов. Подтверждение тому находим в предложении Математического института Клэя, выдать вознаграждение в 1 миллион долларов за решение каждой из семи классических «задач тысячелетия», решения которых не нашли в течение многих лет [Википедия, 2021]. Было бы замечательно, если бы и гуманитарные дисциплины составили список таких «задач тысячелетия», триггеров мыслительной деятельности. Тем более, что образцы подобной работы уже существуют.

Так, среди дисциплин, осуществляющих познавательные рейды в сферу мышления есть одна, место которой в когнитивных науках не может занять никто. Такой дисциплиной является риторика. Риторика создала систе-

му алгоритмов для анализа мышления, поставив во главу угла человека говорящего, а мышление рассматривала как обслуживающий его инструментарий. Делалось это посредством задания механизмов порождения текста. Предметный мир и мир вербальный получили в классической риторике полное освещение с позиции человека, как осуществляющего переосмысление и преобразование этих миров, так и предъявляющего полученные результаты другому лицу. В этом смысле риторика возложила на себя контроль над всеми стадиями процесса трансформации предмета в слово. То, что впоследствии для психологии мышления выступало творчеством, для риторики было уже рутиной. Риторика задала целостность предмета изучения, установив его на фундамент убеждения. Потому риторика подчас определяется как наука убеждать, в том числе и самого мыслящего в правильности избранного пути.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.

Википедия: https://ru.wikipedia.org/wiki/Задачи_тысячелетия (дата обращения: 29.06.2021).

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Издательство «Питер», 2000. 712 с.

References

Bakhtin, M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. M.: Iskusstvo, 1979. 424 s.

Vekker, L. M. Psikhika i real'nost'. Edinaya teoriya psikhicheskikh protsessov [Psyche and reality. Unified theory of mental processes]. Izd. «Smysl», Moskva, 1998. 685 s.

Wikipediya: https://ru.wikipedia.org/wiki/Zadachi_tysyacheletiya (data obrashcheniya 29.06.2021).

Rubinshtein, S. L. Osnovy obshchei psikhologii [Fundamentals of General Psychology]. SPb: Izdatel'stvo «Piter», 2000. 712 s.

ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО
ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ПЕРСОНАЖА В РАССКАЗАХ
К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Аннотация. Рассматривается семантика полупредикативных приложений, используемых в рассказах К. Г. Паустовского для характеристики персонажей. Обращается внимание на то, что данные единицы могут функционировать в качестве осложняемых компонентов предложения, в составе однородных рядов, а также как опорные слова для придаточной предикативной части. Делается вывод о том, что названные способы включения приложений в структуру предложения позволяют автору дать разноаспектное представление о персонаже.

Ключевые слова: полупредикативное приложение, характеристика, персонаж, семантика, К.Г. Паустовский.

Abstract. The semantics of semi-predicative applications used in the stories of K.G. Paustovsky to characterize characters is considered. Attention is drawn to the fact that these units can function as complicated components of a sentence, as part of homogeneous series, and also as key words for the subordinate predicative part. It is concluded that these methods of including applications in the sentence structure allow the author to give a multifaceted idea of the character.

Key words: semi-predicative application, characterization, personage, semantics, K.G. Paustovsky.

2022 год ознаменован 130-летием со дня рождения русского советского писателя К. Г. Паустовского, в связи с чем большое количество научных публикаций посвящено анализу его творчества. «Интерес к языку данного писателя обусловлен богатством и разнообразием лексических и изобразительно-выразительных средств, индивидуальностью манеры, оригинальностью сюжетов», – считает Ю.А. Южакова [Южакова, 2022, с. 18].

Творчество К.Г. Паустовского пронизано огромной любовью к людям – большим и маленьким, известным и неизвестным. Он одинаково нежно и трепетно рассказывает о «великих музыкантах» и «скромных стекольных мастерах», о выдающихся писателях и художниках и обычных деревенских мальчишках. К.Г. Паустовский даёт им разноплановую характеристику, описывая их внешность, род занятий, возраст и т. п., при этом извлекая из ре-

сурсов языка (лексических, морфологических, синтаксических) те, которые максимально способствуют воплощению авторского замысла.

Важнейшим синтаксическим средством характеристики лица являются приложения, имеющие полупредикативный характер. Оставив за рамками настоящей статьи дискуссионный в современной лингвистике вопрос, связанный с квалификацией приложения как разновидности определения или как самостоятельного члена предложения, отметим, что полупредикативный характер рассмотренных нами приложений определяется тем, что они обладают «свойством отдельности, отчленённости от своего определяемого» [Прияткина, 2019, с. 22]. «Полупредикативный член – это как бы сказуемое, включённое в предложение на правах второстепенного члена» [Там же]. Полупредикативное приложение может быть трансформировано в сказуемое. Ср.: *Осенью 1951 года сочинский селекционер Зорин, автор нескольких книг о субтропической флоре, подарил мне маленький пакет с цветочными семенами* (К. Паустовский). – *Осенью 1951 года сочинский селекционер Зорин, который был автором нескольких книг о субтропической флоре, подарил мне маленький пакет с цветочными семенами.*

По словам Е. С. Скобликовой, «определяемое слово и приложение дают разноплановые обозначения одного предмета» [Скобликова, 2006, с. 218]. Анализ материала показал, что в рассказах К.Г. Паустовского приложения с семантикой характеристики лица включены в речь как автора-рассказчика, так и персонажа.

«Значение приложения своеобразно. Предметно-номинативный план сочетается в нём с элементами характеристики, оценки, уточнения, добавления по отношению к определяемому слову», – считает П.А. Лекант [Лекант, 2004, с. 187]. В рассмотренных произведениях с помощью приложений раскрываются следующие особенности персонажа:

1. Возраст. Отметим, что приложения могут содержать конкретное указание на количество прожитых лет: *В утро этого дня дочь смотрителя маяка Фрэда, шестнадцатилетняя Джейн, накинула старую отцовскую куртку и вышла во двор, чтобы покормить поросёнка* («Посёлок среди скал») или называть определённый возрастной этап описываемого персонажа: *В Москве она оставила больного брата, почти мальчика* («Музыка Верди»).

2. Внешний облик человека: *Науму было досадно, что Федоткин, курносый, веснушчатый парень, ничего не понимает в таких делах, как воспоминания о детстве* («Пачка папирос»).

3. Характер: *Командиром Испендиара был лейтенант Земляной, человек весёлого нрава, но очень мнительный в делах* («Остановка в пустыне»).

4. Род занятий, должность: *А у деда Потапа, у охотника, лисица-дура унесла ночью из клетки утиное чучело, – ошиблась («Подпасок»); В усадьбе жила дряхлая старушка Василиса Ионовна – бывшая рязанская библиотекариша («Ночь в октябре»); К Солнцевой шёл высокий моряк с широкими золотыми шевронами на рукавах – командующий флотом («Музыка Верди»).*

5. Родственный статус: *Петька, мельников сын, – уже лётчик («Подпасок»); – У меня есть маленький мальчик, мой сын, – сказала женщина и тихо, про себя засмеялась («Первый туман»); Такие тальмы носила ещё моя бабушка, несмотря на вежливые насмешки всех её дочерей – моих тётушек («Наедине с осенью»); Вы так и напишите Петру Гаврилычу: «Убили, мол, Прохора Терёхина, отца Вани» («Просьба бойца Терёхина»).*

6. Отношение к коллективу: *И тут вызывается Наум Бершадский, случайный человек в нашей части, доставить на дот и патроны, и табак, и спички («Пачка папирос»).*

7. Имя, фамилия или прозвище: *Утром к дому Аллана подошла робкая худенькая девушка – Чармен Бирн («Равнина под снегом»); В Иверсаиде, конечно, был, как это принято в каждом посёлке, свой чудак, по прозвищу Джон Старое Ведро («Посёлок среди скал»); А дед Митрий, по прозвищу «Десять процентов», узнав об этой маленькой истории с берёзой, истолковал её по-своему («Подарок»).* Имя персонажа может сопровождаться небособленным приложением: *Председатель колхоза, комсомолец Лёня Рыжов, рассмеялся («Последний чёрт»).*

8. Характеристика по месту рождения: *Мы брели вдоль аркад, и Берг вспоминал стихи Волошина, уроженца Феодосии («Потерянный день»).*

9. Характеристика по времени жизни: *Генуэзские башни, носившие имена римских пап, современников Данте, были скрыты от нас темнотой («Потерянный день»).*

Распространённые приложения характеризуют персонаж с разных сторон. Так, они указывают на его характер и внешность: *Полной противоположностью Джону был доктор Конрад – угрюмый, тяжеловесный человек в чёрном поношенном костюме и стоптанных ботинках («Посёлок среди скал»), на характер и возраст: Шуточное ли дело – внутривенное вливание таких препаратов! Если говорить по совести, то его должен был делать сам хирург, хитрый старичок («Приказ по военной школе»).*

Как показал материал, в качестве субстантива в приложениях в рассказах К. Г. Паустовского часто используются лексемы человек, мальчик и под., обладающие ослабленной семантикой. В таких случаях «основную семантическую нагрузку» [Бабайцева, 2015, с. 275] на себя берут распространители субстантива – входящие в состав приложения определения разного типа –

согласованные и несогласованные, обособленные и необособленные: *Каждые сумерки около луноцвета собирались жители нашего деревенского дома и кое-кто из соседей: Галка – девушка с длинными косами, шумная и сероглазая, маленький мальчик Алёшка, его няня Прасковья Захаровна – пожилая женщина, имевшая самостоятельное суждение обо всём на свете, дед Кузьма и колхозный шофёр с многострадального грузовика Ваня Самарский – человек скорый на работу и любопытный до крайности – и, наконец, я («Пришелец с юга»); Разговоры наши любил слушать внук лесника Ваня Малявин, мальчик лет пятнадцати («Подарок»).*

Разностороннюю характеристику персонажа (или персонажей) способны дать однородные полупредикативные приложения: *Будут ещё в жизни сотни ночей, когда он успеет выспаться, а такая ночь никогда не вернётся. Первая ночь на обширном и глубоком этом море, созданном руками советских людей, его соотечественников, его друзей, его сверстников («Первый туман»).*

Семантика характеристики персонажа, выражаемая полупредикативными приложениями, может осложняться оценочным значением; в этом случае существительное, как правило, является стилистически маркированным: *И так меня это ударило, даже зубами я заскрипел и думаю: «Я от вас, от зверья, ни одного клочка не оставлю» («Просьба бойца Терёхина»).* Кроме того, семантика характеристики может быть осложнена оттенком причины: *Пора бы в шестнадцать лет знать все флаги мира. Особенно тебе, дочери начальника маяка («Посёлок среди скал»); Коноплёв сообщил эту новость Капустину, и оба бойца – люди любопытные – спустились во двор и стали глядеть («Приказ по военной школе»).*

Полупредикативные приложения со значением характеристики персонажа могут быть осложнены обособленными определениями разных типов и приложениями. При этом читатель получает более глубокие сведения о герое произведения: *Существовал в Иверсайде ещё полицейский Фрэди – долговязый и медлительный ирландец, страдавший ревматизмом («Посёлок среди скал»); Хотя мы с ним и «тамырнили» по его словам, то есть болтали о том о сём, всё же я узнал от Испендиара очень много, – узнал, что он родом из-под Каркаралинска, что у него жив отец – незлобивый старик, работавший до революции «джетаком» – погонщиком стад у богатого скотовода, что степная его родина – лучшее место в мире («Остановка в пустыне»).* Если существительное в составе приложения выступает в качестве опорного слова для придаточной предикативной части, то описание лица приобретает многоплановый характер, например, становится возможным сопоставить описываемый образ с другими персонажами: *Из-за кустов*

вышел подпасок – **обыкновенный подпасок**, каких можно увидеть в каждой нашей деревне, – маленький, беловолосый, в большом картузе, в рваном ватнике и с длинным кнутом («Подпасок»).

Считаем необходимым отметить, что приложения, относящиеся к личному местоимению, прежде всего конкретизируют его значение. Они выражаются как нарицательными, так и собственными существительными. Семантика характеристики присуща, как правило, нарицательным именам, особенно если они являются стилистически маркированными: *Дёрнуло меня с вами сюды переться, старого дурака!* («Последний чёрт»); *Нам, бойцам, полагается правильно действовать, а за нас и другие расскажут, другие напишут* («Рассказ бойца Петренко»); *Мы, ребята, тот ход знали, как свою избу, – сколько раз лазили* («Просьба бойца Терёхина»). Имена собственные (если они лишены стилистической окрашенности) скорее служат не для характеристики, а для идентификации персонажа: *Кто он, Баратынский, измученный жестокой судьбой? Волшебник? Чудотворец? Колдун?* («Наедине с осенью»). Полупредикативная функция подобных приложений ослаблена.

Таким образом, важнейшая роль при характеристике персонажа в рассказах К. Г. Паустовского принадлежит полупредикативным приложениям, которые могут использоваться в качестве осложняемых компонентов предложения, в составе однородных рядов, а также как опорные слова для придаточной предикативной части. При описании человека для К. Г. Паустовского нет ничего второстепенного: он обращает внимание на различные аспекты характеристики лица – возраст, внешность, род занятий и т. д., что позволяет читателю получить полное представление о персонаже.

Литература

Бабайцева В.В. Синтаксис русского языка: монография. М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. 576 с.

Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и дополн. М.: Высш. шк., 2004. 247 с.

Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложнённого предложения: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2019. 180 с.

Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта : Наука, 2006. 320 с.

Южакова Ю.А. Авторская пунктуация в текстах К.Г. Паустовского // Слово. Словесность. Словесник: материалы всероссийской с международным участием науч.-практ. конф. преподавателей и студентов, Рязань, 21 ап-

реля 2022 г. / отв. ред. Ю. А. Южакова; Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина. Рязань: ИП Коняхин А. В. (Book Jet), 2022. С. 18–20.

References

Babajceva, V. V. Sintaksis russkogo yazyka: monografiya. M.: FLINTA; Nauka, 2015. 576 s.

Lekant, P. A. Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke: ucheb. posobie. 3-e izd., ispr. i dopoln. M.: Vyssh. shk., 2004. 247 s.

Priyatkina, A. F. Russkij yazyk: Sintaksis oslozhnyonnogo predlozheniya: ucheb. posobie. 2-e izd., ster. M.: FLINTA, 2019. 180 s.

Skoblikova, E. S. Sovremennij russkij yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya (teoreticheskij kurs): ucheb. posobie. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Flinta : Nauka, 2006. 320 s.

Yuzhakova, Yu. A. Avtorskaya punktuaciya v tekstah K. G. Paustovskogo // Slovo. Slovesnost'. Slovesnik: materialy vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauch.-prakt. konf. prepodavatelej i studentov, Ryazan', 21 aprelya 2022 g. / отв. ред. Ю. А. Южакова; Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина. Рязань: ИП Коняхин А. В. (Book Jet), 2022. С. 18–20.

*Канд. филол. наук В.Л. Соколова (Москва)
sokolova_mglu@mail.ru*

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСКУРСИВНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: В статье рассматривается дидактический потенциал ранее идентифицированного автором механизма дискурсивного программирования. Последний определяется как процесс установления у реципиента коммуникативных антиципаций на основании концептуальной структуры фрейма, который реализуется в процессе коммуникации. В качестве примера в статье анализируется процесс дискурсивного программирования в нескольких распространённых англоязычных грамматических конструкциях. В заключении отмечается, что вне зависимости от характера программирующих коммуникацию средств принцип дискурсивного программирования остаётся одинаковым: оно «предвосхищает» дальнейшее развитие коммуникации, и это свойство может быть успешно использовано в обучении различным аспектам английского языка.

Ключевые слова: преподавание английского языка; дискурсивное программирование; коммуникативное программирование; антиципации; механизм предвосхищения

Candidate of Philological Sciences V.L. Sokolova (Moscow)

DIDACTIC POTENTIAL OF THE MECHANISM OF DISCURSIVE PROGRAMMING IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING

Abstract. The present article scrutinizes the educational potential of the mechanism of discursive programming previously identified by the author of the research. The latter is treated as the process of setting the recipient's communicative anticipations based on the structure of the respective frame actualized in the process of communication. The author exemplifies her assumption about the educational potential of the mechanism of communicative programming by analyzing it in several common English grammatical constructions. As a result, the conclusion is made that regardless of the character of the discourse-programming communicative means the principle of anticipating the further development of communication remains the same and can be applied in teaching a variety of aspects of the English language.

Key words: English language teaching; discursive programming; communicative programming; anticipations; anticipatory mechanisms

В настоящее время уже ни для кого не секрет, что наиболее эффективные методики обучения иностранным языкам основаны на обращении к психофизиологическим процессам, лежащим в основе переработки человеческим мозгом получаемой им информации.

Среди таких методик обучения иностранному языку можно назвать мнемотехники [Фатеева, 2018; Хохлова, 2017], беспереводные методики обучения [Смолина, 2016] и даже методики обучения во сне [Reigneux, 2001]. Тем не менее, в зависимости от целей обучения, возраста и целого ряда других факторов разрабатываются и успешно используются всё новые методики, техники и принципы обучения, основанные на связи языка и мышления. Надеемся, что в их число можно будет включить и предложенную нами идею использования дискурсивного программирования.

Для понимания дидактического потенциала дискурсивного программирования, рассмотрим это явление подробнее. Мы считаем целесообразным говорить о дискурсивном (или коммуникативном) программировании как о процессе установления коммуникативных ожиданий (или антиципаций) у

реципиента информации концептуальной структурой актуализуемого в процессе коммуникации фрейма, под которым понимается стереотипная модель представления ситуации, имеющая иерархически организованную структуру [Соколова, 2017, с. 62].

Рассмотрим грамматическую конструкцию *There is* 'Имеется...'. Какого рода информацию она «программирует»? Прежде всего – наличие существительного в единственном числе, поскольку *is* – форма глагола *to be* 'быть' в третьем лице единственного числа, за которым следует существительное в единственном числе. Именно эту часть речи и должен ожидать увидеть или услышать обучающийся, когда встречает *There is*, в письменном или звучащем тексте (*There is hope...* 'Имеется надежда'). Однако всегда ли существительное следует сразу за *There is*? Нет, не всегда. Если существительное в единственном числе исчисляемое, то оно «программирует» перед собой неопределённый артикль, если не исчисляемое, то нулевой. Перед собой существительное также может «запрограммировать» определение: *There is a tall man* 'Имеется/Есть высокий человек'. После же существительного может ожидаться наличие обстоятельства (например, места): *There is a tall man at the door* 'У двери высокий человек'. Таким образом, фраза, использующая *There is...* может быть представлена как последовательность в разной степени обязательных элементов, «программируемых», с одной стороны конструкцией *There is*, а с другой – существительным, заданным этой конструкцией.

Если условно обозначить «программирующие» лексические единицы полужирным шрифтом, программируемые – подчёркиванием, обязательные лексические единицы выделить более крупным шрифтом, а факультативные – более мелким, то графически фразу *There is a beautiful lamp on the table* 'На столе красивая лампа' можно представить следующим образом:

There is a beautiful lamp on the table.

Здесь графически отражена программирующая функция *There is* и двойная функция существительного *lamp* (оно и «программируется» конструкцией *There is* и «программирует» дальнейшие элементы конструкции).

К сожалению, данная схема не отражает того, что наличие артикля *a* предопределяется исчислимостью существительного, хотя, в целом, взаимозависимость элементов фразы она представляет.

Следует отметить, что обращение к дискурсивному программированию при объяснении учащимся того или иного явления не предполагает использования сложной лингвистической терминологии (фрейм и т.п.). Вполне приемлемо упрощённое объяснение: «Если мы видим или слышим *There is*,

то после него ОБЯЗАТЕЛЬНО будет обозначение предмета, но появиться оно может немного позже...». Тем не менее, даже в таком варианте объяснения сохраняется «программирующая» роль некоторых элементов фразы.

Безусловно, *There is/ are* – не единственная «программирующая» конструкция в английском языке. Похожим образом ведут себя и другие конструкции, констатирующие наличие или отсутствие чего-либо (*I have got a...* ‘у меня есть...’), восприятие чего-либо (*I heard a...* ‘я услышал...’) и т.п.

Как показывает обращение к языковому материалу, дискурсивное программирование может осуществляться с помощью различных лексических, грамматических и даже экстралингвистических средств [Соколова, 2019], однако, его принцип остаётся одинаковым: оно основано на «программировании» коммуникации на один или несколько шагов вперёд, так что обучающийся сможет прогнозировать, что именно он сможет услышать или прочитать после «программирующей» конструкции, и это облегчит его понимание как письменной, так и звучащей речи.

Литература

Смолина О.А. Беспереводной метод в современном обучении иностранным языкам // Филологическое образование и современный мир: материалы XII молодеж. науч.-практ. конф. (Чита, 30 марта 2016 г.). Чита, 2016. С. 106–109.

Соколова В.Л. Концептуальные основания и дискурсивные функции лингвистических антиципаций // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та; вып. 10 (783); сер. Гуманитарные науки. М., 2017. С. 61–65.

Соколова В.Л. Полиmodalность как средство дискурсивного программирования в англоязычном дискурсе СМИ // Когнитивные исследования языка: материалы круглого стола. Москва-Тамбов, 2019. Вып. 38. С. 169–174.

Фатеева Г.И. Характеристика мнемотехники как метода развития мышления у детей и взрослых // Актуальные задачи педагогики: материалы IX Междунар. науч. конф. М.: Буки-Веди, 2018. С. 3–5.

Хохлова Л. П. Методы запоминания информации (мнемотехника) // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2017. № 2 (6). С. 40–43.

Peigneux P., Laureys S., Delbeuck X., Maquet P. Sleeping brain, learning brain: the role of sleep for memory systems. *Neuroreport*, 2001. 12: A111–24.

References

Peigneux P., Laureys S., Delbeuck X., Maquet P. Sleeping brain, learning brain: the role of sleep for memory systems. *Neuroreport*. 2001. 12: A111–24.

Smolina O. A. *Besperevodnoy metod v.obuchenii inostrannym yazykam* (Method of Monolingual Foreign Language Teaching in Contemporary Foreign Language Learning). *Filologicheskoye obrasovanie and sovremenny mir*. In Proceedings of the 12th Youth Research and Practice Conference. Chita, 2016. P. 106–109.

Sokolova V. L. *Kontesptualnye osnovaniya and discursivnye funktsii lingvistichestich antitsipatsii* (Conceptual Foundations and Discursive Functions of Linguistic Anticipations). *Moscow State Linguistic University Bulletin. Humanities*, 10 (783). Moscow, 2017. P. 61–65.

Sokolova, V. L. *Polimodalnost' kak sredstvo discursivnogo pogramirovaniya v angloyazychnom discurse SMI* (Multimodality as a Means of Discursive Programming in English Mass Media Discourse). *Kognitivnye Issledovaniya Yazyka. Panel Discussion Proceedings*. 38. Moscow-Tambov, 2019. P. 169–174.

Fadeeva G. I. *Kharakteristika mnemotekhniki kak metoda razvitiya myshleniya u detei i vzroslykh* (Features of The Mnemonic Technique as the Method of Cognitive Development for Young and Adult Learners). *Aktual'nye zadachi pedagogiki*. In Proceedings of the 9th International Scientific Conference. Moscow: Buki-Vedi Publishers, 2018. P. 3–5.

Khokhlova L. P. *Metody zapominaniya informatsii (mnemotekhnika)* (Methods of Information Retention (Mnemonic Technique)). *St. Petersburg Educational Bulletin*. 2 (6). 2017. P. 40–43.

Peigneux P., Laureys S., Delbeuck X., Maquet P. Sleeping brain, learning brain: the role of sleep for memory systems. *Neuroreport*, 2001. 12: A111–24.

*Докт. филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)
galiya.khisamova@yandex.ru*

К ПРОБЛЕМЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация. Успешность коммуникации может быть определена как достижение говорящим цели в условиях бесконфликтного общения. Неэффективность речевого общения приводит к коммуникативным неудачам. Учет этнокультурных особенностей речевого поведения народов поможет избежать коммуникативных неудач при международных контактах.

Ключевые слова: эффективное речевое общение, коммуникативная неудача, межкультурная коммуникация, речевое поведение.

Doctor of Philology G.G. Khisamova (Ufa)

ON THE PROBLEM OF THE EFFECTIVENESS OF SPEECH COMMUNICATION

Annotation: the success of communication can be determined as achievement by speaker the purposes in conditions of frictionless communication. The inefficiency of speech communication leads to communicative failures. The accounting of ethnocultural features of speech behavior of the people will help to avoid communicative failures in case of the international contacts.

Key words: effective speech communication, communicative failure, intercultural communication, speech behavior.

Успешность коммуникации может быть определена как достижение говорящим стратегической цели в условиях бесконфликтного взаимодействия [Винокур, 1993, с. 24]. Неуспешность, неэффективность речевого общения приводит к явлениям, получившим название «коммуникативной неудачи» [Кузнецова, 2014, с. 106].

Коммуникативной неудачей называется «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [Ермакова, Земская, 1983, с. 32]. В лингвистике появилось большое количество работ, посвященных данному явлению [Формановская, 2002, с. 38–42]. Несмотря на различия подходов разных авторов к анализу коммуникативных неудач, их исследования имеют много общего: в работах описываются те универсальные неудачи, которые характерны для разных типов общения и форм коммуникации [Хисамова, 2008, с. 186–190].

Статья посвящена причинам появления коммуникативных неудач в разговорной речи.

Коммуникативные неудачи – это отрицательный результат общения, такое завершение общения, когда цель, которую мы ставили в разговоре, оказывается недостижимой. Они возникают по разным причинам: собственно языковым и неязыковым (экстралингвистическим) [Махмутова, Хисамова, 2014, с. 78–81, Мустайоки, 2011, с. 76–86].

К собственно языковым причинам следует отнести:

1) многозначность слова, когда у говорящих актуализируется одно из значений, а другое отодвигается на второй план.

Разговор начальника и подчиненного:

а) – *Андрей Иванович, что вы думаете о своем росте? – Рост у меня, я считаю, ничего, метр семьдесят. – При чем тут метр семьдесят, я хотел вас повысить в должности, назначить своим замом.*

б) – *Полагаю, нам придется расстаться. – Вы разве уходите? – Да нет, это вы уходите. Я не намерен больше терпеть это безобразие. Пишите заявление по собственному желанию.*

2) омонимия и паронимия:

– *Он теперь у нас драматичный актер.*

– *Не драматичный, а драматический.*

3) неясность в использовании дейктических средств:

– *Сходи на кухню и принеси мне это. – Что это? – Ну это, блюдо.*

4) неточное понимание значения грамматических форм:

– *Анна сдала зачет по английскому? – Не сдала – Провалила? – Да нет, не сдавала, у них преподаватель заболел.*

5) Неточность истолкования синтаксических конструкций:

– *Какой сегодня день! – Четверг. – Да разве я об этом? Ты посмотри, какое солнце!* (В данной ситуации используется не вопросительная конструкция, а риторическое восклицание).

6) Несогласованность в понимании общего и частного:

Разговор по телефону:

– *Можно попросить Кирилла. – Его здесь нет. – Простите, я вас не поняла. Его сейчас нет или он не живет здесь? – Да, не живет.*

Разговор за обедом матери и сына:

– *Ты делаешь зарядку? – Сегодня не делал. – Я не про сегодня, ты вообще-то делаешь? – Время от времени.*

В данном случае мать спрашивает о действии обычном, характерном для субъекта, а сын сообщает о факте единичном, конкретном.

К неязыковым причинам следует отнести:

1) Неверное понимание коммуникативного намерения говорящего.

Врач измеряет давление больной. Она спрашивает:

– *Какое вы намерили? – 110 на 80. – Неужели? У меня никогда такого давления не было! – Вы мне не верите? Давайте другую руку проверим. – Что Вы! Я просто удивляюсь* (Вопрос воспринимается как недоверие).

2) Индивидуальные особенности говорящих:

– Ты бы хоть переоделся. – А зачем? Мне и так хорошо. – Тебе, может, и хорошо. Ты себя не видишь. А другим плохо. Им же на тебя смотреть. – Да условности все это.

3) Ощущение партнера коммуникации не в той роли, которую он на себя берет.

Если говорящий берет на себя больше коммуникативных и фактических прав, то в ответных репликах проявляется недовольство партнера: *Кто дал вам право так со мной разговаривать? Мала еще, так себя вести.*

4) Нарушение правил вежливости и этикетных стереотипов.

При нарушении максим вежливости может следовать побуждение к исправлению речевого поведения: *Повежливей, пожалуйста; Хоть бы слов доброе сказала! Что ты меня все ругаешь – похвалил бы в конце концов!*

Нарушение этикетных стереотипов влечет за собой ответную реакцию: *Ты мне не тычь, я тебе не Иван Кузьмич! Что за «Пока-пока!» Я же не подружка твоя!* Вопрос к цветущей молодой женщине «Как здоровье?» вызывает ответную реакцию «*Не дождетесь!*».

5) Различия в картинах мира, сформированных разными национальными культурами коммуникантов.

Коммуникативные неудачи гораздо чаще встречаются в межкультурной коммуникации, чем в монокультурной [Гудков, 2003, с.7–10]. Даже если современный человек не совсем осознает принадлежность к той или иной этнокультурной традиции, она оказывает влияние на его речевое поведение. Так, обязательность приветствия не является одинаковой для носителей русской и тюркских языков. Для представителя русской культуры не является обязательным произнесенное вслух приветствие, контакт возможен с помощью мимики и жестов (движение руки, прикосновения, полупоклон, улыбка). Однако для тюркских (татарских и башкирских) народов словесное приветствие обязательно. Его отсутствие будет воспринято как неуважение к человеку. Приветствие у татар и башкир сопровождается пожатием протянутой руки сразу обеими ладонями, если оно обращено к людям старшим по возрасту и социальному положению. Подавать только одну руку пожилым людям считается неуважением.

Часто можно наблюдать, как на уроках русского языка тюркоязычные дети, в силу сложившейся привычки, обусловленной этикетными нормами родного языка, обращаются к учителю не по имени – отчеству, а используя традиционные, исконно башкирские вокативы: «*абый*» (к учителю мужчине), «*ана*» (к учителю женщине) [Хайруллина, 2005, с. 72].

В Германии не принято разговаривать с попутчиками в поезде, автобусе, поэтому не следует воспринимать как оскорбление поведение немца, отве-

чающего на вопрос односложно («да», «нет»). У араба нельзя спросить о здоровье жены, так как это будет воспринято как оскорбление.

Следовательно, учет этнокультурных особенностей речевого поведения разных народов может помочь избежать коммуникативных неудач при межкультурных контактах. Понимание причин появления коммуникативных неудач, умение их преодолевать – важное условие успешной коммуникации.

Литература

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. – 172 с.

Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1983. С. 31–42.

Кузнецова А.А. Коммуникативная неудача // Эффективность речевого общения: словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сиб. фед. ун-та, 2014. 221 с.

Мартынова Е.М. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2000. 182 с.

Махмутова А. С., Хисамова Г.Г. Русский язык и культура речи: учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 124 с.

Мустайоки А. Причины коммуникативных неудач: попытка общей теории // Русский язык за рубежом. 2011. № 4. С. 76–86.

Хайруллина Р.Х. Лингвистика межкультурных коммуникаций: курс лекций. Уфа: Изд-во БГПУ, 2005. 138 с.

Хисамова Г.Г. Исследование коммуникативных неудач в аспекте прагмалингвистики // Лингвистический семинар – 2008: материалы Международной Интернет-конференции. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2008. С. 186–190.

Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.

References

Gudkov D.B. Teoriya i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii. M.: Gnozis, 2003. 288 s.

Vinokur T.G. Govoryashchij i slushayushchij. Varianty rechevogo povedeniya. M.: Nauka, 1993. 172 s.

Ermakova O.N., Zemskaya E.A. K postroeniyu tipologii kommunikativnyh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) // Russkij yazyk v ego

funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticeskij aspekt // O.N.Ermakova, E.A.Zemskaya. M.: Nauka, 1983. S. 31–42.

Kuznecova A.A Kommunikativnaya neudacha //Effektivnost' rechevogo obshcheniya: slovar'-spravochnik. Pod redakciej A.P. Skovorodnikova. Krasnoyarsk: Izd-vo Sib. fed. un-ta, 2014. 221 s.

Martynova E.M. Tipologiya yavlenij kommunikativnogo diskomforta v situacijah dialoga. Dis. ... kand. filol. nauk. Orel, 2000. 182 s.

Mahmutova A. S., Hisamova G.G. Russkij yazyk i kul'tura rechi: Uchebnoe posobie. Ufa: RIC BashGU, 2014. 124 s.

Mustajoki A. Prichiny kommunikativnyh neudach: popytka obshchej teorii // Russkij yazyk za rubezhom. 2011. № 4. С.76–86.

Hajrullina R.H. Lingvistika mezhkul'turnyh kommunikacij: kurs lek-cij. Ufa: Izd-vo BGPU, 2005. 138 s.

Hisamova G.G. Issledovanie kommunikativnyh neudach v aspekte pragmalingvistiki// Lingvisticheskiy seminar – 2008: materialy Mezhdunarodnoj Internet-konferencii. Ufa: Izd-vo UGNTU, 2008. S. 186–190.

Formanovskaya N.I. Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticeskij podhod. M.: Russkij yazyk, 2002. 216 s.

*Аспирантка Цинь Мэн (Москва; Шаньдун, Китай),
докт. филол. наук И.С. Карабулатова (Москва)
3063211605@qq.com ; radogost2000@mail.ru*

ВЛИЯНИЕ СПЕЦИФИКИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ПЕРЕВОДНОМ КИНОДИСКУРСЕ: НА МАТЕРИАЛЕ КИНОКОМЕДИИ «СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН» НА РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Статья посвящена проблемам влияния способов объективации русских кинореалий в китайской лингвокультуре. Авторы анализируют попытки поиска замен языковых раритетов русской языковой картины мира при переводе на китайский язык. Поликодовость кинодискурса рассмотрена на материале сцен кинокомедии «Служебный роман», получившей большую популярность в Китае, что обусловлено созвучностью с реальностью современного китайского общества.

Ключевые слова: кинодискурс, «Служебный роман», фоновые лакуны, Россия, Китай

*Post-graduate Qin Meng (Moscow; Shandong, China),
Doctor of Philology I.S. Karabulatova (Moscow)*

THE INFLUENCE OF THE SPECIFIC LANGUAGE OF THINKING
IN THE TRANSLATED FILM DISCOURSE: ON THE MATERIAL OF
THE FILM COMMODITY 'OFFICE NOVEL' IN RUSSIAN AND CHINESE

Abstract. The article is devoted to the problems of the influence of the methods of objectification of Russian cinema realities in the Chinese linguistic culture. The authors analyze attempts to find replacements for the linguistic rarities of the Russian linguistic picture of the world when translated into Chinese. The polycode of the film discourse is examined on the material of scenes from the comedy film "Office Romance", which has gained great popularity in China, due to its consonance with the reality of modern Chinese society.

Key words: film discourse, 'Office Romance', background gaps, Russia, China

Сложность исследования кинодискурса заключается в многообразии средств воздействия на реципиента и гипертекстуальностью кинопространства. При этом гипертекстуальность переводного кинодискурса помогает понять лингвоментальную культуру другого народа, обнаруживая сходства и различия с лингвокультурой страны языка перевода [Приорова, Лебедева, 2020].

Переводной кинодискурс в последнее время получает большую востребованность в связи с усилением глобализации и необходимостью понимать собеседника на другом языке, поэтому интерпретация смысла исходного текста и создание эквивалента на другом языке является одной из главных задач лингвистики на современном этапе. В связи с этим мы считаем, что необходимо знать те кинофильмы изучаемой лингвокультуры, которые могут помочь в понимании менталитета другой страны.

Усиливающаяся тенденция к сотрудничеству между Китаем и другими стала пусковым моментом для активизации иностранных фильмов на китайский кинорынок. Так, Чанчуньская киностудия только в 90-ые гг. XX в. осуществила перевод свыше 700 зарубежных кинофильмов, в том числе более 200 фильмов на русском языке [Ся, Н.В., Ся, Цзялян, 2017], и этот процесс продолжается и в XXI в. Сегодня мы видим усиление контактов между Россией и Китаем, поэтому использование перевода кинодискурса в обучении переводчиков является одной из важных задач, поскольку помогает понять сложность «русской души» [Федулов и др., 2015].

Как подчеркивают исследователи, «любой субъязык состоит из трёх классов языковых единиц: 1) абсолютно специфические единицы, т. е. единицы, свойственные лишь данному субъязыку, индивидуально характеризующие его, отличающие его от других субъязыков; 2) относительно специфические единицы, принадлежащие более чем одному субъязыку, характеризующие группу смежных субъязыков; 3) неспецифические (нейтральные) единицы, общие для всех потенциально выделяемых субъязыков, составляющие основу каждого субъязыка» [Пузырев, 2020, с. 41].

Русский и китайский стили мышления отличаются по позициям интуитивности и рассудочности, что обусловлено разницей в обозначении и передаче информации в разноструктурных языках, что вызывает дискуссию у исследователей: некорректное использование букв разных алфавитов объясняется плохим знанием языка, или перед нами языковая игра? [Ницзяти и др., 2020].

Когда мы обращаемся к анализу кинодискурса «Служебный роман» 1974, реж. Э. Рязанов), то мы обнаруживаем лакуны в фоновых знаниях языковой картины мира, отражающей дихотомию «страна оригинала кинодискурса vs страна перевода кинодискурса», которую переводчики стараются нивелировать в ходе работы над текстом фильма. В своей статье мы хотели бы подробно остановиться на проблеме передачи русских личных имен в китайском переводном кинодискурсе, а также прокомментировать специфику перевода кинодиалогов в кинокомедии «Служебный роман», которые изобилуют устойчивыми выражениями русской лингвокультуры, с учетом проблемы подбора адекватных эквивалентов в китайской лингвокультуре.

Итак, сам выбор кинофильма «Служебный роман» для анализа обусловлен как экстралингвистическими, так и сугубо лингвистическими факторами. Например, ни для кого ни секрет, что в Китае сохраняется избирательное отношение к детям, а уж к девочкам тем более, поскольку последние считаются нежелательными в китайской семье. Те немногочисленные девушки, которые родились и выросли в Китае, приобрели маскулинизированные черты характера с усилением амбициозности и карьеризма, что не пользуется одобрением в традиционном китайском обществе. Поэтому характеристика Новосельцева относительно характера директора Калугиной получает полное одобрение в китайской аудитории. Так, первоначально Новосельцев считает Калугину ограниченным и жестким человеком, приписывая ей следующее отношение к детям: *«Она же не знает, что на свете бывают дети. Она уверена, что они появляются на свет взрослыми, согласно штатному расписанию, с должностью и окладами»*. Говоря так о Калугиной, Новосельцев тем самым обесценивает ее как женщину, акцентируя внимание на ее каче-

ства как работника и руководителя. Иными словами, по мысли Новосельцева, Калугина отторгает женское начало вообще. Для китайской аудитории эта фраза в переводе звучит, как «她根本不知道这世界上还有孩子, 她认为都是跟着机关编制出生的, 按职务, 按级别工资入座的。 [Tā gēnběn bù zhīdào zhè shìjiè shàng hái yǒu hái zi, tā rènwéi dōu shì gēnzhe jīguān biānzhi chūshēng de, àn zhíwù, àn jí bié gōngzī rùzuò de.] / Она даже не знала, что бывают дети, по ее мнению, все родились в рамках организации, в соответствии с их должностями и оценками. Не платите за то, чтобы сесть». В китайском переводе комичный эффект даже более силен, чем в русском оригинале. Эта фраза Новосельцева находит большой отклик в китайской аудитории, поскольку те права, которые получили китайки в эпоху политики «одна семья – один ребенок», способствовали стремлениям китайнок сделать карьеру, игнорируя семейные традиции и ценности. Не случайно китайская пословица гласит: «养女儿就像灌溉别人的田地 [Yǎng nǚ'ér jiù xiàng guàngài biérén de tiándì] / Вырастить дочь — всё равно, что оросить чужое поле». И сам финал кинофильма, что Калугина вышла замуж за Новосельцева, родив ему еще двух сыновей, также вписывается в желательную модель современной китайской семьи, когда китайская девушка оставляет карьеру и выходит замуж, сделав в выбор в сторону традиционных семейных ценностей.

Известно, что кинодискурс, с одной стороны, помогает понять мир изучаемой страны. С другой стороны, отсутствие или недостаточное знание этикетных норм общения страны оригинала кинофильма может способствовать усвоению неформальных шаблонов общения вследствие этнолингвокультурной разницы между русским и китайским языками, что может сыграть негативную роль в реальной межкультурной коммуникации.

Перевод кинодиалогов исследователи относят к уникальному виду искусства, который имеет схожие черты с художественным литературным переводом [Яшкина, Зайцева, 2015]. Переводчик при переводе фильмов сталкивается с проблемой подбора эквивалентов образов, относящихся к разным лингвокультурам, чтобы реципиент, как носитель реалий другой этноязыковой картины мира, смог понять чувства, эмоции и переживания героев, не допуская когнитивных искажений при передаче смыслов [Савчук, Карабулатова, 2021].

Русские кинофильмы широко используют фразеологизмы, пословицы и поговорки в кинодиалогах героев, чтобы четче обрисовать внутреннюю картину мира с ее специфическими чертами и фоновыми знаниями о мире, что помогает понять ту или иную сцену в фильме. В этом плане советский кино-

фильм «Служебный роман» не является исключением. Например, всем известна сцена, в которой пронырливый Самохвалов советует своему бывшему-однорукнику, а ныне коллеге-подчиненному, Новосельцеву влюбиться в себя директора-мымру и «братъ быка за рога». Этот экспрессивный фразеологизм, который обозначает решительное и/или немедленное действие, понятен китайцам, поскольку имеет аналоги в китайской картине мира: *抓住要害* [Zhuā zhù yàohài] «ближе к делу» и *擒贼先擒王* [Qín zéi xiān qín wáng] «сначала поймай воров», т. е. «в любом деле начинай с главного».

При осуществлении киноперевода специалист стоит перед щекотливой проблемой: китайская лингвокультура не настроена на решительное действие, скорее на поступательное движение в духе политики «мягкой силы» и конфуцианских стратагем, однако имеет в своем арсенале некоторые приближенные аналогии. Сравнение русского и китайского кинодискурсов демонстрирует нам кинофильм с одной фабулой, одинаковыми персонажами, но с разным содержанием, поскольку «перевод передает событийную, внешнюю сторону произведения, а замена лексико-грамматической структуры подлинника структурой другого языка неизбежно ведет к тому, что первоначальный текст лишается неповторимости оригинала» [Приорова, 2020, с. 99].

Так, для передачи смысла фразы Самохвалова кинопереводчик использовал китайский фразеологизм *抓住要害* [Zhuā zhù yàohài] «ближе к делу», как более нейтральный по окраске и менее экспрессивный.

Такая замена, на наш взгляд, обусловлена тем, что в китайской картине мира понятие «бык» имеет неоднозначные интерпретации. С одной стороны, китайцы с почтением относятся к корове, но, с другой стороны, они отрицательно относятся к быку, который считается олицетворением настырности, упрямства. Это особенно ярко видно в китайской пословице *初生牛犊不怕虎* [Chūshēng niú dú bù pà hǔ] дословно «новорожденные бычки/телята не боятся тигров» в значении «Молодость не знает страха». Однако второе устойчивое китайское выражение имеет более широкий ассоциативный веер значений, поэтому во избежание когнитивных искажений в ходе киноперевода был использован китайский фразеологизм *抓住要害* [Zhuā zhù yàohài] «ближе к делу», который более приемлем в корпоративном общении. Таким образом достигается прогнозируемая эмоция, которая подготавливает аудиторию к вполне объяснимым реакциям на те или иные сцены кинофильма, также перенося их на подобного рода ситуации в реальной жизни, что вызывает интерес реципиентов кинофильма как к самому кинодискурсу, так и к России в целом.

В ответ Новосельцев также использует устойчивое выражение «*Подкреплюсь и начну метать бисер*», которое передается близкой по значению китайской фразой 对牛弹琴 [*Duìniú tánqín*] «*игра на пианино на корове*». Используемое выражение «*метать бисер*» является усеченным от библейского фразеологизма «*не мечите бисер перед свиньями, да не попрут его ногами*», который означает, что нет смысла тратить слова на тех людей, которые не хотят или не могут понять вас. Убрав отрицание, Новосельцев тем самым показывает, что он идет выполнять безнадежное дело: общаться с человеком, который априори его не поймет. В христианской, а впоследствии и в русской культуре свинья является символом духовной грязи, обозначение бесов, чертей и людей, одержимых пороками. В китайской же культуре этот смысл отсутствует, поскольку свинья почитается особо и считается символом богатства, плодородия и благополучия под влиянием буддистского канона животного цикла.

Непринужденное общение между начальником и подчиненным, которое мы видим между Самохваловым и Новосельцевым, не является для китайской культуры нормой, поэтому представленное в фильме русское корпоративное общение вызывает вполне объяснимый интерес и в некоторой степени культурный шок, что может провоцировать ошибки в межкультурном общении, когда китайцы пытаются использовать аналогичный формат общения (панибратский, свободный) в реальной жизни с русскими компаньонами. Например, китайский зритель не может принять тот факт, что в корпоративной среде сотрудники допустимо использование при общении уменьшительно-ласкательных имен (типа: *Юрочка, Наденька, Верочка, Шурочка*), либо сокращенных форм имени (*Юра, Надя, Вера*), либо только фамилий (типа: «*Верочка, пригласите ко мне Новосельцева!*»; «*Вы слышали новость про Самохвалова?!*» и т.п.), принимая это за специфику русского корпоративного общения. В дальнейшем это чревато усугублением ошибок вследствие нарушения норм стилистики и речевого этикета. Не случайно в своих работах А. А. Гагаев говорил о вторичной редукции сознания и необходимости учета культурно-типической природы индивидуума [Гагаев, П. А., Гагаев, А. А.: 2001, с. 100].

В китайской культуре полная формула не трехчленная, как в русском языке, а двухчленная, состоящая из имени и фамилии, при этом предпочтительным является обращение по фамилии, поскольку понятие рода, семьи для китайцев имеет большее значение, чем отдельный индивидуум. Поэтому использование просто имени в корпоративной культуре невозможно, не говоря уже об уменьшительных именах.

Отдельную сложность представляют отчества, когда вместо имени-отчества используется лишь отчество, да и формула «имя + отчество» также непонятна носителям китайского языка, поскольку сама категория отчества отсутствует в китайской культуре, что вызывает затруднения у тех, кто изучает русский язык. Как правило, начинающие китайские русисты используют в речевой практике либо имя, либо фамилию, либо имя и фамилию. Эта ошибка обусловлена тем, что в переводных русских фильмах используется модель «имя + фамилия». Эта же модель «имя + фамилия» используется в кинофильме «Служебный роман», при этом другие альтернативные имена, которые имеют место в оригинале, не используются совсем. Во всех сценах, во всех диалогах в кинофильме мы встречаем лишь формулу «имя + фамилия». На наш взгляд, это делает фильм больше производственным и официальным, поскольку обыгрывание использования форм имени в китайской версии кинофильма остается за кадром вследствие особенностей китайской культуры.

Этноориентированный космопсихологос, в трактовке А.А. Гагаева, содержит в себе «гносеологические, онтологические, логические, системные, ценностные, эстетические, мотивационные, антропологические, миссионерские, текстолого-праксиологические основания» [Гагаев П.А., Гагаев А.А., 2001, с. 97]. Именно этот сложный аспект перевода кинофильмов на другой язык позволяет говорить о культурно-обусловленном процессе, поскольку если язык кинодиалогов трудно понятен и туманен, то в этом случае зрители не просто потеряют интерес к этому фильму, но и могут игнорировать страну происхождения кинофильма на своем кинорынке, что сказывается на потенциальной ценности выбора того или иного кинофильма для продвижения на инокультурный кинорынок. Поэтому при переводе кинофильмов переводчики стараются использовать общеупотребительную лексику, чтобы кинопродукт был интересен и доступен для понимания любому зрителю.

Литература

Анисимов В.Е., Борисова А.С., Консон Г.Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков // России. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. № 23. С. 435–459.

Гагаев П.А., Гагаев А.А. Модель педагогического знания культурно-типического характера // ИТС. 2001. № 1. С. 94–100.

Приорова И.В., Лебедева И.В. Изучение русской классики в Китае: плюсы и минусы киноверсии // International Journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific Public Organization «Professional Science». № 11. 2019. С. 18–28.

Приорова И.В. Что «не так» с князем Мышкиным в формате китайского восприятия? // *Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XX Международной научной конференции, посвящённой 75-летию победы в Великой Отечественной войне* (г. Покров, 16–18 сентября 2020 г. / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: МПГУ, 2020. С. 109–111.

Пузырёв А.В. Идиостилевые аспекты эстетики мышления, языка, психофизиологии, речи и общения: Постановка проблемы // *Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: материалы XIX-й Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.И. Кодухова* (Покров, 15–17 мая 2019 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: МПГУ, 2019. С. 40–46.

Савчук И.П., Карабулатова И.С. Мифолингвистическая интерпретация сакрального геополитонима СИБИРЬ как «окно Овертона» в военном кинодискурсе // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия филология и искусствоведение. Вып. 1 (268). 2021. С. 54–61.*

Сложности межкультурной коммуникации в русско-китайском диалоге: когнитивные искажения или языковая игра? / А. Ницзяти, И.С. Карабулатова, Ю. Линь, Ф.Б. Саутиева // *Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта: сборник научных трудов Международного научного форума, посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие* / под ред. С.А. Каскабасова, Н.Г. Валеевой. М.: РУДН, 2020. С. 311–320.

Ся Н.В., Ся Цзялян. Трудности перевода названий российских фильмов на китайский язык // *Языки. Культуры. Перевод. 2017. № 1. С. 182–189.*

Феномен «русской души» и традиция русского консерватизма: новые теоретико-методологические подходы и обыденное восприятие консерватизма / А.М. Федулов, С.Г. Каропова, И.С. Карабулатова // *Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. 2015. Т. 2. С. 103–112.*

Яшкина А.А., Зайцева К.А. Переводческие трансформации с русского на китайский язык на примере кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию» // *Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2015. № 3. С. 240–243.*

References

Anisimov V. E., Borisova A. S., Konson G. R. Lingvokul'turnaya lokalizaciya kinozagolovkov // *Rossii. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika. № 23. 2019. S. 435–459.*

Gagaev P. A., Gagaev A. A. Model' pedagogicheskogo znaniya kul'turno-tipicheskogo haraktera // ITS. 2001. №1. S. 94–100.

Niczyati A., Karabulatova I. S., Lin' Yu., Sautieva F. B. Slozhnosti mezhkul'turnoj kommunikacii v russko-kitajskom dialoge: kognitivnye iskazheniya ili yazykovaya igra? // Voprosy sovremennoj lingvistiki i izucheniya inostrannyh yazykov v epohu iskusstvennogo intellekta. Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, posvyashchennogo Vsemir-nomu dnyu nauki za mir i razvitie. Pod red. S. A. Kaskabasova, N. G. Valee-voj. Moskva: RUDN, 2020. S. 311–320.

Priorova I. V., Lebedeva I. V. Izuchenie russkoj klassiki v Kitae: plyusy i minusy kinoversii // International Journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific Public Organization «Professional Science». № 11. 2019. S. 18–28.

Priorova I. V. Chto «ne tak» s knyazem Myshkinym v formate kitajskogo vospriyatiya? // Yazyk i myshlenie: Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty: Yazyk i myshlenie : psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty : materialy XX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 75-letiyu pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne (g. Pokrov, 16–18 sentyabrya 2020 g / otv. red. prof. A. V. Puzyryov. Moskva: MPGU, 2020. S. 109–111.

Puzyryov A. V. Idiostilevye aspekty estetiki myshleniya, yazyka, psihofiziologii, rechi i obshcheniya: Postanovka problemy // Yazyk i myshlenie: Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty: Materialy XIX-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Koduhova (Pokrov, 15–17 maya 2019 g.) / otv. red. prof. A. V. Puzyryov. Moskva: MPGU. 2019. S. 40–46.

Savchuk I. P., Karabulatova, I. S. Mifolingvisticheskaya interpretaciya sakral'nogo geopolitona SIBIR' kak «okno Overtona» v voennom kinodiskurse // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya filologiya i iskusstvovedenie. Vyp. 1 (268). 2021. S. 54–61.

Sya N.V., Sya Czyalyan. Trudnosti perevoda nazvanij rossijskih fil'mov na kitajskij yazyk // Yazyki. Kul'tury. Perevod. №1. 2017. S. 182–189.

Fedulov A. M., Karepova S. G., Karabulatova I. S., Ahmetova B. Z., Istamgalin R. S. Fenomen «russkoj dushi» i tradiciya russkogo konservatizma: novye teoretiko-metodologicheskie podhody i obydennoe vospriyatie konservatizma // Social'no-ekonomicheskie i gumanitarno-filosofskie problemy sovremennoj nauki Moskva: Ufa: Rostov-na-Donu. 2015. T. 2. S. 103–112.

Yashkina A. A., Zajceva K. A. Perevodcheskie transformacii s russkogo na kitajskij yazyk na primere kinofil'ma «Ivan Vasil'evich menyaet professiyu» // Vestnik nauchnogo obshchestva studentov, aspirantov i molodyh uchenyh. № 3. 2015. S. 240–243.

Докт. филол. наук В. В. Шмелькова (Пенза),
докт. пед. наук Л. П. Мухаммад (Москва)
vshmelkova@rambler.ru ; ludmilamuh@mail.ru

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЛОВА БЛАГОПОЛУЧИЕ

Аннотация. В статье рассматривается лексикографическое представление слова *благополучие* в толковых словарях русского языка XIX–XXI вв., анализируются значения данной лексической единицы, зафиксированные в различных словарях. В статье делается вывод, что слово *благополучие* имеет в современном русском языке несколько значений и обозначает (с элементом субъективности) один из основных критериев жизни человека.

Ключевые слова: русский язык, лексика, лексикографическое представление, благополучие.

*Doctor of Philology V.V. Shmelkova (Penza),
Doctor of Pedagogics L. P. Mukhamad (Moscow)*

LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF THE WORD “WELL-BEING”

Abstract. The article considers the lexicographic representation of the word “well-being” in explanatory dictionaries of the Russian language of the 19–21 century. The definitions of this lexical unit recorded in different dictionaries are analyzed. The article concludes that the word well-being has several meanings in modern Russian and denotes one of the main criteria for human life.

Key words: Russian language, vocabulary, lexicographic presentation, well-being.

Лексические единицы *благополучие*, *благополучный*, обозначающие одно из важнейших понятий в мировосприятии окружающего мира русскими, частотны в современной русской устной и письменной речи (*материальное благополучие*, *финансовое благополучие*, *семейное благополучие* и т.д.). Благополучие является одним из признаков счастливой жизни.

Слово *благополучие* использовалось и используется в номинативной функции, в качестве названий (в XVIII веке так были названы линейные корабли Балтийского флота Российской империи, построенные в 1741 и в 1774 гг.).

Синонимами этого слова являются следующие лексические единицы: процветание, благосостояние, обеспеченность, довольство, состоятельность.

Ассоциации к слову *благополучие*: благо, процветание, стабильность, успех, счастье, радость, деньги, достаток, обеспеченность, семья, дети, дом, комфорт.

Таким образом, можно заметить, что в ассоциациях отмечаются несколько основных составляющих состояния благополучия: спокойное, стабильное существование, финансовая обеспеченность и личное, семейное счастье.

Толковые словари русского языка отмечают все эти значения.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слова *благополучие*, *благополучный* включены в статью, объединяющую лексические единицы с компонентом благо-. Отметим, что представление слова *благополучие* в словаре В.И. Даля очень образное: «благоденствіе, благосостояніе, счастье, желанное состояніе, душевное приволье, удовольствіе. Донесенія о благополучіи, вообще все служебныя срочныя донесенія, не содержащія ничего, кроме известія, что всё обстоит благополучно. Благополучный, счастливый, успешный, удачный, удачливый, желанный, покойный. При заразительныхъ, моровыхъ болезняхъ, чуме на людей, на скоть, благополучными местами зовутся те, где мора нетъ» [Даль, 1989, с. 93].

Толковые словари русского языка XX в. также представляют это слово, указывая основные значения.

В «Словаре современного русского литературного языка» (БАС) слово *благополучие* представлено следующим образом: «Благополучие – счастливая обеспеченная жизнь, отсутствие материальных недостатков, неприятностей» [Словарь..., 1948, с. 487]. В словаре отмечаются следующие варианты употребления: желать всякого, всяческого благополучия, ни за какие благополучия, к моему, общему благополучию.

В «Словаре русского языка» (МАС) слово *благополучие* трактуется как «спокойное, без каких-либо нарушений течение дел, жизни. Довольство, обеспеченность» [Словарь..., 1981, с. 94].

Следует отметить, что словарь несколько разводит значения слов *благополучие* и *благополучный*. В слове *благополучный* отмечается только следующее значение: «сопровожаемый успехом, удачный» [Словарь..., 1981, с. 94].

В «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» также фиксируются 2 значения слова *благополучие*: «1. Спокойное и счастливое состояние. *Семейное благополучие*. 2. Жизнь в довольстве, полная обеспеченность. *Материальное благополучие*». Слово *благопо-*

лучный имеет значение: «удачный, успешный, вполне удовлетворяющий» [Толковый словарь..., 2008, с. 47].

Новым можно назвать сочетание слова *благополучие* с прилагательным *эгоистическое*.

Таким образом, слово *благополучие* имеет в современном русском языке несколько значений и обозначает (с элементом субъективности) один из основных критериев жизни человека.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1989. 700 с.

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 736 с.

Словарь русского языка: в 4 т. Т.1. М.: Русский язык, 1981. 698 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.

References

1. Dal', V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 1. M.: Russkii yazyk, 1989. 700 s.

2. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka, v 17 tomakh. T.1. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. 736 s.

3. Slovar' russkogo yazyka, v 4 tomakh. T.1. M.: Russkii yazyk, 1981. 698 s.

4. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov. Pod red. N. Yu. Shvedovoi. M.: Azbukovnik, 2008. 1175 s.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Магистрант А.А. Батигова (Москва)

Email: miss.reddl@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Статья посвящена актуальной в настоящее время теме по обучению иностранного языка посредством использования современных технологий, а также связанных с ней вопросов, обоснованности использования в практике. В работе акцентируем внимание на проблемы, которые связаны с темой использования современных технологий в обучении иностранному языку. Объясняется важность использования современных технологий.

Ключевые слова: технологии, иностранный язык, теория, педагогика, аспекты.

Master student Angelika Arturovna Batigova (Moscow)

MODERN THEORIES AND TECHNOLOGIES OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

The article is devoted to the currently relevant topic of teaching a foreign language through the use of modern technologies, as well as related issues, the validity of its use in practice. In this article, we focus on the problems that are related to the topic of using modern technologies in teaching a foreign language. It also explains the importance of using modern technologies.

Key words: technologies, foreign language, theory, pedagogy, aspects.

Связь между людьми из разных стран всегда имела огромное значение для политики, торговли, а с наступлением информационной эры, владение языком стало особенно актуальной темой. В повседневной жизни иностранный язык позволяет человеку иметь большой ресурс для саморазвития, и он является неотъемлемой частью жизни современного человека, без него невозможно развитие человеческого сообщества. Иностранный язык способ-

ствует развитию мышления и памяти. Нельзя не согласиться с тем фактом, что в настоящее время основным иностранным языком в школе является английский. Школьникам очень важно научиться развивать коммуникативные способности и преодолевать психологические барьеры при общении.

В настоящее время многие педагоги задумываются о необходимости использования новых современных технологий для обучения иностранным языкам в школах. Помимо появления новых технических средств появляются и новые методы и подходы к процессу обучения иностранным языкам в учебных заведениях. Ниже представлены определения таких понятий как «Технология обучения» и «Педагогическая технология». «Технология обучения» является методом применения учебного процесса обучения и усвоения знаний. «Педагогическая технология» – является особым набором методов обучения, используемых в учебном процессе, который организуется учителем на уроке.

К современным технологиям обучения, как известно, относятся информационные технологии, которые занимают главную роль в системе образования. Нельзя не отметить важный факт, что благодаря современным технологиям у обучающихся появляется интерес к предмету и улучшается мыслительная деятельность.

Как известно, педагоги используют технологии обучения, при помощи которых на уроках происходит достижение учебных целей с наибольшей эффективностью за короткий период времени. За последнее время в понятие «технологии обучения» стали включать все основные проблемы дидактики, связанные с улучшением учебного процесса и увеличением качества организации учебной деятельности.

Существуют несколько характеристик технологии обучения:

- 1) результативность (каждый ученик достигает определенную цель);
- 2) экономичность (за короткий промежуток времени усваивается большой объем учебного материала, при этом тратится учениками меньше усилий на запоминание);
- 3) эргономичность (учебный процесс проходит в благоприятной обстановке, с отсутствием перегрузок);
- 4) мотивированность (во время учебного процесса у детей повышается интерес к занятиям и благодаря этому, улучшаются личностные качества учеников и раскрывается их потенциал).

Педагогическая технология – это организационно-методический инструментальный учебного процесса. Так как эта технология включает в себя

совокупность психолого-педагогических установок, определяющих приемов и методы обучения.

Как известно, педагогическая технология способна благоприятно влиять на процесс обучения и самих учеников.

«Педагогическая технология» может употребляться на трех иерархически соподчиненных уровнях:

1) общепедагогический уровень (этот уровень характеризует учебный процесс в школе, на конкретном этапе обучения;

2) частно методический уровень (этот уровень обозначает группу методов, которые реализуют содержание обучения;

3) локальный (модульный) уровень (этот уровень обозначает технологию видов учебно-воспитательного процесса и технологию урока.

Также существуют различные технологические микроструктуры: приемы, звенья, элементы и др. Они образуют целостную педагогическую технологию:

1) технологическая система – изображение технологии процесса обучения;

2) технологическая карта – описание процесса в виде таблицы с поэтапными действиями.

Современные педагогические технологии, которые используются для обучения иностранному языку, способствуют формированию и развитию таких факторов, как:

1) поликультурная языковая личность (эта личность может общаться с носителями других культур принимая во внимание их культуру и традиции);

2) ученики, используя иностранный язык могут осуществлять 4 вида речевой деятельности;

3) когнитивные особенности у детей;

4) появление самостоятельности у учеников.

На сегодняшний день, задача учителя заключается в том, чтобы создать такие условия, при которых ученики смогли бы овладеть иностранным языком, а также учитель должен выбрать такие методы и формы обучения, которые могли бы позволить всем учащимся проявить своё творчество и свою активность. Как известно, основной целью изучения иностранного языка в школе является формирование коммуникативной компетенции. Коммуникативный подход – это обучение общению и формирование способности к межкультурному взаимодействию [Бим, 1988, с. 1].

В наши дни главную роль играют интернет-технологии, так как без Интернета сложно представить цивилизационный мир. Даже методы преподавания теперь невозможно представить без информационных технологий. Интернет-технологии – являются одним из основных информационных инструментов современного преподавателя, так как благодаря современным информационным технологиям мы можем получать информацию, делиться ею с учениками и с коллегами, которые могут находиться в любой точке мира, и к тому же, можно использовать эти технологии для создания уроков. Интернет-технологии, также как и компьютерные, обладают огромным количеством положительных качеств, однако интернет-технологии обладают такими свойствами, как: короткий и быстрый путь передачи учебного материала от преподавателя к учащемуся; не нужно тратить лишние деньги на покупки учебных материалов, так как все учебные методические комплексы присутствуют в Интернете в открытом доступе; есть возможность по усмотрению преподавателя включать в учебный план дополнительные материалы из Интернета; еще одним огромным плюсом интернет-технологий является экономия времени на подготовку учебных материалов, что увеличивает доступность учебных курсов для учащихся.

Во время урока можно применять следующие виды интернет-технологий: 1) специализированные программы, например, электронные учебники, тесты, и т.д.; 2) специализированные системы, например, карты памяти и т.д.; 3) высокоинтеллектуальные системы обучения, которые возможно применять в различных учебных дисциплинах; 4) применение программ для общения (skype). Приведенные выше типы интернет-технологий можно объединить в две группы:

- с избирательной интерактивностью;
- с полной интерактивностью.

Интерактивность – это прямое взаимодействие учеников друг с другом или учеников с учителем.

В последнее время у учителей всё чаще поднимается вопрос о том, как правильно применять информационные технологии в школе. Так как информационные технологии являются новым подходом в процессе обучения и методом преподавания в наше время. Как известно основной целью обучения иностранным языкам является обучение говорению. Процесс обучения способствует формированию и развитию коммуникативной культуры учащихся. Задача учителя состоит в том, чтобы педагог смог не только способствовать мотивации учеников, но и активизировать их познавательную деятельность в процессе обучения иностранным языкам на уроках.

Современные технологии, которые используются с целью обучения иностранному языку, реализуют личностно-ориентированный подход в обучении, обеспечивают дифференциацию и индивидуализацию преподавания с учётом личностных способностей учеников, их уровня обученности, а также формируют и развивают:

- 1) поликультурную языковую личность, которая способна реализовать результативное взаимодействие с носителями других культур;
- 2) умение учащихся реализовывать разнообразные виды деятельности, используя иностранный язык;
- 3) когнитивные способности детей;
- 4) увеличению творческого потенциала личности к осуществлению своих профессиональных обязанностей.

В современной педагогике выделяют традиционные и современные технологии.

К традиционным технологиям относится объяснительно-иллюстративный способ обучения. То есть, на уроках иностранного языка учащиеся изучают новый материал наглядно, через карточки, музыку, объекты. Учитель преподносит материал в виде монолога. Ученики изучают, выполняют задания, которые дал учитель, после этого материал изучается более детально.

К отрицательным качествам данной технологии относится низкий уровень навыков общения учащихся, отсутствие собственного высказывания.

Однако задача учителя по иностранным языкам заключается в том, чтобы ученики овладели коммуникативными навыками во всех видах речевой деятельности и владели иностранным языком на разговорном уровне. Учитель должен выбрать такие методы обучения, которые позволили бы каждому учащемуся проявить свою активность.

Различие между традиционными и современными технологиями обучения:

- 1) традиционные технологии обучения:
 - учитель находится в центре технологии обучения, он является субъектом;
 - целью обучения является передача знаний;
 - обучающиеся почти не вовлечены в процесс обучения на занятиях, и они являются объектами;
- 2) современные технологии обучения:
 - обучающийся находится в центре технологии обучения, они являются субъектами;

– целью обучения является научить говорить и понимать иностранный язык и развить коммуникативную компетенцию учащихся;

– в основу учебного процесса входит интерактивность и коммуникация;

При обучении иностранному языку используются следующие образовательные технологии:

1) Технология коммуникативного обучения направлена на развитие и формирование коммуникативной компетентности учеников, которая является необходимой для приспособления к современным условиям межкультурной коммуникации. Целью коммуникативного обучения является формирование заинтересованности учеников в процессе изучения иностранного языка посредством накопления и расширения их знаний и опыта.

Коммуникативный подход не только способен создать общение между учениками и учителем, но и способен сформировать языковую и психологическую готовность к коммуникации. Для учащихся реализации коммуникативного подхода в Интернете не вызывают никакой сложности. Коммуникативное задание должно предлагать учащимся дискуссию для обсуждения, к тому же учащиеся не только делятся информацией, но и анализируют её.

2) Технология разноуровневого (дифференцированного) обучения обозначает реализацию познавательной работы учеников с учётом их возможностей и интересов, поощряя их реализовывать свои творческие способности. Создание и использование диагностических тестов является неотъемлемым элементом данной технологии.

3) Технология модульного обучения означает разделение содержания школьного предмета на модули, которые входят в общий курс. Модульное обучение подразумевает конкретную структуризацию содержания обучения. Оно обеспечивает появлению самостоятельности и развитию мотивации школьников. Основными средствами модульного обучения служат учебные модули.

Такую технологию обучения учителя применяют для тем, которые малы по объёму и легкие. Роль учителя заключается в организации процесса обучения. Целью модульного обучения является самостоятельное овладение учащимися определенными умениями и знаниями в процессе обучения.

Учитель создает модули сам, а именно уроки. Учителя составляют методический план модулей для учащихся, в этот план входит:

1) название темы урока;

2) написание цели и задач урока;

3) новые темы, упражнения на новые и старые темы для закрепления материала;

4) проведения контроля знаний учащихся в виде тестов.

4) Информационные технологии – к таким технологиям относятся технические средства обучения такие, как аудио-, видеотехника, компьютер, интерактивные доски. Данная технология расширяет границы образовательного процесса, повышает его практическую направленность, развивает самостоятельность работы учащихся и повышает познавательную активность. Можно отметить, что использование компьютера и интернет-ресурсов позволяют развить аспекты языка, к которым относятся, лексика, грамматика, фонетика и 4 вида речевой деятельности, к которым относятся, аудирование, чтение, письмо, говорение. Также Интернет может повысить мотивацию к изучению иностранного языка и улучшить знания учащихся.

Внедрение информационных технологий в обучение конечно может улучшить процесс восприятия и обработки информации. Благодаря компьютеру, Интернету и программам учащиеся могут получить огромное количество информации. Кроме того, существенно расширяется и мотивационная основа учебной деятельности. В условиях использования СМИ учащиеся получают информацию из газет и новостей по телевизору.

5) Технология индивидуализации обучения – способна помочь реализовать личностно-ориентированный подход, принимая во внимание индивидуальные особенности и потребности учащихся.

6) Технология языкового портфеля – эта технология включает в себя отечественные российские требования к уровню овладения иностранным языком с общеевропейскими системами. Главным критерием оценки уровня овладения иностранным языком в технологии языкового портфеля является тестирование. Особенностью данной технологии является переориентация учебного процесса с учителя на ученика. Ученик несет ответственность за результаты своей познавательной деятельности. Данная технология приводит к постепенному формированию у учащихся навыков самостоятельного овладения информацией. В целом, языковой портфель универсален и способен развить многоязычность.

7) Технология тестирования применяется для определения уровня усвоения грамматических и лексических знаний и навыков в рамках модуля на конкретной стадии обучения. Осуществление контроля с использованием технологии тестирования соответствует требованиям всех международных стандартов.

8) Проектная технология гарантирует личностно-ориентированное обучение, данный метод способен развить у учеников творчество, познавательную деятельность и самостоятельность. Принято классифицировать про-

екты на: интернет-проекты, монопроекты, видовые, устно-речевые, письменные, коллективные, смешанные.

Метод проектов – это совокупность действий школьников, у которых целью является достижение конкретной задачи, которая должна завершиться практическим результатом. Задача метода проектов заключается в предоставлении ученикам возможности самостоятельного приобретения знаний в процессе решения практических задач или проблем. Преподавателю в процессе обучения отводится роль советчика.

Метод проектов является многоуровневым подходом в процессе изучения иностранного языка, который включает в себя все виды речевой деятельности: чтение, аудирование, говорение и грамматику. Метод проектов поможет развить логическое мышление учащихся и ориентирует их на совместную исследовательскую работу. Проектное обучение хорошо тем, что учит учеников взаимодействию, а обучение социализации воспитывает такие нравственные ценности, как помощь и толерантность.

Существует несколько этапов работы над проектом:

- 1) этап предпроекта – постановление темы проекта для учеников;
- 2) этап планирования работы над проектом: определение временных рамок во время работы; обсуждение вариантов выполнения работы.
- 3) аналитический этап: самостоятельная работа учеников, получение новой информации, обмен информацией с одноклассниками и т.д.
- 4) этап обобщения: комплекс полученной информации в виде рефератов и презентаций.
- 5) этап предоставления полученных результатов.

9) Технология обучения в сотрудничестве – эта технология реализует идею совместного обучения, в котором осуществляется коллективная ответственность за решение учебных задач. Обучение в сотрудничестве – это обучение в небольших группах. Основной целью этой технологии является создание условий для групповой учебной деятельности. Как известно в практике преподавания все ученики разные. Одни из них могут легко и быстро схватывать на лету материал, всё, что объясняет учитель. Другим же ученикам требуется больше времени, чтобы понять материал, нужно больше разъяснений и дольше объяснять. В таких случаях объединяют учеников в маленькие группы по 3-5 человек и дают им одно задание на всю группу, объяснив роль каждого учащегося. Тогда появляется ситуация, в которой каждый ученик отвечает за результат всей группы, что очень важно для развития их навыков. Таким образом, слабые по уровню ученики могут какие-то определенные темы не понимать и будут пытаться выяснить у сильных уче-

ников то, что им непонятно. В то время как сильным ученикам выгодно, чтобы слабые ученики поняли материал, так как если все всё поймут их группа выиграет. Кроме этого, как ни странно, учащиеся могут понятнее и лучше объяснить материал друг другу, чем учитель.

К основным принципам данной технологии относятся:

- 1) группы формирует учитель из 3-5 учеников, в каждой группе находится сильный, средний и слабый ученик;
- 2) группе дается одно общее задание, перед его выполнением каждому участнику группы достается определенная роль;
- 3) учитель оценивает работу всей группы;

10) Игровая технология – этот способ может активизировать мышление учащихся, развить их таланты и раскрыть их потенциал [Полат, 2000, с. 8].

Игровые технологии хороши тем, что являются естественной формой обучения для детей. Игровые технологии делятся на несколько видов:

- 1) **подготовительные** (фонетические, орфографические, лексические и грамматические);
- 2) **творческие** (к ним относятся игры на развитие 4 видов речевой деятельности).

Также игры подразделяют на другие виды: **предметные** или **лингвистические**, **сюжетно-ролевые** и **деловые**. На начальном этапе обучения младших школьников используются предметные игры, т.к. на данном этапе начинают формироваться языковые навыки. Благодаря предметным играм происходит увеличение словарного запаса, овладение грамматическими и фонетическими навыками. В младшем школьном возрасте происходит постепенная смена ведущей деятельности, переход от игровой деятельности к учебной. При этом игра еще сохраняет свою главную роль. На среднем этапе обучения школьников используются сюжетно-ролевые игры. **Ролевая игра** – это игровая деятельность, в процессе которой учащиеся играют определённые роли, для них это театральное выступление. Сам процесс обучения дети не всегда осознают во время ролевых игр, для них это способ весело провести время. На старшем этапе обучения школьников применяются более усложненные игры – деловые игры. Деловые игры похожи по правилам проведения на ролевые, но там уже используются деловые фразы и выражения между людьми.

Игра способна сформировать у учеников интерес к дальнейшему изучению иностранного языка, а также появляется уверенность в своих силах и преодоление языкового барьера. Использование на уроках игровых техноло-

гий способствует активизации творческой и познавательной деятельности учеников, развивает их мышление, память, не дает заскучать на уроке иностранного языка. Игры развивают логическое мышление и внимание. Игра также может помочь ученику вспомнить пройденный материал.

Положительные качества использования игровых методов:

1. Игры позволяют общаться на иностранном языке с учителем и одноклассниками.
2. Игры позволяют сформировать фразы и выражения, которые состоят из легких грамматических конструкций.
3. Игры развивают личность школьников и их потенциал.
4. Игры развивают мышление школьников.
5. Игры способствуют развитию иноязычной речи.

11) Технология развития критического мышления позволяет развить мышление, при котором ученики смогут корректно отбирать информацию для решения поставленной задачи.

Данная технология позволяет ученикам всех уровней развивать свои таланты и добиться успеха.

Важно отметить, что в процессе использования данной технологии овладение новыми знаниями начинается с создания условий, которые формируют потребность получить решение конкретной задачи.

Технология развития критического мышления включает в себя несколько стадий, представленных ниже:

1) Первая стадия – вызов. Эта стадия позволяет актуализировать и обобщить имеющиеся у учащихся знания по данной теме или проблеме; вызвать устойчивый интерес к изучаемой теме и смотивировать ученика к процессу обучения.

2) Вторая стадия – осмысление. Эта стадия позволяет учащимся получить новую информацию, проанализировать ее и сравнить с уже имеющимися знаниями.

3) Третья стадия – рефлексия. В этой стадии важным является: целостное осмысление, обобщение и анализ полученной информации, формирование у каждого из учеников собственного отношения к изучаемому материалу.

Компоненты новизны, кроме философских мыслей, присутствуют в методических приемах, которые ориентируются на формирование условий для свободного развития каждой индивидуальности. На каждой из стадий урока используются конкретные методы преподавания.

12) Технология проблемного обучения.

Такая технология обозначает обучение, на котором ученики самостоятельно решают проблемы и ищут ответы на свои вопросы. Благодаря технологии проблемного обучения ученики могут развить в себе самостоятельное мышление, что очень важно в обучении иностранным языкам.

Существуют три формы данного обучения:

- 1) метод проблемного изложения, когда учитель сам выражает проблему и подсказывает как решить ее;
- 2) частично-поисковый метод (совместное обучение), на котором учитель выражает проблему, а решение выявляют совместно с учащимися;
- 3) исследовательский метод, при котором учащиеся сами ставят проблему и сами же находят ее решение.

13) Здоровьесберегающие технологии.

В наше время принято сохранять и укреплять здоровье учеников во время уроков во избежание усталости и переутомления учащихся следует обращать внимание на следующие правила:

- 1) ученики должны укладываться в темп урока;
- 2) подача материала происходит наиболее доступным способом, то есть ученикам все детально объясняют;
- 3) разноуровневые задания и небольшой объем нагрузки;
- 4) смена 4 видов деятельности;
- 5) физкультминутки для снятия напряжения

Таким образом, перечисленные выше современные технологии обучения, развивают коммуникативные способности учащихся, их мышление, их творческие способности. Эти технологии способны повысить мотивацию учащихся к изучению иностранного языка.

Процесс обучения иностранному языку может включать аспекты, представленные ниже:

1) Обучение фонетике. Правильное произношение играет важную роль в изучении иностранного языка. Основные принципы, которые заложил педагог на начальной этапе обучения, станут отличной базой для последующего успешного изучения иностранного языка. При обучении фонетике большую помощь могут оказать различные фонетические игры.

2) Обучение аудированию. Процесс понимания иноязычную речь на иностранном языке играет главную роль в обучении иностранного языка. Для учащихся будет очень интересно увидеть и услышать иностранного ученика, и главное, понимать, что он говорит. В развитии слуховых навыков могут помочь различные аудио материалы, которые можно найти в Интернете.

3) Обучение говорению. Одна из проблем в обучении иностранному языку – неумение выразить свои мысли на иностранном языке. На уроке необходимо создать коммуникативную ситуацию. При помощи компьютера мы можем создать такую ситуацию – общение через определенную программу, звонки. Используя различные оборудования, ученики могут общаться и чувствовать себя комфортно.

4) Обучение лексике. Увеличение словарного запаса – способствует успешному общению на иностранном языке.

5) Обучение письму. Важно также уметь выражать свои мысли письменно. Ученики должны знать, как писать сочинения, письма, эссе. При помощи компьютеров учащиеся могут писать письма друзьям в любую страну. Таким образом, у учащихся есть мотивация, и они захотят изучать иностранный язык, чтобы общаться и понимать своих друзей.

6) Обучение грамматике [Гальскова, 2013, с. 3].

Таким образом, несмотря на всю важность компьютера, нельзя отрицать роль преподавателя. Он был и остается главным субъектом на уроке. И его работа будет намного облегчена при использовании компьютера.

Литература

Бим И.Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе. Проблемы и перспективы. М.: Просвещение, 1988. 324 с.

Гальскова Н.Д. К проблеме содержания обучения иностранным языкам на современном этапе развития школы // Иностранные языки в школе. 2013. № 3. С. 31–35.

Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2000. № 2. С. 3–10.

References

Bim I.L. Theory and practice of teaching a foreign language in secondary school. Moscow, 1988. 324 p.

Galskova N.D. On the problem of the content of teaching foreign languages at the present stage of school development // Foreign languages at school. 2013. No. 3. Pp. 31–35.

Polat E.S. The method of projects in foreign language lessons. Moscow, 2000.

ОБСЦЕННАЯ ЛЕКСИКА В ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье представлены теоретические подходы и точки зрения на феномен обсценная (ненормативная) лексика в среде современных подростков и молодежи. Отмечается, что употребление подростками и молодежью сленгов тесно связано с особенностями возраста. Для подросткового и молодежного возраста характерны несколько поведенческих реакций: группирование, эмансипация и оппозиции, имитации и подражания, компенсации, увлечения, дефицит литературного словарного запаса, стремлением к разнообразию и др.

Ключевые слова: подростково-молодежная среда, обсценная лексика, понятие, феноменология, основные факторы и функции.

Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy Yu.A. Kleyberg (Tver)

OBSCENE VOCABULARY IN THE TEENAGE AND YOUTH ENVIRONMENT

Annotation. The article presents theoretical approaches and points of view on the phenomenon of obscene (profanity) vocabulary among modern adolescents and youth. It is noted that the use of slang by adolescents and young people is closely related to the characteristics of age. Adolescence and youth are characterized by several behavioral reactions: grouping, emancipation and opposition, imitation and imitation, compensation, hobbies, lack of literary vocabulary, desire for diversity, etc.

Key words: adolescent and youth environment, obscene vocabulary, concept, phenomenology, main factors and functions.

В эпоху постмодернизма и имманентной социальной турбулентности в российском обществе четко обозначилась тенденция толерантного отношения общественного сознания к насаждению и распространению в повседневной речевой коммуникации и в коммуникативном поведении в целом к ненормативной лексике, что, безусловно, нарушает нормы не только общественной морали, но и закона. При этом вербальные нормы социальной группы, субкультуры существенно не согласуются, расходятся с нормами

литературного языка, упрощая, трансформируя и вульгаризируя язык, обесценивая его.

Обсценная или ненормативная лексика (нецензурные выражения, непечатная брань) – от англ. Obscene (непристойный, грязный, бесстыдный), которое, в свою очередь, восходит к лат. obscenus (отвратительный, непристойный, неприличный) – сегмент бранной лексики, включающий грубейшие (похабные, непристойно мерзкие, вульгарные) бранные выражения, часто выражающие спонтанную речевую реакцию на неожиданную (обычно неприятную) ситуацию [Клейберг, 2021, с. 77, 79]. Лингвисты разделяют понятия **ненормативная лексика** и **табуированная лексика** от ненормативной лексики. Ненормативная лексика является лишь одним из видов этих двух лингвистических феноменов. Одной из разновидностей ненормативной лексики в *русском языке* является русский мат [Ненормативная лексика..., электронный ресурс, 18.07.2022].

Русский мат представляет собой очень занятный феномен. Появление ненормативной лексики исследователи языка связывают с древними ритуалами земледельческих и сексуально-репродуктивных обрядов, которые сохранились затем в фольклорных формах, частушках и прибаутках.

Практически все специалисты по языку отмечают свойство высокой эмоциональной заряженности нецензурных слов. Есть даже исследования, проведенные на раненых военных, которые доказали, что такая форма речи помогает снять стрессо-болевой синдром, то есть действительно дает обезболивающий эффект.

В силу этого свойства мат, как правило, используется по ситуации, в напряженных и угрожающих моментах.

Есть еще одно свойство мата, его применяют в закрытых сообществах людей одной профессии в качестве некоего кода принадлежности к группе или кода определенных действий.

До 1980-х гг., по мнению многих ученых (А.Н. Баранов, К.А. Гришева, М.В. Кондратей, В.В. Ткаченко, 2014; А.И. Давлетова, Л.П. Федоренко, 2012; М.М. Козырева, 2015; Т.С. Киенко, 2016; Т. Кудашева, 2009 и др.), ненормативная лексика находилась на периферии русской речевой коммуникации, преимущественно в ее устной сфере; отдельные элементы эпизодически попадали в тексты художественных произведений, на экраны детективных и молодежных фильмов, в прессу, в авторскую песню. В современной культуре границы и состав ненормативной лексики размыты: она проникает в сферу общения как повседневная практика, упрощенная и облегченная альтернатива литературного языка; из устной неформальной сферы переходит в официальную сферу массовой коммуникации или публичного выступления;

уходит ее привычная негативная оценка; ненормативная лексика перестала быть табуированной в СМИ, в политических дискуссиях, на страницах художественной литературы, в драматургии и театральных спектаклях. Широкое распространение ненормированной русской речи, особенно публичной, представляет опасность для литературного языка, современной культуры и норм морали – таково официальное мнение. Существует и альтернативная позиция: различные формы ненормативной лексики, в том числе мат, являются отражением и характеристикой богатства русского языка и ничего дисфункционального в их распространении нет [Киенко, 2016, с. 124–133].

Термин «ненормативная лексика» понимается как нарушение культурных и социальных (нелитературных) норм. Наряду с термином «ненормативная лексика» широко используются понятия – бранная, обценная, инвективная лексика и фразеология; в законодательной практике применяется понятие «нецензурная брань» [Дурному учат бесы..., 1998]. Данную группу слов и выражений разные источники определяют, как непристойную, распутную, безнравственную лексику, непечатную брань, нецензурные выражения, сквернословие, срамословие.

Терминологически стройной классификации, данной группы категорий нет: обценная лексика (непристойная) определяется как сегмент бранной лексики; бранная и обценная лексика понимаются как взаимно пересекающиеся, хотя и не полностью идентичные: «не все бранное обценно и, наоборот, не все обценное – бранно». Характерной чертой инвективной лексики является намерение унижить, оскорбить, то есть данный термин нельзя использовать как синоним обценной лексики или как родовой для всей группы бранных слов; классификация инвективной лексики и фразеологии литературного языка предложена в книге «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации» [Понятие чести и достоинства..., 1997, с. 50–73].

Разновидностями ненормативной лексики являются нецензурная брань (мат), инвективы и прочие оскорбительные выражения, не являющиеся матерными и значительно менее табуированные, но тоже считающиеся «неприличными». Получены данные, указывающие, что в общественном сознании жителей провинциального города ненормативная лексика понимается именно как нецензурная брань, мат. Таким образом, отечественное правовое поле отвечает реалиям социальной практики (государство и общество в этом вопросе «говорят на одном языке»), а литературные инвективы в повседневной жизни не относят к асоциальным («ненормативным») категориям. Этот факт позволяет отнести нецензурную брань к очевидному, солидарно признаваемому большинством речевому проявлению ненорма-

тивности (девиантности, асоциальности, табуированности), определить, как речевой социальный феномен первой степени ненормативности. Условно прочие агрессивные инвективы (оскорбления) с явным и неявным выражением насилия можно отнести к группе второй степени ненормативности, бранные слова неинвективного характера – к третьей, прочие обценные выражения, жаргонизмы, диалектизмы и неагрессивные литературные инвективы – к четвертой.

С точки зрения психологии девиантного поведения, ненормативная лексика рассматривается как специфическая форма девиации, в отношении которой применяются формальные и неформальные санкции (осуждение, игнорирование, одобрение). Ненормативная лексика отклоняется от норм традиционной, доминирующей культуры, осуждается общепринятой моралью.

На фоне тенденций снижения социального контроля и самоконтроля расширяются границы социальной дозволенности и сужаются (или исчезают во все) границы социальной дистанции употребления ненормативной лексики; круг «пользователей» молодеет; углубляется расхождение между формальным запретом и неформальным разрешением ненормативной лексики, наблюдается микширование нормативности и ненормативности, легитимности и нелегитимности. В таких условиях индифферентность государства, социальных институтов, культурных элит и неформального социального контроля к процессам социализации и маркировки социальных границ ненормативной лексики может привести к усугублению безнормности, ценностной аномии в социальном среде и к разрушению языкового ядра, непосредственно связанных с социальной идентификацией субъекта, его Я-концепцией. Возможно, обоснованное «корректное сопровождение» позволит вернуть ненормативной лексике ее заслуженное место «исключительного случая для подходящих контекстов», рационально-взвешенного, рефлексивного, социально уместного, «культурного» употребления [Киенко, 2016].

Однако, следует констатировать, что отечественная гуманитарная наука, в том числе и современная, до сих пор не выработала сколь-нибудь вразумительной и, главное, общепринятой концепции происхождения ненормативной лексики.

Хотя, как утверждают некоторые историки, филологи-лингвисты, русская ненормативная лексика, русский мат, воровской жаргон имеют тюркские корни. И ярким примером тому является бессмертный труд «Слово о полку Игореве», в котором имеется большое количество явных и скрытых тюркизмов. Кроме того, благодаря исследованиям российского филолога-арабиста Н.Н. Вашкевича, выявилась также и существенная арабская составляющая русского лексикона. Так, русское слово «*мат*», по Вашкевичу, вос-

ходит к арабскому «*маттат*», которое буквально означает «сильно ругать» [Вишкевич, 1994].

Но, как бы там ни было, ненормативная лексика прочно вошла в нашу жизнь. Большинство граждан России не представляют свою речь без нецензурного выражения. Даже нашлись специалисты, которые смогли подсчитать, сколько раз в жизни человек прибегает к помощи слов, относящихся к ненормативной лексике. Оказывается, в течение своей жизни каждый из нас употребляет ругательное слово около 230 тысяч раз. Хотя, судя по результатам проведенных опросов, 29% населения страны вообще не ругается нецензурными словами. При этом, по данным Фонда общественного мнения от 2012 г.: 70% из них прибегают к помощи ненормативной лексики весьма регулярно [Гришева, Кондратей, Ткаченко, 2014, с. 654–658].

По мнению некоторых ученых и нашему мнению, основными социальными и психологическими факторами, определяющими развитие и распространение ненормативной лексики, являются следующие:

- 1) Свобода слова;
- 2) Отмена цензуры в СМИ, арт-сообществе, шоу-бизнесе и др.;
- 3) Нестабильность в социальном и экономическом положении страны;

4) IT-индустрия и нанотехнологии, доминирующее значение Интернет пространства, в результате чего теряется личностная идентичность и нарастают неопределенность, одиночество, исключенность, преступность, коррупционность, цинизм, тотальная ложь, социальная незащищенность граждан и др.

5). Культурная дезинтеграция: интенсивные модернизационные процессы, некритичное заимствование извне и насильственное внедрение экономических, политических и культурных моделей, разрушение базовых ценностей христианской культуры и экспансия нетрадиционных религий, манипулирование с помощью СМИ общественным сознанием, целенаправленное навязывание асоциальных и противоправных эталонов поведения и стилей жизни, проявляющееся в низком уровне цивилизованности, в упадке трудовой этики, растущей жестокости и агрессивности.

Отношение к ненормативной лексике среди российских граждан всегда было неоднозначным. Так, одни считают, что ненормативная лексика засоряет и обедняет речь, уже не говоря о том, что дурно влияет на нравы, демонстрирует общее падение морали и нравственности. Другие же уверены, что ругань помогает сбросить негативные эмоции, «выпустить пар» и т.д. Судя по результатам исследования, изредка вставляют в свою речь нецензурные слова 48% россиян. 14% опрошенных считает, что нецензурная брань — это отличный способ снять напряжение и достучаться до некоторых лю-

дей. 60% опрошенных старшеклассников считают, что применение ненормативной лексики допустимо в кругу друзей. Однако, более половины опрошенных (56%) относится отрицательно к употреблению ненормативной лексики вообще, 44% из которых составляют девушки [Гришева, Кондратей, Ткаченко, 2014].

В целом русское общество всегда осуждало нецензурную брань. Так, во времена царя Алексея Михайловича (XVII в.) услышать на улице нецензурное выражение было почти невозможно. Это объясняется, прежде всего, политикой, проводимой государством. В Соборном Уложении 1649 г. подчеркивается недопустимость сквернословия. Во времена правления Петра I грубая брань выплеснулась из кабаков на улицы городов. В наше время государство своими методами пока безуспешно борется за чистоту языка. Нелишне вспомнить, что статья 130 «Оскорбление» Уголовного Кодекса РФ гласит: «1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, – наказывается штрафом в размере до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до одного месяца, либо обязательными работами на срок до 120 часов, либо исправительными работами на срок до 6 месяцев. 2. Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся в произведении или средствах массовой информации, – наказывается штрафом в размере до 200 минимальных размеров заработной платы или иного дохода, осужденного за период до двух месяцев, либо обязательными работами на срок до 180 часов, либо исправительными работами на срок до 1 года». Часть 1 статьи 20 Кодекса РФ «Об административных правонарушениях» предусматривает следующее наказание за нецензурную брань в общественных местах: штраф в размере от 5 до 15 минимальных размеров оплаты труда или административный арест на срок до 15 суток [Кодекс РФ..., 2001].

Чаще всего употребляют бранные слова современные подростки и молодежь.

Данные многолетних исследований российского биолога П.П. Гаряева позволили доказать, что наш генный аппарат (молекулы ДНК) есть ни что иное как длинный ряд слов, осмысленный текст, являющийся речью нашего Творца, Создателя Вселенной. Таким образом, ученый подтверждает истинность Евангелия, что «вначале было Слово, и Слово было у Бога». Так что не удивительно, что сквернословие наносит вред не только духовному, но и физическому здоровью человека. При помощи словесных мыслеобразов человек созидает или разрушает свой наследственный аппарат [Гаряев, 1994].

Другой исследователь Г. Чеурин, руководитель Екатеринбургского центра экологического выживания и безопасности, высказал гипотезу о пагубном влиянии ненормативной лексики на психофизическое состояние живых организмов. Он утверждал, что матерные слова очень активно воздействуют на организм человека, со временем губя все живое. Эту гипотезу проверяли несколько научно-исследовательских институтов. И вот что выяснилось. Зерна, поливавшиеся водой, которую ругали бранью, проросли лишь на 49%. Зато вода, над которой читали молитвы, подняла всхожесть семян до 96% [Чечурин, 18.07.2022].

По нашим данным (2021), подавляющее большинство студентов российских вузов и учащихся старших классов общеобразовательных школ (78 %) негативно относится к использованию ненормативной лексики в публичных выступлениях звезд шоу-бизнеса, в программах и материалах, рассчитанных на массовую аудиторию, считая употребление матерных выражений недопустимым проявлением распущенности. 20% опрошенных допускают употребление мата в тех случаях, когда он используется в качестве необходимого художественного и эмоционального средства. И только 2 % опрошенных выбрали ответ «мне все равно» [Клейберг, 2021, 2022].

Эти данные коррелируют с теми функциями, которые выполняет ненормативная лексика в коммуникативном общении и поведении:

- повышение эмоциональности речи;
- разрядка психологического напряжения;
- оскорбление, унижение адресата;
- демонстрация раскованности, независимости говорящего;
- демонстрация пренебрежительного отношения к системе запретов;
- демонстрация принадлежности говорящего к «своим» и т.п.

В.И. Жельвис выделяет 27 функций инвективной (ненормативной) лексики, хотя здесь наблюдается смешение первичных и вторичных функций, и это деление выглядит слишком дробным [Жельвис, 2001].

Эти данные также корреспондируют и с функциональной характеристикой школьного сленга. При этом, сам сленг часто воспринимается школьниками как игра, отход от языковых и коммуникативных норм.

Причина появления школьного сленга – желание подростков проявить свою самостоятельность, показать принадлежность к какой-либо группе. В этом проявляется функция *социальной солидарности*: использование/неиспользование сленговых единиц позволяет достаточно четко маркировать собеседников как «своих» или «чужих». Как отмечают психологи, сленг «придает эффект усиления чувства «Мы» тем, что сокращает дистанцию между общающимися через идентификацию всех членов группы общи-

ми знаками общения», при этом неважно, является ли речь подростка полностью сленговой или включает только несколько единиц. Главное, что эти слова присутствуют в группе, являясь ее достоянием, они преступают нормы обыденной этики, освобождают от нормативной пристойности и дают ощущение раскрепощения в диалоге» [Психолого-педагогическое обеспечение..., 1997, с. 367]. Поскольку жаргон при этом выступает в роли «сигнала (пароля) специфического социально-коммуникативного статуса говорящих», Е.Н. Гуц определяет эту функцию как сигнальную, отмечая, что при наличии фатической интенции именно эта функция использования жаргонизма становится доминирующей, «подавляя его номинативную и оценочную семантику» [Гуц, 2005, с. 19].

Поскольку сленг в отличие от жаргона не имеет профессиональной ограниченности (школьники – это не просто группа людей, объединенных по роду занятий, это большая социальная группа), его использование скорее указывает на определенную культурную позицию говорящего, т.е. сленг – это «явление своеобразного мироощущения» [Мудрик, 1999, с. 346], выполняющее наряду с уже названными еще и *мировоззренческую*, идеологическую функцию. При этом возникают сленговые формулы, клише, которые в афористичной форме выражают философию жизни: «Все до фени!», «А на фига?», «Рейв, движение, наркотики!».

Итак, для школьного и молодежного сленга и жаргона, как и для других социальных диалектов и для языка в целом, характерны следующие функции:

- 1) номинативная;
- 2) коммуникативная.

Обеим этим функциям присущи 3) мировоззренческая, 4) эмоционально-экспрессивная и 5) эвфемистическая «окраска». Специфичными для школьного жаргона являются 6) криптолалическая функция и 7) функция социальной солидарности.

Однако нельзя говорить о преобладании какой-то одной функции, но следует особо подчеркнуть различие функций, выполняемых школьным сленгом и школьным жаргоном.

В лексике школьного сленга представлены слова, тематически связанные со следующими сферами жизни [Береговская, 1996]: 1) сфера школы, 2) сфера досуга, 3) сфера быта, 4) сфера человека, 5) сфера оценки.

Однако, следует заметить, что употребление подростками сленгов тесно связано с особенностями подросткового возраста. Для подросткового возраста характерны несколько поведенческих реакций: группирование, эмансипация и оппозиции, имитации и подражания, компенсации, увлечения. Если

определять причины употребления сленга в зависимости от данных поведенческих подростковых реакций, то мы получаем следующее:

➤ **Группирование** – сленг как средство отделения «своих» от «посторонних» и укрепления столь ценимой в данном возрасте групповой солидарности. Благодаря знанию такого специального языка молодые чувствуют себя членами некой замкнутой общности. Сленг помогает поддерживать хорошие взаимоотношения со сверстниками.

➤ **Эмансипация** – сленг как способ свободы выражения. Подростки часто заявляют, что просто не хотят, чтобы их понимали взрослые. Сленговые названия относятся только к миру подростка, таким образом, отделяя его от всего остального, и зачастую непонятны людям других возрастных категорий.

➤ **Оппозиция** – сленг как своего рода протест против взрослого. То есть нежелание следовать правилам, придуманным взрослыми, распространяется и на речь.

➤ **Компенсации** – сленг как одна из форм самоутверждения, один из способов преодоления чувства социальной неполноценности. Такие слова позволяет им повысить свой социальный статус в группе, утвердиться как среди своих сверстников, так и в собственных глазах.

➤ **Подражание** – сленг как подражание определенному лицу, которого подросток считает значимым для себя. Поэтому в речи детей много слов из блатного лексикона, фраз из телевизионных передач и фильмов.

➤ **Увлечение** – сленг как проявление интереса к какой-либо деятельности. Определенный сленг у музыкантов, у людей, увлекающихся компьютерными играми.

➤ **Дефицит литературного словарного запаса**, чтобы выразить свою мысль.

➤ **Стремлением к разнообразию**: ведь всегда говорить правильно так скучно! Молодежь определяет сленг как озорной, вульгарный, насмешливый, «свой» язык. Жаргонная лексика привлекает молодежь оригинальностью, развязностью, раскованностью.

➤ **Стремление к краткости** – одними тем же словом они порою пытаются передать самые разные значения.

➤ **Придает эмоциональность речи** – употребляют жаргонизмы, потому что не видят образности в лексике литературного языка, сиюминутное конкретное эмоциональное отношение им легче выразить с помощью жаргонизмов [Клейберг, 2022].

Таким образом, за годы разрушения образования, получившего официальное название – «реформы»:

1) разрушена высококачественная научная и методическая система изучения словесности;

2) повреждены и во многом уничтожены плодотворные методы традиционного научно и педагогически обоснованного обучения грамоте;

3) недопустимо обеднено содержание осваиваемой лексики, необходимой для нормальной жизнедеятельности и здорового языкового мироощущения;

4) губительно сокращено количество текстов классики, на которых только и можно утвердить знание литературного языка;

5) выведена за рамки изучения языка коренная задача – овладение ясным и точным смыслом слов, оттенками их значений; практически отсутствуют как жанр уроки по развитию речи;

6) изъята, а затем фактически заменена суррогатом основная форма обучения письменной речи – сочинение;

7) пагубно деформирована направленность обучения: значительно сужена сфера получаемых знаний; систематическое изучение предмета подменено формированием механических навыков для выполнения типовых заданий по предлагаемым моделям;

8) совершенно неосновательно и поистине вредительски сокращено количество часов по русскому языку и литературе;

9) старые учебники и пособия заменены новыми, не выдерживающими критики ни с научной, ни с методической стороны, но активно внедряемыми через систему официального механизма разного рода «надежных» рецензентов, весьма часто не исполняющих своих прямых обязанностей на должном уровне;

10) никак не учитывается современное состояние языковой и культурной среды, испытавшей в последние 40 лет катастрофические изменения. СМИ и современная реклама весьма часто отучают от грамотной речи. Ибо несут ложь посредством: искажения и подмены смысла слов, неточного толкования их смысла, через «опустошение» смысла слов, изменение истинного значения слов, через ложное их.

Брань, сквернословие – явный признак недопустимого невежества как школьников, так и учителей. Они – не просто оскорбительны и недопустимы, но и пагубны, наносят реальный вред не только духовному миру произносящего и окружающих, но их «материальной сущности». Все без исключения учителя (а учитель-словесник – в особенности) обязаны растолковать все это. Ученики должны знать об исследованиях волнового генома речи нашего соотечественника П.П. Горяева [Горяев, 1994], должны отдавать себе отчет, что озвучивание «плохих» слов разрушает биополе человека, значи-

тельно увеличивая возможность негативного воздействия на организм внешней среды и даже вызывает генные мутации, способствующие вырождению. Дети должны слышать от взрослых то, что духовный вред публичной нецензурной речи значительно превосходит многие известные негативные воздействия на личность. Ибо, говоря словами Ф.Я. Шипунова, «слово ли произнесенное или событие, запечатлевается во всех точках Вселенной и навсегда». Массовое сквернословие – мощное средство подрыва духовных сил народа и культуры, неизбежно разрушительно отзывается на его судьбе. Кстати, иногда наглядно – и на судьбе самого сквернослова. Пример тому – судьба талантливого поэта И. Баркова, расточавшего свой дар на скабрёзную поэзию, с символическим концом: «в пьяном угаре падение в выгребную яму с последующим захлебыванием нечистотами» [Тихон (Иршенко), 2009].

Однако, ссылаясь на многие мнения, следует констатировать, сегодня школьные программы по литературе не просто ущербны, они неграмотны: лишены основополагающих литературоведческих понятий, должным образом не связаны с отечественной историей и историей русской литературы, не учитывают многих важнейших историко-литературных явлений и т.д. Количество часов, отводимых на литературу, вредительски сокращено. Кроме того, в программы внесен материал, снижающий их содержательный и художественный уровень. И многое другое. Да к тому же, школьный учитель перестал быть воспитателем. Многими учителями не усвоена аксиома: *учитель, не воспитавший в своих учениках чувства слова, уважение, к слову, благоговения перед ним, не сумевший подвести к мысли о сущности слова – такой учитель не выполнил своей основной миссии.*

Литература

Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3.

Вашкевич Н.Н. За семью печатями. М.: Изд-во ДЕКА, 1994.

Гаряев П.П. Волновой геном: монография. М.: Общественная польза, 1994. 280 с.

Гришева К.А., Кондратей М.В., Ткаченко В.В. Ненормативная лексика, основные факторы ее употребления // Молодой ученый. 2014. № 6. С. 654–658.

Гуц Е.Н. Репрезентация образов сознания подростка некодифицированными языковыми знаками: психолингвистический аспект: автореф. ... до-ра филол. наук. Омск, 2005. 19 с.

Дурному учат бесы: Пьянство, курение, сквернословие... М.: Русский Хронограф, 1998.

Жельвис В.И. Поле брани. М.: Ладомир, 2001. 349 с.

Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022. 418 с.

Клейберг Ю.А. Словарь девиантолога: учебно-методическое пособие. 3-е изд., доп. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2021. 171 с.

Киенко Т.С. Ненормативная лексика как социальный феномен (анализ опроса жителей провинциального российского города) // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 124–133.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ, 2001: ст. 20.1.

Мудрик А.В. Социальная педагогика. М.: Издательский центр «Академия», 1999.

Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средствах массовой информации / В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин; отв. ред.: А.К. Симонов; науч. ред. А.Р. Ратинов. М.: Права человека, 1997.

Психолого-педагогическое обеспечение коррекционно-развивающей работы в школе: учебное пособие. М.: НМЦ «ДАР» им. Л.С.Выготского, 1997. Кн. 1.

Тихон (Иршенко) иеромонах. Причины девиантного поведения человека в свете православного учения о смысле и цели жизни. 2-е изд., испр. и доп. Владивосток, 2009.

Чеурин Г. Здоровье: Оружие массового поражения: Ненормативная лексика. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/yulija555/post123342761/> (дата обращения: 18.04.2019).

Ненормативная лексика. URL: http://cyclowiki.org/wiki/Ненормативная_лексика. (дата обращения: 18.04.2019).

References

Beregovskaya, E.M. Molodezhnyy sleng: formirovaniye i funktsionirovaniye // Voprosy yazykoznaneya. [Youth slang: formation and functioning] // Questions of linguistics. 1996. No. 3.

Vashkevich, N.N. Za sem'yu pechatyami. [For seven seals]. Moscow: Publishing house DEKA, 1994.

Garyaev P.P. Volnovoy genom: monografiya. [Wave genome: monograph]. Moscow: Public benefit, 1994. 280 p.

Grisheva, K.A., Kondratei, M.V., Tkachenko, V.V. Nenormativnaya leksika, osnovnyye faktory yeye upotrebleniya // Molodoy uchenyy. [Profanity, the main factors of its use] // Young scientist. 2014. №6. S. 654–658.

Guts, E.N. Reprezentatsiya obrazov soznaniya podrostka nekodifitsirovannymi yazykovymi znakami: psikholingvisticheskiy aspekt: avtoref. ... doktora filologicheskikh nauk. [Representation of images of consciousness of a teenager by non-codified linguistic signs: psycholinguistic aspect: author. ... Doctor of Philology]. - Omsk, 2005. 19 s.

Durnomu uchat besy: P'yanstvo, kurenije, skvernosloviye... [Demons teach evil: Drunkenness, smoking, foul language ...] – Moscow: Russian Chronograph, 1998.

Zhelvis, V.I. Pole brani. [Battlefield]. Moscow: Ladomir, 2001. 349 p.

Kleyberg, Yu.A. Osnovy psikhologii deviantnogo povedeniya. Monografiya. 2-ye izd., pererab. i dop. [Fundamentals of the psychology of deviant behavior. Monograph. - 2nd ed., revised. and additional]. Moscow, 2022. 418 p.

Kleyberg, Yu.A. Slovar' deviantologa: uchebno-metodicheskoye posobiye. 3-ye izd., dop. [Dictionary of a deviantologist: a teaching aid. 3rd ed., add]. Tver: Tver. State un-t, 2021. 171 p.

Kienko, T.S. Nenormativnaya leksika kak sotsial'nyy fenomen (analiz oprosa zhiteley provintsial'nogo rossiyskogo goroda) // Sotsiologicheskkiye issledovaniya. [Profanity as a social phenomenon (analysis of a survey of residents of a provincial Russian city)] // Sociological research. 2016 №5. S.124–133.

Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses] dated December 30, 2001 No. 195-FZ, 2001: art. 20.1.

Mudrik, A.V. Sotsial'naya pedagogika. [Social Pedagogy]. Moscow, 1999.

Ponyatiya chesti i dostoinstva, oskorbleniya i nenormativnosti v tekstakh prava i sredstvakh massovoy informatsii [Concepts of honor and dignity, insult and non-normativeness in texts of law and mass media] / Bazylev V.N., Belchikov Yu.A., Leontiev A.A., Sorokin Yu.A.; resp. editor: A.K. Simonov; scientific Ed.: A.R. Ratinov. Moscow: Human rights, 1997.

Psikhologo-pedagogicheskoye obespecheniye korrektsionno-razvivayushchey raboty v shkole: Uchebnoye posobiye. [Psychological and pedagogical support of correctional and developmental work at school: Textbook]. Moscow NMTs "DAR" them. L.S. Vygotsky, 1997. Book one.

Tikhon (Irshenko), hieromonk. Prichiny deviantnogo povedeniya cheloveka v svete pravoslavnnogo ucheniya o smysle i tseli zhizni. 2-ye izd., ispr. i dop. [Causes of deviant human behavior in the light of the Orthodox teaching about the meaning and purpose of life. 2nd ed., corrected. and additional]. Vladivostok, 2009.

Cheurin, G. Zdorov'ye: Oruzhiye massovogo porazheniya: Nenormativnaya leksika. [Health: Weapons of Mass Destruction: Profanity]. [Electronic resource]. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/yulija555/post123342761/> (date of access: 04/18/2021).

Nenormativnaya leksika. [Profanity]. [Electronic resource]. URL: <http://cyclowiki.org/wiki/Profanity>. (date of access: 04/18/2021).

*Канд. филол. наук И.В. Кузьмич (Санкт-Петербург)
irinakuzmich@inbox.ru*

ЧУЖОЙ И БЫСТРЫЙ: К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НАСТОЛЬНЫХ РОЛЕВЫХ ИГР

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы перевода на русский язык настольных ролевых игр, которые требуют комплексного подхода с учётом как нормативных правил, так и традиционных предпочтений пользователей.

Ключевые слова: англицизм, глоссарий, транскрипция, транслитерация, настольная ролевая игра (НРИ).

Candidate of Philological Sciences Irina V. Kuzmich (Saint-Petersburg)
QUICK AND ALIEN: ON TABLETOP ROLE-PLAY GAMES
TRANSLATION

Abstract. The article deals with tabletop role-play games translation into the Russian language, which requires considering both the Russian language standards and users preferences.

Key words: anglicisme, glossary, tabletop role-play games, transcription, transliteration.

Перевод настольных ролевых игр (далее – НРИ) в России нельзя назвать новым направлением, он развивается с момента появления таких игр на нашем рынке (90-е гг. XX века) однако он практически не упоминается как отдельный раздел перевода в отечественных пособиях по переводоведению. Оживленные дискуссии ведутся на специализированных сайтах любителей НРИ, где часто обсуждаются не вопросы перевода, а тематика и тактика игр, новинки рынка и проблемы организации самих игр.

Проблема перевода на этих сайтах решаются очень просто – она даже не поднимается, и описание какой-либо игры представляет собой, как правило,

оформленный в соответствии с грамматическими нормами русского языка текст, лексической составляющей которого является понятный для «посвящённых» комплекс транскрибированных/транслитерированных слов-терминов и англоязычных вкраплений, например, «В общем и целом, это pulp-жанр. Есть уже готовые миры и кампании: морозное фэнтези Hellfrost, мистический Дикий Запад Deadlands..., созданный российскими разработчиками» [Geekster]. С точки зрения прагматической коммуникации это понятно и вполне приемлемо, поскольку наше языковое сознание очень открыто и лояльно по отношению к англоязычным технологическим, научным и культурным реалиям.

Однако если речь идет об официальной публикации перевода НРИ, то обнаруживается отсутствие какой-либо методической информации для стандартизации перевода и подготовки переводчиков, поскольку наблюдается многообразие переводов одной и той же единицы. Например, в каждой НРИ присутствует ведущий, в разных игровых системах называемый по-своему: гейммастер, мастер подземелий, рефери, сторителлер и так далее. В данном случае мы имеем дело с искусственной избыточностью, которая может являться как следствием непрофессионализма переводчика, так и его желанием расставить экспрессивные или эмоциональные акценты, что сближает такие тексты со сленгом, который характеризуется новизной и «свежестью» звучания.

Маловероятно, что переводчики незнакомы со словарными соответствиями слов *dwarf* «гоблин, гном; карлик» и *gnome* «гном (карлик, охраняющий подземные сокровища)» [АВВУ Lingvo]. Тем не менее, перевод этих слов часто становится предметом дискуссий среди переводчиков НРИ, поскольку в опубликованных переводах разных игр и произведений жанра «фэнтези» они не только взаимозаменяются, но к ним ещё добавляются *дворфы* (транскрипция) и *дварфы* (транслитерация). Ситуация осложняется еще и тем, что в разных системах НРИ и произведениях «фэнтези» характеристики персонажей, обозначаемых как *dwarf* или *gnome* значительно отличаются.

Первые НРИ в России переводились непрофессиональными переводчиками в силу комплекса причин экономического, политического и культурного свойства. Зачастую такие переводчики были поклонниками НРИ, неплохо владели разговорным английским языком, но не задумывались о соблюдении норм русского языка при переводе. Соответственно, терминология НРИ пришла в русский язык преимущественно из английского языка в неадаптированном виде. Нередко качеством перевода жертвовали в пользу скорости. Образно говоря, тест получался «быстрый и чужой». В аннотации к НРИ «Дневник авантюриста» (*Savage Worlds*) отмечается, что авторы игры исхо-

дили из принципа «Быстро! Весело! Брутально!» – то есть правила должны быть как можно проще, вхождение в игру быстрым, а сам процесс – максимально динамичным и веселым [Geekster]. Это – игра, и обилие «экзотизмов» только добавляет живости и энергии. Все вышесказанное может объяснить появление огромного количества жаргонных терминов, англицизмов, которые благодаря тиражированию любительских переводов стали широкоупотребительными, и до сих пор поддерживаются игроками ради единообразия, а попытки издательств заменить привычные игрокам англицизмы полноценными русскими словами нередко встречают критику и неодобрение.

Специалисты-лингвисты высказывают разные мнения по вопросу иноязычных заимствований. Многие считают их способом наполнения языкового пространства и обогащения языка лексическими единицами, отсутствующими в когнитивной базе языка-реципиента. [Дьяков, 2003; Горошко, Труфанова, 2014; Лисицына, 2014]. Другие считают, что чрезмерное и неуместное употребление заимствований недопустимо, что нужно заниматься просветительской работой по воспитанию хорошего «языкового вкуса» для правильного использования как своих, так и иноязычных языковых средств [Крысин, 2002].

Помимо проблемы терминологии возникает вопрос о собственно жанре НРИ. Главный редактор издательства НРИ «Студия 101» А. Гастева определяет жанр НРИ как соединение художественного и технического текста [Гастева, 2017, с. 82]. С одной стороны, в текстах НРИ присутствуют своя терминология и правила, перевод которых подразумевает однозначность. С другой стороны, в книгах НРИ есть описания сюжетов игр, которые имеют все характеристики художественного текста: «Много сотен лет тому назад среди пыльных пустошей Дабарана, в городе Йегенне жил могущественный эмир, добрый и справедливый правитель, который всемерно заботился о богатстве земель и благополучии своих подданных» [Хёренстам и др., 2017, с. 48]. В связи с этим одной из основных сложностей в работе переводчиков НРИ является необходимость комплексного подхода к переводу, переводчик должен обладать навыками перевода как технического, так и художественного текста.

При учете глоссария конкретного проекта и норм русского языка можно всегда найти правильные переводческие решения. Соблюдение единства терминологии для всех НРИ не представляется необходимым, поскольку в силу традиций того или иного проекта многие игроки и, соответственно, переводчики будут отстаивать привычные и знакомые термины. Основной задачей должно быть соблюдение баланса между технической составляющей и эстетикой художественной части НРИ.

Литература

Гастева А. ПРОМТ устал. 2-е изд. СПб.: Студия 101, 2017. 84 с.

Горошко О.Н., Труфанова В.П. Заимствование англицизмов в современном русском языке // Наука и современность. 2014. № 29. С. 221–226.

Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. 2003. № 3. С. 35–43.

Крысин Л.П. О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир. Пермь, 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm> (дата обращения: 15.08.2022).

Лисицына С.Г. Заимствование англицизмов в русском языке // Молодой ученый. 2014. № 1. С. 674–675.

Хёренстам Т., Костулас К., Гренет К. Ключ на старт / пер. на англ. яз. Перссон Т., пер. на рус. яз. Смыков К. СПб.: Студия 101, 2017. 64 с.

АВВУУ Lingvo x6 (Электронный словарь)

Geekster. URL: <https://geekster.ru/top10/top-7-nastolnyh-rolevyh-igr/> (дата обращения 15.08.2022)

References

АВВУУ Lingvo x6 (Online dictionary)

Dyakov, A. I. Prichiny Intensivnogo Zaimstvovaniya Anglitsizmov v Sovremennom Russkom Yazyke (Reasons for Active Russian Language borrowings from the English Language) // Yazyk I Kul'tura. 2003, № 3, pp. 35–43.

Gasteva, A. PROMT ustal (Prompt is tired), 2nd ed. Saint-Petersburg: Studia 101. 2017.

Geekster [Online source] URL: <https://geekster.ru/top10/top-7-nastolnyh-rolevyh-igr/> (accessed 15.08.2022)

Goroshko, O. N., Trufanova, V. P. Zaimstvovaniye Anglitsizmov v Sovremennom Russkom Yazyke (English Borrowings in Modern Russian Language) // Nauka I Sovremennost. 2014, № 29, pp. 221–226.

Härenstam, T. et al. Coriolis. The Third Horison. Quickstart. Free League, 2016. Russian translation – Smykov, K. Saint-Petersburg, Studia 101, 2017.

Krysin L. P. O Russkom Yazyke Nashikh Dney (Contemporary Russian Language) // Izmen'ayushchiys'a yazykovoy mir. Perm', 2002, [Online source]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm> (accessed 15.08.2022)

Lisitsyna S. G. Zaimstvovaniye Anglitsizmov v Russkom Yazyke (English Borrowings in Russian Language) // Molodoy ucheny. 2014, № 1, pp. 674–675.

ЯЗЫК РОБОТА (ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА)
КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ТРЕНД
В ИНКЛЮЗИВНОЙ ПРАКТИКЕ КОЛЛЕДЖА

Аннотация. Автор предлагает инновационную технологию с применением робота (искусственного интеллекта) в системе инклюзивного профессионального образования, в которой робот-тьютор является инновационным техническим средством обучения рабочей профессии детей с особенностями развития в условиях колледжа (на примере швейного дела).

Ключевые слова: инклюзивная практика, трёхсторонний педагогический процесс, искусственный интеллект, робот-тьютор, технология, мастер производственного обучения.

Candidate of Pedagogical Science Z. Kh.Shafikova (Moscow),

ROBOT LANGUAGE (ARTIFICIAL INTELLIGENCE)
AS AN INNOVATIVE TREND IN INCLUSIVE COLLEGE PRACTICE

Abstract: in this article, the author proposes an innovative technology using a robot (artificial intelligence) in the system of inclusive vocational education, in which a robot tutor is an innovative technical means of teaching a working profession to children with special needs in college conditions (on the example of sewing).

Key words: inclusive practice, tripartite pedagogical process, artificial intelligence, robot tutor, technology, master of industrial training

Как пишет А.В. Пузырёв, под языком понимается система знаков, служащая средством человеческого общения, мыслительной деятельности, способом выражения самосознания личности, а также хранения информации и передачи её от поколения к поколению» [Пузырёв, 2014, с. 109].

Другой автор отмечает, что язык формирует сознание, в нем отражается портрет этноса и отдельного человека, создает социальный портрет личности, язык может быть другом, врагом, оружием, орудием человека. Он объединяет людей и является знаком индивидуальности, выделил человека из природы, может варьироваться, но остаётся целостным в любых своих проявлениях» [Хан, 2012, с. 139].

Учёные всего мира сходятся во мнении, что на сегодняшний день всё больше в систему образования различных стран внедряется образовательная робототехника. Соответственно, в практику обучения подрастающего поколения входит выражение *язык робота, искусственный интеллект*, над которыми активно ведутся междисциплинарные научные исследования.

К примеру, в России успешно разрабатываются и внедряются инновационные технологии, созданные с использованием искусственного интеллекта в инклюзивной практике. Инклюзивное (франц. *inclusif* – включающий в себя, от лат. *include* – заключаю, включаю) или включенное образование – термин, используемый для описания процесса обучения детей с особыми потребностями в общеобразовательную среду [Ратнер, Юсупова, 2006, с. 24]

В Указе Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» с 2020 г. до 2030 г. ставится цель обеспечить развитие искусственного интеллекта в Российской Федерации, проведение научных исследований в области искусственного интеллекта, повышение доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, совершенствование системы подготовки кадров в этой области [Указ, 2019].

Известно, что «язык, на котором говорит робот (не важно, игрушка, робот-пылесос или медицинское оборудование), – это машинный код, выбор знаков двоичной системы. Он сложен и малопонятен для человека. Писать на нём программы, то есть закладывать поведение робота, иррационально. Поэтому коммуникация между роботом и человеком происходит по схеме: человек пишет программу на языке программирования, написанный текст-код программы проходит через «переводчиков»: компиляторы, интерпретаторы или трансляторы. Они преобразуют язык программирования в машинный код, понятный роботу. Общение с человеком идёт посредством голосового общения. Программа грамотно выстраивает процесс общения, считывая эмоции человека и корректируя ход разговора в зависимости от полученной реакции [Языки программирования, 2022].

Такой подход используется во всех отраслях современной науки, в том числе и в инклюзивном профессиональном образовании.

Основываясь на Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г., № 490, мы для инклюзивной практики разработали технологию с использованием искусственного интеллекта. В ней нами рассматривается процесс обучения рабочей профессии (швейному делу) ребенка с ОВЗ совместно с роботом в условиях инклюзии. Отметим некоторые особенности авторской технологии.

Основной целью разработанной технологии является применение образовательной робототехники на индивидуальных и групповых занятиях колледжа для социализации и реабилитации обучающихся с ОВЗ в процессе обучения их рабочей профессии (швейному делу) [Шафикова, 2020, с. 109].

Особенность и новизна инновационной авторской технологии заключается в том, что в педагогическом процессе обучения особенных детей важную роль играет роботометод.

Это метод с применением человекоподобного реального или виртуального робота, выполняющего те учебные, учебно-производственные задания (трудовые операции), которые не может выполнить обучающийся с инвалидностью, с нарушениями умственных или физических способностей в процессе обучения рабочей профессии в условиях инклюзивного профессионального образования» [Мунасыпов, Шафикова, 2017].

Особого внимания заслуживает педагогический процесс в условиях индивидуальной мастерской с использованием робота-тьютора, который мы представляем следующим образом: «мастер производственного обучения – робот-тьютор – ребёнок-инвалид». Таким образом, трёхсторонний процесс является новшеством в практике инклюзивного обучения [Шафикова, 2020, с. 109].

Необходимо также иметь в виду, что робот с высокой точностью повторяет и делает сложнейшие операции, поэтому мы считаем, что его необходимо внедрять в процесс обучения особенных детей с такой сложной нозологией, как синдром аутизма (РАС).

В современных исследованиях ученых указывается, что в психологии дети с расстройствами аутистического спектра делятся на три варианта:

- искажение преимущественно аффективно-эмоциональной сферы (ранний детский аутизм);
- искажение преимущественно когнитивной сферы (атипичный аутизм);
- смешанный вариант искаженного развития.

Они отмечают, что детский аутизм – это нарушение психического развития. Наиболее ярким его проявлением является нарушение развития социального взаимодействия, коммуникации с другими людьми, что не может быть объяснено просто сниженным уровнем когнитивного развития ребенка. Другая характерная особенность – стереотипность в поведении, проявляющаяся в стремлении сохранить постоянные привычные условия жизни, сопротивлении малейшим попыткам изменить что-либо в окружающем, в собственных стереотипных интересах и стереотипных действиях ребенка, в пристрастии его к одним и тем же объектам [Алёхина, Семаго, 2012, с. 9].

Всё вышесказанное, например, стереотипность в поведении, мы считаем необходимо направить на положительное решение задач в профессиональном обучении, В ходе экспериментальной работы нами было зафиксировано, что в процессе обучения рабочей профессии (швейному делу) дети данной категории допускают ряд ошибок, над которыми необходимо работать по-

стоянно. В частности, повторять по несколько раз задания данные на уроке, что ведёт к переутомлению всех участников педагогического процесса.

Большинство ошибок, которые допускаются обучающимися с ОВЗ (с синдромом аутизма) при выполнении прямых швов, прежде всего связано с неправильным обратным ходом швейной машины и её закрепкой и т. д.

В связи с вышесказанным робот-тьютор, восполняя умственные и физические возможности обучающихся с особенностями развития, способствует правильному выполнению всех швейных трудовых операций в процессе обучения, например, обратный ход швейной машины, закрепка, инструкция по намотке нитки на шпульку, заправка нижней нитки в шпульный колпачок, инструкция по заправке верхней нитки, инструкция по проведению роботом физкультурной паузы [Шафикова, 2020, с. 109].

Отсюда следует, что чёткая, ясная речь робота положительно воспринимается ребёнком-инвалидом, и он начинает правильно мыслить, а значит качественно и с желанием выполнять все трудовые операции по швейному делу.

Таким образом, использование робота в качестве тьютора в процессе инклюзивного обучения повышает качество обучения, а именно: уменьшаются ошибки при изготовлении швейных изделий, формируются навыки социального поведения, а главное меняется отношение группы здоровых сверстников к особенному ребёнку. [Шафикова, 2019, с. 94].

Сегодня многое можно решить благодаря робототехническим устройствам. Например, помочь студентам и обучающимся, в том числе с ОВЗ освоить сложные дисциплины, успешно овладеть мировыми языками и т.д. «Но если они обратились за психологической помощью в связи с плохой успеваемости, конфликтом с преподавателями, то без контакта «человек — человек» точно не обойтись. В таких случаях нужен вход в эмоциональное состояние, эмпатия со стороны специалиста, тактильное взаимодействие (взять человека за руку, обнять). Роботы пока это сделать не могут» [Афонина, 2020].

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на быстрое развитие искусственного интеллекта и использование его в области образования, ничто не заменит живое общение человека с человеком и ясно одно, что язык и мышление робота всегда должны находиться под постоянным контролем и управлением человека. Следует также дополнить, что язык потому и относится к мышлению, как общее к всеобщему, что выступает в качестве не средства, но действительности мышления: «Язык не выражает, а творит мысли, реализует их» – в том и есть его главное преимущество над языком и мышлением искусственного интеллекта [Пузырёв, 2014, с. 148].

Литература

Алехина С.В., Семаго Н.Я. Обучение детей с расстройствами аутистического спектра: методические рекомендации для педагогов и специалистов сопровождения основной школы / отв. ред. С. В. Алехина; под общ. ред. Н.Я. Семаго. М.: МГППУ, 2012. 80 с.

Афони́на Мария. Чем заменить психотерапевта: роботы, VR-приложения и боты, мониторящие настроени . URL: <https://hightech.fm/2020/10/15/psychotherap> (дата обращения: 09.08.2022)

Мунасынов Р.А., Шафико́ва З.Х. Способ реабилитации и социализации учащихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного профессионального образования. Патент на изобретение № 2632770 (в соавторстве).

Пузырёв А.В. О системном подходе: лингвистике: учебное пособие для студентов филологических специальностей. М.: ВНИИ геосистем, 2014. 520 с. (серия «Библиотека духовной культуры», вып. 47).

Ратнер Ф.А., Юсупова А.Ю. Интегрированное обучение детей с ограниченными возможностями в обществе здоровых детей. М.: Гумантар. изд. центр ВЛАДОС, 2006. 175 с.

Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения: 09.08.2022).

Хан Н.К. Языковая картина мира: проблемы индентификации и социально-языковой контактологии: материалы VI Междунар. науч. конф, Челябинск, 23–24 апр. 2012 г.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Л.А. Нефёдова: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2012. 425 с.

Шафико́ва З.Х. Концепция и технологии инклюзивного обучения рабочим профессиям лиц с ОВЗ в условиях колледжа: монография. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Перо», 2020. 158 с.

Шафико́ва З.Х. Инклюзивное обучение детей с расстройствами аутистического спектра рабочим профессиям: дидактический аспект: монография. М.: МАКС-Пресс, 2019. 148 с.

Языки программирования: на каком языке говорит робот? URL: <https://robx.org/blog/sovremennoe-obrazovanie/yazyki-programmirovaniya> (дата обращения: 09.08.2022).

References

Alyohina S.V., Semago N.Ya. Obuchenie detej s rasstrojstvami autisticheskogo spektra. Metodicheskie rekomendacii dlya pedagogov i specialistov soprovozhdeniya osnovnoj shkoly / Otv. red. S. V. Alekhina // Pod. obshch. red. N. Ya. Semago. M.: MGPPU, 2012. 80s.

Afonina Mariya. Chem zamenit' psihoterapevta: roboty, VR-prilozheniya i boty, monitoryashchie nastroeni [Elektronnyj resurs]. URL: <https://hightech.fm/2020/10/15/psychotherap> (data obrashcheniya: 09.08.2022)

Munasyrov R.A., Shafikova Z.H. Sposob rehabilitacii i socializacii uchashchihsya s invalidnost'yu i ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v usloviyah inklyuzivnogo professional'nogo obrazovaniya. Patent na izobrenie № 2632770 (v soavtorstve).

Puzyrev A.V. O sistemnom podhode: lingvistike uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh special'nostej. M.: VNIi geosistem, 2014. 520 s. (seriya «Biblioteka duhovnoj kul'tury», vyp.47).

Ratner F.A., Yusupova A.Yu. Integrirovannoe obuchenie detej s ogranichennymi vozmozhnostyami v obshchestve zdorovyh detej. -M.: Gumantar. izd. centr VLADOS, 2006 –175 s.

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10.10.2019 № 490 \ "O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii \ ". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (data obrashcheniya: 09.08.2022)

Han N.K. Yazykovaya kartina mira: problemy indentifikacii i social'no-yazykovoj kontaktologii. Materialy VI Mezhdunar. nauch. konf, Chelyabinsk, 23-24 apr.2012 g.: v 2t. T.1/otv. red. L. A . Nefyodova: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 2012, – 425 s.

Shafikova Z.H. Konceptiya i tekhnologii inklyuzivnogo obucheniya rabochim professiyam lic s OVZ v usloviyah kolledzha: monografiya. 3-e izd., ispr.i dop. Moskva: Izdatel'stvo «Pero», 2020. 158 s.

Shafikova Z.H. Inklyuzivnoe obuchenie detej s rasstrojstvami autisticheskogo spektra rabochim professiyam: didakticheskij aspekt: monografiya / Z.H. Shafikova. Moskva: MAKSPress, 2019. –148s.

Yazyki programirovaniya: na kakom yazyke govorit robot? [Elektronnyj resurs]. URL: <https://robx.org/blog/sovremennoe-obrazovanie/yazyki-programirovaniya> (data obrashcheniya: 09.08.2022)

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

*Канд. филол. наук О.Г. Мукина (Ульяновск)
mukina_o@mail.ru*

СИНЕСТЕЗИЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ ВИДЕНИЯ МИРА И ЧЕРТА ИНДИВИДУАЛЬНОГО АВТОРСКОГО СТИЛЯ П.А. ВЯЗЕМСКОГО

Аннотация: в данной статье рассматривается синестезия как лингвостилистический феномен, представляющий собой межчувственный перенос; исследуется специфика функционирования синестезия в поэзии П. Вяземского.

Ключевые слова: поэт, поэзия, синестезия, индивидуальный авторский стиль.

Candidate of Philology O.G. Mukina (Ulyanovsk)

SYNESTHESIA AS A FEATURE OF VISION OF THE WORLD AND A FEATURE OF INDIVIDUAL AUTHOR'S STYLE P.A. VYAZEMSKY

Abstract: in this article, synesthesia is considered as a linguo-stylistic phenomenon, which is an intersensory transfer; the specifics of the functioning of synesthesia in the poetry of P. Vyazemsky are studied.

Key words: poet, poetry, synesthesia, individual author's style.

23 июля 2022 г. исполнилось 230 лет со дня рождения «сиятельного поэта», литературного критика, переводчика, историка и публициста П.А. Вяземского, которого можно смело причислить к фигурам, формировавшим вкус пушкинского времени в целом. Вне всякого сомнения, Вяземского можно считать одним из создателей серьезных жанров литературной критики в России. Своеобразие его поэтического и прозаического стиля постоянно отмечалось современниками – А. Пушкиным, Н. Карамзиным и др.

Данная статья является попыткой анализа индивидуального стиля П. Вяземского в плане использования им в своей поэтике такого явления, как синестезия. И, говоря о его поэзии, важно отметить метафоричность его языка и мышления. Об отражении специфики мышления (его метафоричности) в использовании синестезии в произведениях искусства, писал Б.М. Галеев:

«синестезию, функционирующую в искусстве, следует считать специфическим проявлением метафорического мышления, где «иносказание», «перенос» значения (так переводится «метафора») осуществляется уже не в рамках одной модальности, а с «переходом» в иную модальность. Это и создает тот притягательный, а при словесном воплощении синестезий внешне экзотический, эффект, который отличает синестетические метафоры от обычных» [Галеев, 2003, с. 162]. Добавим, что специфика переноса (с чувств на чувство, с ощущения на ощущение и т.п.) дает нам основание определить это как синестезию. Синестезия – феномен восприятия, состоящий в том, что впечатления, соответствующие данному раздражителю и специфичное для данного органа чувств, сопровождается другим, дополнительным ощущением или образом, при этом часто таким, которое характерно для другой модальности. Типичный пример синестезии – «цветной слух», равно как и звуковые переживания при восприятии цвета и т.п. [Словарь по эстетике, 1989, с. 98]. В синестетических конструкциях является возможным объединение следующих модальностей: осязание, вкус, обоняние, слух и зрение.

Синестезия – художественное средство, помогающее П.А. Вяземскому передать отношение к миру, персонажам и событиям, служащее средством отображения мыслей, желаний героев, их чувств. Синестезия создаёт особый языковой рисунок, передаёт авторское восприятие и по праву является одним из ведущих средств изобразительности; с помощью них создается особый авторский почерк поэта:

Милей всех песней *сладкозвучных*
От ближних радостная весть,
Хоть пара слов собственноручных,
Где сердцу много что прочесть.

[Вяземский, 1978, с. 213]

Отметим, что взаимодействие слуховой и вкусовой модальностей («сладкозвучных») широко распространено в поэтике П. Вяземского. Объясняем этот факт тем, что сочетание данных модальностей помогают создавать образы, передавать психологическое состояние, особенности мышления, взаимоотношений людей, человека и природы и др.

Так, в произведениях поэта синестезия является значимым средством создания образа природы, имеющим важное психологическое значение: с помощью синестетической конструкции автором раскрывается внутренний мир персонажа через то или иное природное состояние. Поэт передает и своё

отношение к природе, открывает читателю собственное мировосприятие, ощущение:

Пусть нежный баловень полуденной природы,
Где *тень душистее*, красноречивей воды,
Улыбку первую приветствует весна! [Там же, с. 94]

Думается, что созданное автором сочетание «*тень душистее*» (*зрение+обоняние*) – это результат тонкого наблюдения, отражающего взаимодействие обоняния и цвета (света); в высказывание зрительного восприятия вторгается некий обонятельный образ и отражает индивидуальное авторское видение окружающего мира.

Также П.А. Вяземский прибегает и к следующим синестетическим конструкциям:

– с модальностью «осязание»:

Обрызгал их *холодным блеском*
Своих граненых хрусталей,
Он вьется ярким арабеском
Вдоль обезлиственных ветвей. [Там же, с. 218]

Данное сочетание модальностей (осязание+зрение – «холодным блеском») создаёт образ, воспринимаемый читателем через цвет, что придает характеристике необычность, привлекает внимание;

– с модальностью «зрение»:

Коварный друг с *улыбкой сладкой*
Вам руку ласки подает,
А сам, того и жди, украдкой
Другой рукой в ухаб толкнет. [Там же, с. 77]

– здесь же синестетическая конструкция («улыбкой сладкой») позволяет ярче выделить внутренние свойства, переживания персонажа.

Отметим, что синестезия поэтом используется и при отображении тягостных, мучительных чувств, состояния человеческого горя («горьких слёз»):

С улыбкою любви, в венках из свежих роз,
На пир роскошества влекли меня забавы;
Но сколько в нектар их я пролил *горьких слез*,
И чаша радости была сосуд отравы. [Там же, с. 99]

При анализе функций синестезии в поэтике П.Вяземского целесообразней всего исходить из известных функций языка [Исенина, 1981, с. 50–64; Слюсарева, 1990, с. 564–565]:

- эмотивная функция – выражение чувств, эмоций;
- экспрессивная функция;
- эстетическая функция.

Эмотивная функция синестезии заключается в том, что данное языковое средство непосредственно связано с выражением (и, соответственно, восприятием) чувств и эмоций. Такая связь, в частности, выражается в различных типах межчувственного переноса, лежащего в основе синестетического словосочетания, как то: вкусового, зрительного, обонятельного, осязательного.

Например, слуховой тип синестезии, основной областью применения которого является или изображение различных ощущений, чувств, впечатлений, связанных с окружающей действительностью или для раскрытия внутренних свойств персонажа:

В невыразимости своей
Сколь выразителен сей лепет:
Он пробудил в душе моей
Восторгов тихих сладкий трепет. [Вяземский, 1978, с. 121]

Вкусовой тип синестезии используется, например, для описания окружающей действительности через призму восприятия человека:

Счастлив, кому дано познать отраду вашу,
Кто чашу радости и *горькой скорби* чашу
Благословлял всегда с любовью и мольбой
И песни внутренней был арфою живой! [Там же, с.172]

Не менее часто встречается и зрительный тип синестезии, основной областью применения которого является или изображение различных ощущений, чувств, впечатлений, связанных с окружающей действительностью или для раскрытия внутренних свойств персонажа:

И много прелести в задумчивости нежной,
В сей ясности, средь бурь житейских безмятежной,
И чистой кротости, которыми она,
Как тихим заревом, *тепло озарена!* [Там же, с.168]

При помощи обонятельного типа показываются особенности мировидения и мировосприятия, эмоциональное состояние:

Приправь и разогрей мой *слог*,

Пусть будет он, тебе угодный,
Душист, как с трюфелями пирог,
И вкусен, как каплун дородный! [Там же, с. 84]

Экспрессивная функция синестезии. Экспрессивно-изобразительный потенциал феномена синестезии раскрывается в раскрытии особенностей внутреннего мира человека, его чувств, эмоций – таким образом можно сказать, что синестезия используется поэтами для создания портрета персонажа:

Пусть *слог* твой *сух* и вял, пусть холоден твой жар,
Но, как и другой, Заикину товар [Там же, с. 92].

Эстетическая функция синестезии, связанная с удовлетворением эстетических потребностей адресанта и адресата, коренится в самой природе языка художественной литературы.

Эстетическая функция синестезии проявляется в том, что она:

- создаёт словесно-образную картину;
- помогает понять смысл стихотворения;
- делает текст образным, выразительным;
- является источником дополнительных семантических эффектов в поэтическом тексте и средством создания сложных совмещённых образов.

Подводя итоги весьма краткому обзору наиболее общих функций синестезии в поэтике П.Вяземского, следует подчеркнуть, что автор использует рассматриваемый феномен исключительно тонко для создания поэтического настроения, для придания выразительности и образности, которая является существенной чертой поэтической модели мира, создаваемой поэтом. В общем арсенале изобразительно-выразительных средств синестезия в поэтическом языке выполняют функцию словесной живописи и служит главным образом для раскрытия особенностей внутреннего мира человека, его чувств, эмоций либо окружающей действительности.

Следует особо подчеркнуть, что использование синестезии поэтом в своём творчестве «говорит о напряженности человеческих чувств, об активном восприятии мира» [Словарь по эстетике, 1989, с. 33] и обусловлена, полагаем, не столько желанием украсить стих, сколько особенностями восприятия и мышления автора.

Характеризуя использование синестезии в поэзии П.А. Вяземского, отметим, что лингвистический статус этого феномена, равно как и экспрессивные возможности, требует детального анализа и описания. Помимо этого, нам представляется важным рассмотреть функционирование синестезии в кругу смежных с ней тропов метафорического типа. Синестезия привлекает, прежде всего,

нестандартностью и высокими художественными возможностями. Как явление, существующее в восприятии человека, его мышлении, в языке, речи, живописи, музыке, архитектуре, этот феномен требует комплексного изучения в поэзии П. Вяземского.

Литература

Вяземский П.А. Собрание сочинений: в 2 т. М.: Худож. лит. 1982. Т. 1. 462 с.

Галеев Б.М. О синестезии и синтезе: диалектика прогресс-регрессных тенденций в искусстве // Перспективы развития современного общества: материалы всерос. конф. Казань, 2003. С. 162

Исенина Е. Развитие языковых функций в дословесной коммуникации у детей // Фонетика и психология речи: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 3. Иваново, 1981. С. 50–64.

Словарь по эстетике / под ред. И.С. Кона. 4-е изд. М.: Просвещение, 1989. 98 с.

Слюсарева Н.А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Русский язык, 1990. С. 564–565.

Флоря А.В. Русская стилистика. Курс лекций: Словообразование. Лексикология. Семантика. Фразеология. Орск: Изд-во ОГТИ. 2017. 53 с.

References

Vyazemsky P.A. Collected works: in 2 volumes / P. A. Vyazemsky. M.: Artist. lit, 1978.

Isenina E. The development of language functions in preverbal communication in children [Text] / E. Isenina // Phonetics and psychology of speech: Interuniversity. Sat. scientific works. Issue. 3. Ivanovo, 1981. S. 50–64.

Dictionary of aesthetics / Ed. I.S. Con. 4th ed. M.: Enlightenment. 1989. P.98

Slyusareva N.A. Language functions // Linguistic Encyclopedic Dictionary. M.: Russian language, 1990. S. 564–565.

Florya A.V. Russian style. Course of lectures: Word formation. Lexicology. Semantics. Phraseology / A. V. Florya. Orsk: OGTI Publishing House. 2017. 53 p.

Galeev B.M. On Synesthesia and Synthesis: Dialectics of Progress-Regression Trends in Art // Prospects for the Development of Modern Society: Proceedings of All-Russia. conf. Kazan, 2003, p. 162

*Канд. филол. наук Н.Н. Ноланд (Техас, США),
канд. филол. н. Е.И. Беседина (Санкт-Петербург)
Email: natalia.noland@hccs.edu ; elivbesedina@mail.ru*

К ВОПРОСУ О ЗВУКОИЗОБРАТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ «ГРЫЗЕНИЯ И ЧАВКАНЬЯ»

Аннотация: В статье представлены результаты исследования по установлению звуко-символического статуса отдельных фонотипов и фонем в русских обозначениях понятия «шумного и жадного поглощения пищи». Анализ материала показал, что для русских диалектизмов характерно большое количество звукоизобразительных (ЗИ) единиц, которые, при схожести семантики или полном ее совпадении, отличаются лишь одной или двумя фонемами. Высказывается предположение о том, такие единицы являются вариантами ЗИ-гиперлексемы.

Ключевые слова: гиперлексема, звукоизобразительность, русские диалектизмы, фонестема.

*Candidate of Philological Sciences N. N. Noland (Texas, USA),
Candidate of Philological Sciences E. I. Besedina (Saint-Petersburg)*

ON THE ISSUE OF THE ICONICITY OF THE RUSSIAN DIALECTAL DESIGNATIONS OF ‘GNAWING AND CHAMPING’

Abstract. The article presents the results of a study aimed at identifying the sound-symbolic (SS) status of individual phonotypes and phonemes in Russian designations of ‘noisy and greedy consumption of food’. The analysis of the material demonstrated that the Russian dialect vocabulary is characterized by a significant number of iconic lexemes, which, despite the similarity of semantics or its complete coincidence, differ from each other in only one or two phonemes. The findings of the study suggest that such units are, in fact, the variants of an iconic hyperlexeme.

Key words: hyperlexeme, iconicity, Russian dialects, phonosteme.

Диалектная лексика, объединяющая во многих естественных языках обширнейшие ряды ЗИ-слов, характеризующихся гипервариативностью и диффузностью семантики, не может не представлять для исследователя интереснейший материал для изучения такого явления, как звукоизобразительность.

Материалом для настоящей работы послужили обозначения «грызения, чавканья и жевания», полученные методом сплошной выборки из Словаря русских народных говоров [СРНГ, 1965-2021], который выпускается словарным сектором Российской академии наук на протяжении более 50 лет. Данный эмпирический материал ранее не был предметом научного исследования в рамках теории звукоизобразительности. Корпус исследуемой лексико-семантической группы (ЛСГ) насчитывает 33 единицы.

Исследование проводилось в соответствии с принципами фоносемантического (ФС) анализа, разработанного С. В. Ворониным [Воронин, 1982] и являющегося, в силу объективности своих критериев, достаточно эффективным инструментом в установлении статуса ЗИ-слова. При определении ЗИ-статуса лексем полученной выборки осуществлялась их верификация по этимологическому словарю крупнейшего этимолога-слависта М. Фасмера [Фасмер, 1996], считающегося по сей день одним из самых авторитетных этимологических словарей русского языка.

Анализ материала позволил авторам выделить ряды лексем, объединенных понятием «чавкать» – 25 образований:

○ *жа́вкать* ‘чавкать, жевать, есть’, *жа́мкать* ‘сильно жать’, *жа́влять* ‘плохо, вяло жевать; чавкать’ (свердл., яросл.), *жва́кать* ‘жевать, разжевывать’, *жва́ть* ‘жевать’ (орл., брянск.), *жва́чить* ‘есть, жевать (о животных)’ (вологод.), *жвя́кать* ‘жевать, чавкать’ (тверск., псковск.), *жма́кать* ‘громко есть, жевать, чавкать’ (яросл., донск.), *жма́нничать* ‘есть не торопясь, медленно, жеманясь’ (яросл.), *жмя́кать* ‘есть, жевать’ (псковск., тверск.), *жо́мкать* ‘есть, кушать, чавкать’ (тобольск.);

○ *пля́мать* ‘чавкать, чмокать; шлепать’ (уральск.), *пля́мкать* ‘чавкать; чмокать губами’, *оцвё́кать* ‘почмокать, пососать соску’, *пошвы́ркать* ‘поесть жидкой пищи чавкая, хлюпая’;

○ *хли́пать* (чавкающих звуках);

○ *ча́вкать*, *ча́мкать*, *чмокать*, *чва́кать* ‘чавкать’, *чво́кать* ‘чмокать’, *чёвкать*, *чёмкать* ‘чавкать (о свинье)’ (вятск.), *чмя́кать* ‘чавкать, чмокать’ (курск., псковск., тверск.), *чукáть* ‘сосать’ (мезенск.)

Ряды лексем, объединенных понятием «грызть», составляют 8 образований:

○ *зуби́ть* ‘грызть, щелкать’ (смоленск., брянск.), *зубри́ть* ‘грызть что-нибудь’, ‘есть быстро и с аппетитом’ (вятск., костром.);

○ *ку́рсать* ‘грызть’, *кы́рекать* ‘грызть’ (Коми);

○ *хворызгáть* ‘хлебать быстро и громко’ (псковск., терск.), *хворыздáть* ‘хлебать быстро и громко’ (воронеж., сарат.), *хрóбатъ* ‘есть жадно’ (череповецк.),

○ *хру́мкать* ‘есть с хрустом’, *хру́пать* ‘хрумкать, грызть’ (псковск., нижегородск., тульск.).

Представляется очевидным, что многие из составленных вышеприведенных рядов отличаются лишь на одну-две фонемы и при этом варьирование происходит, как правило, в пределах одного фонотипа, т. е. «типа звука речи, содержащего фонетический признак типа, гомоморфного с полагаемым в основу звукоизобразительной (звукоподражательной либо звукоименной) номинации типом признака денотата» [Brodovich, 2016, Voronin, 1987]. Упомянутые выше ряды образуют некий континуум с различным набором ФС-средств, использованных для обозначения одного и того же явления, что, в свою очередь, обусловлено законом множественности номинации, в соответствии с которым, в основу названия одного и того же объекта-денотата в разных актах номинации могут быть положены разные признаки, требующие, соответственно, разных фонетических средств для осуществления каждой конкретной номинации [Воронин, 1982].

Ниже приводятся примеры рядов, полученных в результате расположения составляющих исследуемых ЛСГ обозначений «чавканья» и «грызения» по степени варьирования и инициальной фонеме или фонестеме:

а. ЛСГ «чавканье»

○ с инициальной **ж/жв, жв’ /жм, жм’**: *жа́вкать, жа́мкать, жо́мкать, жа́влять, , жва́кать, жва́ть, жва́чить, жвя́кать, жмя́кать*;

○ с инициальной **ч/чв/чм, чм’**: *ча́вкать, ча́мкать, че́вкать, че́мкать, чука́ть, чва́кать, чво́кать, чмокать, чмя́кать*;

○ с инициальной **пл’**: *пля́мать, пля́мкать*.

б. ЛСГ «грызение»

○ с инициальной **к/р/хв/хр, хр’**: *ку́рсать, кы́рекать, хворызгáть, хворыздáть, хрóбатъ, хрóбост, хру́мкать, хру́пать, хря́пать, хря́п.*

Следует отметить, что в своем исследовании авторы придерживаются определения фонестемы, предложенного Ф. Хаусхолдером [Householder, 1946], по мнению которого фонестема представляет «фонему или комплекс фонем, общий для группы слов и имеющий общий элемент значения или функцию»

Таким образом, основными инициальными и финальными фонестемами и фонемами, отражающими мотивотип, лежащий в основе номинации для ЛСГ «чавкать» являются фонестемы **жв, жв’/ жм, жм’ /чв/чм, чм’/пл’/ вк/вл’/мк/** и фонемы **ж/ч/к**, а основными инициальными и финальными фо-

нестемами и фонемами, отражающими мотивотип, лежащий в основе номинации для ЛСГ «грызть», являются фонестемы **хв/хр**, **хр'/мк** и фонемы **к/р**.

С точки зрения фоносемасиологии представляется достаточно очевидным, что вариация даже в пределах одного фонотипа приводит к определенным (пусть незначительным) изменениям семантики слова, что убедительно подтверждается и другими исследованиями, например, с работами Р.И. Вескота [Wescott, 1988] и Н.Н. Швецово́й [Швецова (Ноланд), 2011].

На основе проведенного анализа авторы исследования смогли выделить для данного континуума ряд обобщенных семантизированных моделей ЗИ-слов.

- Модель 1 (чавкать):

$$\left\{ \begin{array}{c} ж \\ ч \end{array} \right\} \text{ гласный } \left\{ \begin{array}{c} вк \\ вл' \\ мк \\ к \end{array} \right\}$$

жа́вкать, ча́вкать, че́вкать, жа́мкать, жо́мкать, ча́мкать, че́мкать, жа́влять, чука́ть);

- Модель 2 (чавкать):

$$\left\{ \begin{array}{c} жв \\ жл \\ жл' \\ чв \\ чл \end{array} \right\} \text{ гласный } \left\{ \begin{array}{c} к \\ ч \end{array} \right\}$$

жа́вкать, ча́вкать, чо́вкать, жа́вать, жа́вчить, жа́вкать, жа́мкать, чо́мкать, жа́мкать, ча́мкать);

- Модель 3 (грызть):

$$\left\{ \begin{array}{c} хр \\ хр' \end{array} \right\} \text{ гласный } \left\{ \begin{array}{c} мк \\ л \\ д \end{array} \right\}$$

хру́мкать, хру́пать, хря́пать, хряп, хро́бать, хро́бост);

- Модель 4 (грызть):

$$хв \text{ гласный } ры \left\{ \begin{array}{c} жз \\ жд \end{array} \right\}$$

хворызга́ть, хворызда́ть);

- Модель 5 (грызть):

$$к \text{ гласный } \left\{ \begin{array}{c} р \\ рс \end{array} \right\}$$

ку́рсить, кы́рекать

Приведенные выше модели 1 и 2 («чавканье») характеризуются наличием инициаль-фонем /жв/жм/чв/чм/ и фонем /ж/ч/. Наличие небно-зубного щелевого /ж/ и небно-зубной мягкой аффрикаты /ч'/, представленных в литературном языке и в значительной части русских говоров, передает движение языка и образование щели при чавканье. Чавканье – это, как правило, жевание, в котором задействованы, в частности, губы. Отсюда появление губно-губных и губно-зубных фонем в звукоизображениях чавканья.

В моделях 3, 4 и 5, как мы видим, присутствуют инициаль-фонемы /хр/хв/ и гуттуальная фонема /к/. Наличие заднеязычных увулярных согласных фонем в анлауте слов обозначающих грызение является типичным для самых различных языков мира [Газов-Гинзберг, 1965].

В структуре ЗИ-слова инициаль-фонема является определяющим элементом, указывающим на артикуляционное/акустическое пространство, в котором протекает процесс. Последующий гласный и финаль-фонема или финальный согласный указывают на различные оттенки того, как именно протекает данный процесс. При этом вскрываются дополнительные семы в лексеме, что делает такую реализацию ФС-синонимом ФС-слова при условии, что варьирование происходит в пределах разных фонотипов. Если же варьирование происходит в пределах одного фонотипа, то такие реализации скорее являются фонетическими вариантами. При этом определить, какая реализация является основным вариантом, а какая является вариантом варианта, в большинстве случаев представляется чрезвычайно затруднительным. То общее, вариантами чего являются конкретные реализации, есть некая абстракция, и для этого «общего» предлагается термин ЗИ-гиперлексема. ЗИ-гиперлексема является семантизированной моделью (инвариантом), представляющей собой совокупность ФС-реализаций одного и того же ФС-задания, реализующейся через ряды фонетических вариантов и ФС-синонимов и характеризуется как формальным, так и смысловым единством. При этом допускается варьирование согласного как в пределах одного фонотипа (фонетические варианты), так и в пределах разных фонотипов (ФС-синонимы) при возможном, ограниченном фонотипом, варьировании гласного.

Выделенные модели не что иное, как обобщенные семантизированные модели ЗИ-слов, являющиеся промежуточным звеном между абстрактными моделями типов ЗИ-лексики, выделенных фоносемантикой для ономотопии [Воронин, 1998], и рядами конкретных звукоизображений с конкретной семантикой.

Таким образом, анализ фактического материала позволил сделать вывод о том, что диалектная лексика русского языка включает значительное коли-

чество лексем ЗИ-происхождения, которые, при схожести семантики или полном ее совпадении, отличаются друг от друга лишь одной или двумя фонемами (ср. «чѣвкать», «чѣмкать», «чв́акать», «чв́акать» и некоторые другие).

Представляется возможным предположить, что это не две (или более) разные лексемы, а единицы, инвариантом которых может служить ЗИ-гиперлексема [Швецова, 2011].

Литература

Воронин С.В. Английские ономатопы: Фоносемантическая классификация. СПб., 1998.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 219 с.

Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М.: Наука, 1965. 182 с.

Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколётова). Тт. 1–52 / Академия наук СССР (Российская академия наук). Институт русского языка. Словарный сектор. М.; Ленинград (Санкт-Петербург): Наука, 1965–2021.

Швецова (Ноланд) Н.Н. Звукоизобразительная лексика в английских диалектах. канд. дис. СПб.: СПбГЭУ, 2011.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 3-е изд., стер. СПб.: Терра-Азбука, 1996.

Brodovich O.I. The phosemantics of today: the latest achievements and the principal challenges. *Anglistics of the XXI century, vol. 2. Phonosemantics. Fac. of philology*; ed. By M.A. Flaksman, O.I. Brodovich. St. Petersburg: [s. n.], 2016. p. 8–12.

Householder, Fred W. On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme // *Word* 2. 1946. С. 83–84.

Voronin S.V. The phonotype: a new linguistic notion (implications for typological phonosemantics) // *Proceedings of XI International Congress of Phonetic Sciences. Tallin, 1987, vol. 4, p. 197–200.*

Wescott R. W. Derogatory Use of the Marginal Phoneme /b/ in Proto-Indo-European // *The Journal of Indo-European, vol 16, # 3~4, fall-winter 1988, p. 365–370*

References

Brodovich, O. I. The phosemantics of today: the latest achievements and the principal challenges. *Anglistics of the XXI century, vol. 2. Phonosemantics. Fac. of philology*; ed. By M. A. Flaksman, O. I. Brodovich. St. Petersburg: [s. n.], 2016. p. 8–12.

Газов-Гинзберг, А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М: Изд-во «Наука», 1965. 182 с.

Fasmer, M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka (Etymological dictionary of the Russian language) in 4 volumes / Translated from German and supplemented by O. N. Trubacheva. 3rd ed., sterio. SPb: Terra-Azbuka, 1996.

Householder, Fred W. 1946. On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme // Word 2: С. 83–84.

Voronin, S.V. The phonotype: a new linguistic notion (implications for typological phonosemantics) // Proceedings of XI International Congress of Phonetic Sciences – Tallin, 1987, vol. 4, p. 197–200.

Voronin, V. B. Osnovy fonosemantiki (Fundamentals of Phonosemantics – in Russian). L.: LGU, 1982. 219 p.

Voronin, S.V. Angliyskiye onomatopy: Fonosemanticheskaya klassifikatsiya (English Onomatopes: A Phonosemantic Classification – in Russian), SPb., 1998.

Shvetsova (Noland), N.N. Zvukoizonrazitel'naya leksika v angliiskikh dialektah (Iconic Words in English Dialects – in Russian). Cand. diss., St. Petersburg University of Economy, 2011.

Slovar' russkikh narodnykh govorov (Dictionary of Russian Folk Dialects) edited by F.P. Filin F. P. Sorokoletov. Vol.1-52. USSR Academy of Sciences. Institute of the Russian language. Vocabulary sector. Moscow; Leningrad (St.Petersburg): Publishing House "Science", 1965–2021.

Wescott, R. W. Derogatory Use of the Marginal Phoneme /b/ in Proto-Indo-European // The Journal of Indo-European, vol. 16, # 3~4, fall-winter 1988, p. 365–370.

*Канд. филол. наук М.А. Флакман,
канд. филол. наук Ю.Г. Седёлкина (С.-Петербург)
maria.alexeevna@gmail.com ; y.sedelkina@spbu.ru*

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА РАЗНЫХ СТАДИЙ ДЕИКОНИЗАЦИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ *

Аннотация. В статье представлены краткие итоги экспериментального исследования звукоизобразительной лексики, проводившегося на материале английского языка. Изучалась зависимость скорости и точности восприятия звукоизобразительных слов от стадии их деиконизации. Деиконизация представляет собой закономерную утрату сходства между формой и значением звукоизобразительного слова в ходе его исторического развития. Ис-

следование проводилось методом «Лексическое решение». Акцент делался на визуальное восприятие звукоизобразительной лексики.

Ключевые слова: звукоизобразительность, иконичность, оноματοпея, деиконизация, звуковой символизм, психоллингвистика, Лексическое решение, английский язык, фоносемантика.

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00575 «Психофизиологические индикаторы восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка».

*Candidate of Philological Sciences M.A. Flaksman,
Candidate of Philological Sciences Yu.G.Sedelkina (St. Petersburg)*

SOME PRELIMINARY NOTES ON THE EXPERIMENTAL RESEARCH ON VISUAL PERCEPTION OF ENGLISH IMITATIVE WORDS ON DIFFERENT DE-ICONIZATION STAGES*

Abstract. The article summarises the first results of an experimental study of English imitative words. The research focused on the relation between reaction time and accuracy of recognition on the one hand, and de-iconization stage, on the other. De-iconization is a process when an imitative word gradually loses an iconic link between its form and its meaning in the course of historical change. The method applied in the study was the Lexical Decision task. Visual perception of imitative words was studied.

Key words: imitative words, iconicity, onomatopoeia, de-iconization, sound symbolism, psycholinguistics, Lexical decision, English, phonosemantics.

*The research was supported the RFBR research grant №20-013-00575 ‘Psych-physiological indicators of imitative words’ perception in native and foreign language’.

Настоящая статья посвящена краткому описанию экспериментального исследования звукоизобразительной (далее ЗИ) лексики английского языка. Исследование проводилось на носителях языка и имело целью изучить особенности *визуального* восприятия ЗИ разных стадий де-иконизации (утраты первичной, иконической, связи между формой и значением ЗИ слова).

Предмет исследования – де-иконизация

Деиконизация – это это процесс постепенной утраты иконической связи между фонетическим обликом звукоизобразительного слова и его денотатом в ходе языковой эволюции [Флакман, 2015, с. 100]. Утрата происходит под воздействием двух факторов:

(1) регулярных фонетических изменений (которые приводят к изменению фонетического облика ЗИ слов);

(2) семантических сдвигов (изначальное, связанное со звуком, значение слов может со временем утрачиваться).

На синхронном срезе языка одновременно существуют слова четырёх стадий деиконизации (СД) – от явных звукоизображений на СД-1 (англ. *boom! crash! zzz!*) до «стёртых» звукоизображений на СД-4, чью ЗИ природу возможно установить только методом этимологического анализа (англ. *cloak* ‘плащ’, получивший название в результате метафорического переноса – фр. *cloke* ‘колокол’ от лат. *cloca*, *clocca*, звукоподражания, обозначающего звук удара). Исторический переход от СД-1 к СД-4 происходит медленно и поступательно, и на любом синхронном срезе сосуществуют ЗИ с разной степенью выраженности иконичности (с разной степенью «похожести» формы и значения).

Задачей настоящего экспериментального исследования является изучение восприятия этой градации [Флакман, 2015] носителями современного английского языка.

Экспериментальные стимулы

Целевые стимулы были представлены как нейтральными (не-ЗИ) словами, так и ЗИ-словами (по 32 слова в каждой группе). ЗИ слова были распределены на 4 равные подгруппы (по 8 слов в каждой в соответствии с их стадиями де-иконизации).

Принадлежность слова к ЗИ-лексике и его СД определялись по словарю английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении [Флакман, 2016] и методом фоносемантического анализа [Воронин, 2006].

Испытуемым также предъявлялись квази-слова, построенные согласно нормам фонотактики современного английского языка и с опорой на фонемный состав целевых стимулов (всего 64 слова). Все стимулы были выровнены по длине (односложные) и частотности (редкие). Частотность целевых стимулов проверялась по *Большому Оксфордскому Словарю* [OED].

Описание эксперимента, методы и состав участников

В эксперименте приняли участие 50 носителей английского языка (28м, 22ж) из Великобритании (18), США (27) и Канады (5) в возрасте от 20 до 53 лет ($M=30.65$), соответствовавшие предъявленным требованиям по состоянию здоровья.

Психосемантический эксперимент проводился по схеме «*Методики принятия лексического решения*», опробованной в ходе наших предыдущих исследований [Tkacheva et al., 2019]. Целью испытуемых было как можно быстрее и точнее определить, является ли предъявленный на экране компью-

тера лексический стимул словом или не-словом. Иными словами, испытуемым надо было определить, есть ли у предъявленного стимула значение. Выбор совершался нажатием соответствующих клавиш «←» и «→» на клавиатуре.

Измеряемыми *параметрами* являлись: (1) время и (2) количество правильных ответов и (3) количество опозданий. Ответы собирались программой «Longitude» (Software Longitude, Version 19, производство LLC “Longitude”, Санкт-Петербург, Россия). Полученные результаты обрабатывались программой IBM SPSS Statistics 25 (IBM Corp. Released 2017, IBM SPSS Statistics for Windows, Version 25.0. Armonk, NY, USA). Статистические вычисления проводились при помощи критерия t-Стьюдента для зависимых выборок, метода Простых контрастов, и 1-факторного дисперсного анализа с повторными измерениями ANOVA.

Результаты эксперимента

В ходе эксперимента проверялось влияние типа стимула (включая его СД) на время и точность его опознания. Удалось установить, что различия во времени реакции на стимулы статистически достоверно зависят от типа стимула.

Частная эта в квадрате = 0,202, что объясняет 20,2% дисперсии времени реакции. При этом группа СД-2 требовала наибольшего времени опознания (среднее время = 650мс), которое статистически дольше среднего времени опознания всех остальных типов стимулов, включая не-ЗИ и квази-слова).

Наименьшего времени опознания требовала группа СД-3 (628мс). Также, среднее время реакции на квази-слова статистически достоверно дольше, чем на не-ЗИ слова и слова на СД-1 и СД-3.

Статистически значимых различий во времени реакции на группы СД-2, СД-4 и квази-слова не выявлено.

По параметру («точность») были получены следующие результаты:

(1) статистически значимой разницы в точности опознания не-ЗИ и совокупной группы ЗИ слов не наблюдалось ($\chi^2=0.144$; $df=2$; $p=0.931$);

(2) статистически значимая разница наблюдалась в точности опознания квази-слов и совокупной группы ЗИ слов – квази-слова опознавались точнее ($\chi^2= 36.190$; $df =2$; $p<0.001$); особенно эта разница была заметна для слов на СД-2 ($\chi^2=104.280$; $df=2$; $p<0.001$) и на СД-4 SD-4 ($\chi^2=17.153$; $df=2$; $p<0.001$);

(3) квази-слова также опознавались точнее, чем не-ЗИ слова ($\chi^2=31.100$; $df =2$; $p<0.001$).

Дискуссия и выводы

В ходе проведённого исследования были получены данные, позволяющие говорить о статистически значимых различиях в визуальном восприятии ЗИ слов, не-ЗИ слов и квази-слов. Также можно говорить о различиях в восприятии ЗИ разных стадий деиконизации, что экспериментально доказывает разнородность группы ЗИ слов.

Наиболее явно различия проявились в ходе изучения параметра скорости восприятия. Меньше различий наблюдалось в точности восприятия. Наиболее «выдающейся» как по времени, так и по точности опознания оказалась подгруппа СД-2 (явные звукоизображения, не утратившие исходное значение и форму) – испытуемые испытывали наибольшие трудности при идентификации их в качестве слов или «не-слов».

По совпадению, на основании данных исторической лексикологии, ранее мы [Флакман, 2015, с. 111] выделяли ЗИ слова на СД-2 в качестве *ядра* звукоизобразительного лексикона языка. Исследованию конкретных свойств ЗИ лексики, маркирующих её как отличную в ходе эксперимента, будут посвящены наши дальнейшие исследования.

Литература

Воронин С.В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006. 248 с.

Флакман М.А. Звукоизобразительная лексика английского языка в синхронии и диахронии. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015. 199 с.

Флакман М.А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб.: Изд-во ИИЯ/РХГА, 2016. 201 с.

OED – The Oxford English Dictionary, 3d edition. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 07.08.2021).

Tkacheva L.O., Sedelkina Y.G., Nasledov A.D. Possible Cognitive Mechanisms for Identifying Visually-presented Sound-Symbolic Words // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2019. No. 12(1). С. 188–200.

References

Voronin S.V. Osnovy fonosemantiki. M.: LENAND, 2006. 248 s.

Flaksman M.A. Zvukoizobrazitel'naya leksika anglijskogo yazyka v sinhronii i diahronii. SPb.: Izd-vo SPbGETU «LETI», 2015. 199 s.

Flaksman M.A. Slovar' anglijskoj zvukoizobrazitel'noj leksiki v diahronicheskom osveshchenii. Sankt-Peterburg: Izd-vo IIYa/RHGA, 2016. 201 s.

OED – The Oxford English Dictionary, 3d edition. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 7.08.2021).

Tkacheva, L.O., Sedelkina, Y.G., & Nasledov, A.D. Possible Cognitive Mechanisms for Identifying Visually-presented Sound-Symbolic Words // Psychology in Russia: State of the Art, 12, 1, 2019. С. 188-200,

*Канд. филол. наук Е.А. Шамина (Санкт-Петербург)
e.shamina@spbu.ru*

ФОНОСЕМАНТИКА КВАЗИ-ВЕРБАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПЕСЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. Статья посвящена определению и описанию свойств квази-вербальных элементов в русскоязычных и англоязычных песенных текстах. Доказывается, что они представляют собой неотъемлемую составную часть песни как особого вида текста и выполняют в нем важные языковые функции за исключением референтной. Обсуждаются их фоносемантические свойства.

Ключевые слова: песенный текст, языковые функции, фоносемантика.

Candidate of Philological Sciences E.A. Shamina (St. Petersburg)
THE PHONOSEMANTICS OF QUASI-VERBAL ELEMENTS
IN RUSSIAN AND ENGLISH SONG LYRICS

Abstract. The article looks into definitions and properties of quasi-verbal elements found in Russian and English song lyrics. They are claimed to be an integral part of this kind of text and to fulfil important language functions with the exception of the referential one. Their phonosemantic character is discussed.

Key words: song lyrics, language functions, phonosemantics

Песенный текст представляет собой специфическое образование, реализующееся в рамках песенного дискурса, чьи характерные свойства определяются, прежде всего, его направленностью на прямое эмоциональное воздействие на аудиторию и условиями актуализации при синестетическом взаимодействии музыки, мимики и жестов исполнителя, танца, визуальных эффектов, сопровождающих исполнение, а также собственно вербального компонента. Помимо прочих особенностей [Шамина, 2020 (а)], в песенных текстах наблюдается широкое использование элементов неопределенной природы, которые предлагается называть квази-вербальными (далее КВЭ). В англоязычной традиции их называют вокабулами (*vocables*) и относят к ним

пропеваемые последовательности слогов типа *la la la* и *dum dee dum*. Однако, при рассмотрении собранного автором корпуса русскоязычных и англоязычных песен разных жанров, оказывается, что реестр таких элементов достаточно широк и не является конечным. КВЭ подвергаются классификации и формируют некие типы с определенными языковыми характеристиками. Они выполняют важные для песенного дискурса функции, и их непременным атрибутом, как представляется, является наличие фоносемантических свойств.

Необходимо отличать КВЭ от вокализа, музыкальной практики, при которой голос используется наравне с инструментальным исполнением произведения (или же вместо него). При этом пропевание двусторонних языковых единиц (слов) чаще всего не предполагается. Вокализ, популярный в европейской музыкальной культуре 19 века, часто используется в современной музыке кино и джазе (скэт). В отдельных традиционных культурах, в основном, у североамериканских индейцев (cf. https://en.wikipedia.org/wiki/Non-lexical_vocables_in_music) существуют вокалические произведения, состоящие целиком из вокабул. Такие песнопения наделяются магическим содержанием и передаются в неизменном виде от поколения к поколению и даже от одной народности к другой, т.е. выполняют важнейшие социальные функции. Им также присущи и те функции, что обнаруживаются у языковых единиц в текстах, порождаемых в условиях обычной коммуникации: фатическая, конативная, суггестивная [Якобсон, 1975]. Необходимо отметить, что референтная функция у таких текстов отсутствует, так как они не соотносятся с реалиями окружающего мира.

В случае с КВЭ, встречающихся в бытующих в настоящее время в русскоязычной и англоязычной культурах песнях, повторяемые последовательности речевых звуков, не имеющие прямого денотата в языке, составляют лишь часть текста, хотя подчас немалую. Так, в композиции Джона Леннона *Dream* строка *Ah! Bowakawa, pousse pousse*, в которой употреблено лишь одно английское слово (междометие *ah*), повторяется 15 раз, что составляет около 40% текста. В отдельных случаях продолжительные КВЭ, вероятно, можно рассматривать как включение в песенный текст элементов вокализа: *Фаина, Фай-на-на, Ши-на-най-да-она, ши-на-ши-на-най* (Ha-Ha), *Bye, bye, bye baby, Do-dah do-day* (Andrews Sisters). Во всех случаях, тем не менее, анализ таких включений с позиций фоносемантической теории доказывает их иконический характер, либо звукоподражательный, либо звукосимволический (ср. [Шамина, 2020 (б)]).

Русские и английские КВЭ в исследуемом материале регулярно демонстрируют типологическое звуковое сходство с обычными словами языка

песни, хотя и с некоторыми нарушениями фонотактической нормы, в соответствии с которой строятся звуковые оболочки лексических единиц данного языка. Например, песенные «неологизмы» *уни-дуни-ё* (Леприконсы) и *Bust-boclaat Quangggggg* (Busta Rhymes) могут быть достаточно легко восприняты и произнесены носителями соответствующих языков, хотя в русском редко используется рифмовка морфем, а английском запрещено произнесение сдвоенных согласных, если только они не встречаются на морфемном стыке. Обращает на себя внимание тот факт, что КВЭ в рассматриваемом корпусе созданы по существующим в русском и английском языках моделям экспрессивной лексики, с использованием редупликации, рифмы, аллитерации и ассонанса: *Дон-дон-дон-дигидон* (Ассорти), *blucka-blucka* (Lil' Wayne, Juvenile). Необходимо заметить, что экспрессивность лексики и иконические свойства ее звуковой формы связаны самым тесным образом (ср. [Fudge, 1970]).

Кроме того, КВЭ являются, по-видимому, столь органичными элементами песенного текста, что могут входить в структуру предложения. Например, в строке *Мы сюп-сюп-сюп, мы сип-сип-сип* (2 самолета) они представляют собой часть сказуемого, а в отрывке *Ain't about the cha-ching cha-ching. Ain't about the ba-bling ba-bling* (Jessie J) – дополнение.

Включение КВЭ в песенный текст оправдывается выполнением ими важных коммуникативных функций. В теории музыки признается иконическая связь фонетических характеристик пропеваемых слов и сопровождаемых их музыкальных отрезков [Hughes, 2000], рассматриваются не только мелодико-ритмические характеристики вокалического произведения, но и его артикуляционный субтекст, «то есть все звучащие несловесные и квазисловесные образования» [Гавриков, 2010, с. 127], включенные в исполнение. Лингвисты отмечают роль определенных лексических единиц песенного текста в создании эмоционального воздействия на принимающую аудиторию [Самохин, 2010]. Связь звуковой организации КВЭ и передаваемой эмоции демонстрируют следующие примеры, представленные в собранном материале: *Душа от счастья поет дон-дон* (Ассорти), *Sad songs is all I know ... Fa-fa-fa Skip-de-diddly-skip-de-diddly-diddly-oh-fa-fa-fa-fa-fa...* (Otis Redding). В этих текстах ощущение счастья сопровождается имитацией мелодичного звона колокольчика, переданного с помощью исключительно тех речевых звуков, что содержат в своей акустической картине тон (звонкие согласные, сонанты, гласные), а переживание грусти отражается при помощи повторения глухого щелевого согласного (вообще говоря, мало пригодного для пения), который может ассоциироваться с тишиной, легким шумом опавших листьев, сухой травы и т.п.

Фонетический анализ КВЭ в текстах песен убедительно доказывает, что их звуковая форма соответствует типу взаимодействия автора / исполнителя с аудиторией и имплицитному (коннотативному) значению песенного произведения: в энергичных композициях наблюдается повышение частотности взрывных согласных, в лирических – гласных и сонантов. Отмечается также зависимость появления латеральных сонантов (так называемых *плавных*, англ. *liquid*) от темпа исполнения: их частотность повышается с его замедлением. Более детальное изучение фоносемантических свойств КВЭ только предстоит предпринять.

Литература

Гавриков В.А. Феномен пения и песенная поэзия: функциональный аспект // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2010. Вып. 3. С. 125–128.

Самохин И.С. Слова-сигналы различных видов эмоциональной модальности в дискурсе поп-музыки 1970-х гг.: на материале англо- и русскоязычных песенных текстов: автореф. ... канд. наук. М., 2010.

Шамина Е.А. (а) Лингвистические характеристики песни как особого вида текста // Языковое сознание. Речевая коммуникация: материалы международной научной конференции, посвященной памяти проф. В.Е. Гольдина. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 206–211.

Шамина Е.А. (б) Иконические свойства песенных текстов // Галеевские чтения: материалы международной научно-практической конференции («Прометей-2020»). Казань: Фонд Галеев-Прометей, 2020. С. 145–147.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.

Fudge E. Phonological structure and “expressiveness” // Journal of Linguistics. 1970. Vol. 6. Pp. 161–189.

Hughes D.W. No Nonsense: The Logic and Power of Acoustic-Iconic Mnemonic Systems // British Journal of Ethnomusicology. 2000. Vol. 9. Pp. 93–120.

References

Gavrikov V. A. Fenomen penija i pesennaja poezija: funkcional'nyj aspekt // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2010. Vyp.3. S.125-128.

Samohin I. S. Slova-signalny razlichnyh vidov jemocional'noj modal'nosti v diskurse pop-muzyki 1970-h gg.: na materiale anglo- i russkojazychnyh pesennyh tekstov. Avtoref.kand.dis. Moskva, 2010.

Shamina E. A. (a) Lingvisticheskie harakteristiki pesni kak osobogo vida teksta // Jazykovoe soznanie. Rechevaja kommunikacija. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj pamjati prof. V. E. Gol'dina. Saratov: IC «Nauka», 2020. C. 206 – 211.

Shamina E.A. (b) Ikonicheskie svojstva pesennyh tekstov // Galeevskie chtenija: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (“Prometej - 2020”). Kazan': Fond Galeev-Prometej, 2020, str. 145-147.

Jakobson R.O. Lingvistika i pojetika // Strukturalizm "za" i "protiv". M., 1975. S. 193 - 230.

Fudge E. Phonological structure and “expressiveness”. Journal of Linguistics. 1970. Vol. 6. P.161 – 189.

Hughes D. W. No Nonsense: The Logic and Power of Acoustic-Iconic Mnemonic Systems // British Journal of Ethnomusicology. 2000. Vol. 9. P. 93-120.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

*Докт. филол. наук Г.В. Векишин (Москва; С.-Петербург)
philologos@yandex.ru*

ФОНОСИЛЛАБИКА «РУСАЛКИ» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ЗЕРКАЛЕ ПРОГРАММЫ PHONOTEXT*

** Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта СПбГУ «Изучение литературного наследия В.В. Набокова в междисциплинарной перспективе с использованием методов информационных технологий» (ID 7282838)*

Аннотация. Основываясь на силлабоцентрической концепции звуковой фактуры стиха, воплощенной в компьютерной программе «Фонотекст», в статье представлен подход к автоматическому обнаружению звуковых повторов и измерению звуковой связности русского поэтического текста на примере «эвфонического шедевра» русской поэзии – стихотворения «Русалка» М.Ю. Лермонтова. Раскрываются звуковые лейтмотивы стихотворения, демонстрирующие основные фоносложные схемы, обеспечивающие напряженное взаимодействие подвижности и стабильности, прямой и обратный звуковой параллелизм, гибкие и жесткие звуковые формы. Демонстрируются возможности программы как инструмента для строгого и последовательного анализа поэтической речи.

Ключевые слова: лингвистика, поэтика, Лермонтов, автоматический анализ, звуковое повторение, программа фонотекста, метафония, фонослобема, стих, силлабоцентрический подход.

PHONOSYLLABICS OF "RUSALKI" BY M.Y. LERMONTOV IN THE
MIRROR PHONOTEXT PROGRAM

Basing on the syllabocentric concept of the sound texture of the verse, embodied in the Phonotext computer program, the article presents an approach to the automatic detection of sound repetitions and measurement of the sound cohesion of Russian poetic text, using the example of the "euphonic masterpiece" of Russian poetry - the poem "Mermaid" by M. Yu. Lermontov. The poem's sound leitmotifs are revealed, showing the main phonosyllabic circuits, providing a tense interaction of mobility and stability, direct and reversed sound parallelism, flexible and rigid sound forms. The possibilities of the program as a tool for a strict and consistent analysis of poetic speech are demonstrated.

Key words: linguistics, poetics, Lermontov, automatic analysis, sound repetition, Phonotext program, metaphony, phonosyllabeme, verse, syllabocentric approach.

Афанасий Фет в письме И. С. Тургеневу на Запад 5 марта 1873 г. записал такие дорожные размышления: «Das schöne (прекрасное – нем.) в обширном смысле единственное окно, через которое der große Weltgeist (Великий мировой дух – нем.) смотрится в человека. <...> Не вещь дорогá, а ее первообраз. <...> Я старый оригинал и не знаю выше наших поэтов: в мире нет. "Для бе-ре-гов". Это бесконечная линия – усыпанная гравием, словом – Средиземное море.

Или:

Русалка *плы-ла* по реке голубой,

Озаряема *полной* луной.

Ведь это черти!! Правда, это есть у Гете, да много ли их!» [Фет, 1982].

Слова *бе-ре-гов* и *плы-ла* Фет при этом разделяет на слоги. Очевидно, то же он мог бы сделать и с *полной*, в результате чего не просто плывущие звуки, но повторяемый поэтический «квазикорень» *плы – пол* оказался бы выделен.

Начало лермонтовской «Русалки», как и все стихотворение, неоднократно вызывало восторг внимательных читателей и справедливо считается «одним из высших эвфонических достижений в лирике молодого Лермонтова» [Назарова, 1981, с. 480–491]. В. Белинского поражала «художественность отделки» стихотворения, делающая его «одним из драгоценнейших перлов русской поэзии» [Белинский, 1955, с. 183]. О. Брик в «Звуковых повторах» приводит несколько примеров из «Русалки», выделяя в них коррелятивные

консонантные группы: *Озаряема полной луной; И шумя и крутясь, колебала река / Отраженные в ней облака; Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем...* [Брик, 2010, с. 518]. Б. Эйхенбаум замечает, что в стихотворении «основное эвфоническое воздействие поручено... звуковым группам, не обладающим особой артикуляционной, произносительной экспрессией (*плыла, голубой, полной луной, доплеснуть до луны*) [Эйхенбаум, 1924, с. 105]. В.П. Григорьев обращает внимание на «дистантные и метатетические, независимые от позиции рифмы консонантные созвучия», обеспечивающие «компрессию выражения: *крутясь – крутых, тоской – катясь, колебала – облака*» [Григорьев, 1981, с. 44].

А. Немзер, посвящая «колдовской песне» Лермонтова отдельное эссе, делает ряд пронизательных наблюдений над звуками стихотворения, которые позволим себе привести относительно полно:

«Откуда в этих переливах глагол с семантикой напряжения, кажется, бесплодного? Русалочье ли дело – "стараться"? Выходит, да. Потому и "старалась", что "русалка": опорные звуки расплываются по тексту, а не столько видимый, сколько "слышимый" пейзаж (*луна полная, потому что русалка плыла и старалась доплеснуть пену волны – оттого же и река покамест голубая*) загодя слился с еще не зазвучавшей песней. *И шумя, и крутясь колебала река / Отраженные в ней облака. / И пела русалка – и звук ее слов / До летал до крутых берегов.* Вот еще один звук голубой реки отозвался – река колебала облака. Конечно, отраженные в ней – здесь все во всем отражается. Но не точно, а зыбко, чуть меняя обличья. Серебристая (от лунного света) пена до вожденной луны не доплескивается – звук слов (не семантика, чьи обманчивые блики возникнут позже, а чистая фоника – так уже было в "Ангеле": *И звук его песен в душе молодой / Остался – без слов, но живой*)... *И пела русалка... – пела, как плыла*» [Немзер, 2010].

Силлабоцентрический подход к выявлению форм звуковой организации стиха [Векшин, 2006; 2008; ср. Николаева, 2011], реализованный в компьютерной программе Phonotext [Векшин, Герцев, Лоскот, 2021; Phonotext, веб-сервис], позволяет представить звуковую ткань стихотворения как силлабически гранулированный речевой континуум и, по оценке Е.Д. Толстой, «говорить не о точечных повторах отдельных звуков, но о сплошном звуковом иррадиировании» текста, «захватывающем гласные и согласные, в прямом и обращенном порядке» [Толстая, 2017].

Мы воспринимаем текст, тем более – поэтический, стихотворный, основанный на ритмическом, периодическом возвращении и соотношении элементов, – не фрагментарно, а как единый речевой поток, где непрерывное находится в постоянном взаимодействии с прерывностью, сегментарностью,

образуемой за счет значимости и языковой хранимости сегментных единиц. Однако эти единицы реально существуют только в произведении как неотрывные части развертываемого целого, как движение материи, организуемой и дифференцируемой за счет ее ритмических модуляций, разгонов, торможений и завершений, в силу объединимости, эмфатической выделяемости и соотносимости ее периодов. Периодические отношения в речи – не только область чистой просодики и интонации, где первичной сущностью выступает слог, но и область ожидаемого в сегментном строении, в частности в распределении единиц морфемно-дервационного и синтаксического ряда.

Поэтическое преобразование речевого потока предусматривает введение дополнительных операторов текстовой соотносительности, обеспечивающих действие базового механизма искусства – механизма остраннения знака и вещи. К числу таких единиц-операторов относится элементарная поэтическая «морфема», формируемая в стихе как гранулированное в пределах потенциального слога консонантное окружение слогового пика, гласной, и приобретающая функциональную, организующую способность как за счет повторяемости качества согласных (притом что сохранение качества гласных факультативно), так и за счет внутренней варьируемости этого ряда в отношении порядка согласных и акцентуации. Эта операциональная единица стиха, названная фоносиллабемой [Векшин, 2018], представляет собой простейшую молекулу поэтического речевого организма, одновременно гибкую (за счет внутренней инверсивности) и константную (за счет ее цементированности единственной гласной и качественного постоянства звукового состава – состава поэтических фонемотипов). Далее эта единица способна вступать в «молекулярные соединения» в тексте (образовать фоносиллабические комплексы), в той или иной мере подвергаемые поэтической морфологизации и лексикализации, а также, вместе с простыми фоносиллабами, на основе ее повторения и ассоциирования звуковых форм используется: 1) как экстрасегментное средство речи, обеспечивающее дополнительное членение, объединение и выделение сегментов речевого потока путем особого распределения и комбинирования сегментных звуковых единиц; 2) как средство собственно стиховой синтагматики, поддерживающее целостность, организованность и соотносимость композиционно-стиховых единств (каноническим средством последнего типа в русской традиции выступает рифма – сегментно-просодический звуковой параллелизм, или эквифония, концовок стихов, вступающий в отношения напряженного взаимодействия с интенцией к гранулированию звуковой цепи, синтагматическому обособлению ее звеньев, которое обеспечивается инверсиями, варьированием сегментного порядка – метафонией); 3) как синтаксическое средство, обеспечивающее

дополнительные, поэтически необходимые связи и выделения в грамматике и актуальном синтаксисе текста; 4) как способ выработки поэтических квазиморфем (в известном смысле – антиморфем) – средство деривационного переосмысления слова, контекстуальной ресемантизации морфемы; 5) как средство преобразования и обогащения лексического значения; 6) как фоносемантическое средство.

Автоматически выявлять эти элементарные звуковые гранулы, их комбинации и композиционные отношения, помогая эстетическому восприятию и внимательному чтению произведения, призвана компьютерная программа Phonotext, дающая исследователю возможности измерять степень звуковой связности текста, определять характер звуковых связей и подсказывать направление их функциональной интерпретации, а также сопоставлять тексты разных идиостилей, прагматических типов и жанров [см.: Векшин, Лоскот, 2020; Векшин, Герцев, Лоскот, 2021].

Вернемся к пленяющему своими звуками лермонтовскому стихотворению и рассмотрим с помощью программы его первую строфу. Автоматически получаемая картина шести наиболее сильных фоновиллабических повторов в строфе выглядит так:

русалка плыла по реке голубой,
озаряема полной луной;
и старалась она доплыть до луны
серебрястую пену волны.

Присмотревшись, заметим, что первая его строка организована рамочным распределением двуконсонантных фоновиллабов, объединяющих синтаксическое ядро в начале строки и связывающих его с последним словом-определением: *русалка плыла по ... голубой*. Внутреннюю звуковую связность этой строки обеспечивают 2 звуковые скрепы: Алк(а) - гол и ла|плыла|п - луб, где первый сегмент состоит из трех простых частично накладывающихся друг на друга фоновиллабических звеньев: лап+плы+лап (не отсюда ли эффект качания волны?). Таким образом, в пределах первой строки актуализируются 2 двуконсонантных фоновиллабемы с общим плавным (ЛVK и ЛVP), представленных в общей сложности шестью фоновиллабами, что дает исключительно высокую степень внутренней звуковой связности поэтической синтагмы, при большой ее однородности – действии лишь двух фоновиллабем. Помимо того, взаимодействие этих цепей в 1 строке создает 2 двусложных фоновиллабических комплекса (далее – ФСК): (Ал)ка|плы(л) – голуб, первый из которых «вибрирует» (Алка|п / Ака|пл / ка|плы / ка|п-ыл) и создает звуковую спайку субъекта и предиката, а

второй (**голуб**) полностью размещается в пределах одного, последнего слова строки, имеет устойчивую структуру CVCVC, однако, в отличие от первого, не несет на себе словесного и ритмического ударения, служа к нему подступом. Этому ожиданию удовлетворяет последний слог (**боj**), где одноконсонантный фonoсиллаб бО симметрически замыкает словосочетание: *по реке голубой* (**по** – **бо**). Сходным образом устроено и первое двусловие: *русалка плыла*, с его Л-образной скрепой на ударных ассонирующих слогах (**Ал** – **лА**) (для операциональной способности и выделимости одноконсонантных фonoсиллабов существенно важны совпадение или акустическая близость гласных и/или их ударность.¹). И это только внутренние звуковые связи первой строки. Другие – перекидывают мостики (а точнее – «переплывают») из первой строки в последующие.

Во второй строке, появляясь впервые, фonoсиллабема ЛВН, включающая два сонорных, вначале накрепко связывает атрибутивное сочетание *полной луной*, и в целом, цепочкой из пяти фonoсиллабов: *полной* – *луной* – *доплеснуть* – *до луны* – *волны* — становится ведущим мотивом строфы, захватывая, в частности, рифмуемые слова и в последнем звене образуя метафоническую рифму: *луной* – *до луны* – *волны*². В контрасте с ним, второй наиболее активный, также пятикратный повтор PVC : *русалка* – *озаряема* – *и старалась* – *серебристую* — тяготеет, напротив, к начальным позициям в строфе, захватывая два первых слога (1,4), два вторых (2, 3) и один третий (4) При этом звуковая скрепа инициального слова строфы *русалка* со вторым

¹ Повторы одноконсонантных фonoсиллабов программа Phonotext пока не регистрирует.

² По данным НКРЯ, впервые связка *луна* - *полный*, причем в качестве метафонической рифмы, появляется у Г. Державина: *Россия блеском озарилась, / Усердия к Царям полна: / Так светлым током слез покрывалась, / Как серебряным дождем луна* («На рождение великого князя Михаила Павловича», 1798) (здесь же рядом появляются эфонически активные «серебро» и «заря»). Всего в русской поэзии на расстоянии 1-10 слов лексемы *луна* – *полный* корпус обнаруживает в 114 примерах (для сравнения: *луна* – *ясный* - только в 54 примерах); *луна* – *волна* встречается в 93 текстах, впервые – у М. Ломоносова: *Он тигров челюсти терзает, / Волнам и вихрям запрещает, / Ведит луне и солнцу стать* (Ода ... кн. Петра Феодоровича 1743 года, 1743) (ср.: *море* – *волна* – 73 примера в НКРЯ; *волна* – *камень* – 64; *луна* – *камень* – 14). Рифма *волна* – *луна* (в разных падежных формах) только у Лермонтова встречается 6 раз; *волны*, *волна* – *полны*, *полный*, *полна* – в общей сложности 11 раз [Словарь, 1981].

предикатом – *старалась* – усилена двусложным ФСК: *с-арАл – русАл*¹. Таким образом, в целом строфа «слева направо» движется от *серебристой* «звуковой ряби» к максимальной плавности, «качанию на волнах» (ср. цитату выше о предпочтении здесь «звуковых групп, не обладающих особой артикуляционной, произносительной экспрессией» [Эйхенбаум, 1924]).

ПЛ-образный повтор 1 строки *русалка плыла по ... голубой* отзывается далее в *полной* (2) и *доплеснуть* (3), укрепленных пластичными, гибкими – акцентно и сегментно варьируемыми ФСК: (а)пОлно – (о)пле-нУ, в то время как повтор в *доплеснуть до луны* организован эквифонически (эхообразно): до-ле-нУ – до луны, создавая равномерно повторяемый звуковой жест.

В том же русле взаимодействия подвижности и устойчивости, гибких и жестких звуковых форм действуют фоносиллабические структуры с опорой на вокализм: *голубой – полной луной* (о у О - о у О; олу-Ой - о-лу-Ой), при метафонических сдвигах в сочетании *полной луной* (Олно – луно), «раскачивающей» связке *доплеснуть – пёну* (п-е-нУ – пЕну), обманутом просодическом ожидании в повторе одноконсонантного двусложного ФСК с интервокальным Н в словесных финалях: *луной – она – до луны – пёну* (унО – она – уны – Ену).

Совокупная картина двуконсонантных повторов первой строфы, составленная по данным программы, такова (цифрой отмечено число активных фоносиллабов в каждой из строк; выделения сделаны «вручную»):

РУСАЛка плыла по реке голубой,	11
озаряема <i>полной</i> луной;	6
и СТАРАЛАСь она доПЛЕСнуть до луны	13
Серебристую пёну волны.	7

Ведущие звуковые линии «разбегаются» от первой строфы по всему стихотворению. Среди них сильные морфологизованные протягиваются от *русалка/плыла – голубой* к *колебала – облака – так/пела...* Звуковые носители идеи «плывающего», на которые, в частности, обратили внимание А. Фет и А. Немзер (ср. у последнего: «пела, как плыла») в последних строфах стихотворения свяжут плывущее с песнью любви: ... *Мы любим во мраке ночей, / И в чело и в уста мы, в полуденный час, / Целовали красавца не раз. / Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем... / Так пела русалка над синей рекой, / Полна непонятной тоской; / И, шумно катясь, колебала река / Отраженные в ней облака.* Среди первоначальных вариантов строк *И пела русалка – и звук её слов / Долетал до крутых берегов...* были: *И пела русалка, любуясь на*

¹ Ср. приводимое выше замечание А. Немзера.

них; *И пела русалка, и с белых грудей / Луна не сводила очей; И пела русалка, и белой рукой / Ловила их тени порой.* В итоговом варианте эпитет *белый* уходит, уступая место другим репрезентантам синтезированного звуком мотива плывущего/любви.

Корневая фоносиллабема ГVP в слове *река* – единственный не подхваченный повтором корневой сегмент первого стиха, расположенный в его динамической «впадине», далее становится вторым по частотности и совокупной силе (Σ 61.11) повтором, уступая только СТ-образному (*златые, стада, хрустальные* и т.д.), и во второй строфе занимает уже динамически сильные позиции, вовлекая в игру корневые морфемы стихов «играющего» подводного царства: *И шумя и крутятся, колебала река... / Долетал до крутых берегов... / Играет мерцание дня... / Там хрустальные есть города. / И там на подушке из ярких песков, / Под тенью густых тростников... / Расчесывать кольца шелковых кудрей / Мы любим во мраке ночей... / Целовали красавца не раз.* (Длительный опыт рефлексии автора статьи над звуками стиха подсказывает: в случае подобного «повисания» фоносиллаба, согласно тыняновскому закону взаимодействия периферийных и центрированных элементов в стихе, следует заподозрить в нем скрытый генератор новой звуковой темы, готовый в дальнейшем выдвинуться на ведущую роль, – именно так происходит в «Русалке».) Заметим, что в первоначальной редакции предпоследняя строка повторяла пятую: *И шумя и крутятся, колебала река...*, но в версии 1836 г. «круговорот» уходит: *крутятся* заменяется на эквивалентно близкое *катясь* (звуковой минус-прием), и река, видимая с поверхности, уже безразлично катится.

Отметим и некоторые локальные лексикализованные повторы-сближения за пределами 1 строфы: ... *На дне у меня / Играет мерцание дня... / Под тенью густых тростников... / Остается он хладен и нем; / Он спит, - и склонившись...* В редакции 1836 г. строка *Под тенью густых тростников* звучала как *Завернут в [холодный] [прозрачный] студеной покров*, сохраняя преемственность звукового образа. К тому же, в последней строфе было: *Так пела русалка и пела одна / Непонятной печали полна.* Излюбленные Лермонтовым слово *один* с его производными – концептуально базовые для его языка и чрезвычайно частотные в его речи – в варианте 1832 г., таким образом, были даны эксплицитно, а в окончательной редакции «утоплены» и представлены в виде звуковой темы.

Мало кто сомневается, что звучание стиха (слышимое нами беззвучно) – это то, благодаря чему стих становится поэзией, и что важно это не само по себе, а как необходимое условие понимания стиха, смысла текста. Немногие сомневаются в том, что звуковую организацию стиха создает повтор, особые

формы комбинирования, распределения и ассоциирования звуков и звуковых рядов тексте в соответствии с их качеством и строением. Но 2 ключевых вопроса остаются малопроясненными. Первый – *что* именно повторяется как художественно значимое, *что* считать основной единицей повтора. Второй – *что значат* эти повторы, как, каким образом прямо или опосредованно они служат *созданию стиха*, рождению эстетической *эмоции*, поэтического *смысла*. Бесконечное множество работ, касающихся (обычно слегка и мимоходом) звуковой организации стиха (при особой излюбленности этого мотива подборниками «целостного» анализа произведений), страдают, с одной стороны, *отсутствием единых критериев* в подходах к выявлению конструктивно значимых звуковых элементов, в том числе в пределах одного стихотворения или даже отрывка; а с другой – *произвольностью в толковании роли* звуковых повторов и контрастов вообще и в конкретном тексте.

В этой статье мы не столько напрямую обсуждали значение и значимость звуковых средств, но в основном старались указать на направления их возможной интерпретации в конкретных случаях, с учётом тех функций повтора, которые перечислены выше.

Главное, к чему мы стремились, – было продемонстрировать «работу» силлабоцентрического подхода к звукам стиха, который воплощен в программе Phonotext. Показать, что программа оказывается хорошим помощником в чтении и толковании текста, помогает увидеть и услышать то, что наш читательский слух интуитивно воспринимает как важное, но что ум не всегда сознает и «выхватывает» в тексте. Пытались показать, что «эвфонический шедевр» Лермонтова – это конкретные формы звукового повтора, выделяемые на строгих основаниях.

Функционал программы пока не позволяет решать многих важных исследовательских задач. Она не выявляет ассонанса, не выделяет эквифонический слой повторов и целый ряд частных феноменов, которые описаны в рамках силлабоцентрической концепции звуковой организации стиха [Векшин, 2006 и др.]. Но тот слой, который программа способна считывать, – слой метафонии, повтора «гибких», инвертируемых и акцентно варьируемых слогаобразных звуковых единств, фоносиллабов и фоносиллабических комплексов, кажется, при внимательном его рассмотрении позволяет увидеть как раз то, что производит сильное впечатление на читателя, является источником «звуковой магии» стихотворения и ведет к формированию его смысла, причем увидеть последовательно, без того, чтобы произвольно менять правила анализа уже в его процессе.

Программа Phonotext постоянно дорабатывается, ее возможности расширяются. Но воспользоваться ею есть смысл уже сейчас.

Литература

Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова. 2 // М. Ю. Лермонтов в русской критике: Сб. статей. / Вступ. статья и примеч. Д. Зонова. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. С. 124–196.

Брик О.М. Звуковые повторы (Анализ звуковой структуры стиха) / Предисл. и коммент. Г.В. Векшина // Методология и практика русского формализма: Бриковский сборник. Вып. II. М.: Азбуковник, 2014. С. 503–563.

Векшин Г.В. Взгляды О.Брика на звуковой повтор и фonosиллабика стихотворного текста // Поэтика и фоностилистика: Бриковский сборник. Вып. 1: материалы международной научной конференции «I-е Бриковские чтения: Поэтика и фоностилистика». М.: МГУП, 2010. С. 129–152.

Векшин Г.В. Звуковая форма «Медного всадника» – по версии Н.А.Кожевниковой и на выходе программы Phonotext // Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования. М.: Азбуковник, 2016. С. 776–792.

Векшин Г.В. Очерк фоностилистики текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования. М.: МГУП, 2006. 462 с.

Векшин Г.В. Рифма – внутренняя рифма – аллитерация (силлабоцентрический взгляд) // Славянский стих. IX. М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2012. С. 152–164.

Векшин Г.В. Фonosиллабема – элементарная операциональная единица творческой языковой способности (поэзия, детская речь, языковая игра) // Лингвистика креатива-4: монография / под общей ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2018. С. 49–74.

Векшин Г.В. Когда приступим к подсчётам? (К дискуссии о формах и функциях звукового повтора и методах его изучения) // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 268–277.

Векшин Г.В. Метафония в звуковом повторе (к поэтической морфологии слова) // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 229–250.

Векшин Г.В., Герцев М.Н., Лоскот Я.Е. Автоматическое выявление звуковых повторов в стихе: реализация силлабоцентрического подхода в программе Phonotext // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 13. № 3. С. 690–720.

Векшин Г.В., Лоскот Я.Е. Набоков и Мандельштам: два типа звуковой техники (На материале данных веб-сервиса Phonotext // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: материалы XX Международ-

ной научной конференции / отв. ред. А.В. Пузырёв. М.: МПГУ, 2020. С. 137–143.

Григорьев В. П. Поэтический язык // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.» М.: Сов. Энцикл., 1981. С. 441–444.

Ермоленко, С.И. Мифологические баллады М.Ю. Лермонтова // Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX – начала XX веков. Свердловск, 1986. С. 22–33.

Зубова Л.В. Звуки поэзии (К статье Г.В. Векшина «Метафония в звуковом повторе») // НЛО. 2008. № 2.

Лермонтов М. Ю. Стихотворения, 1832–1841: Варианты // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); ред. Н.Ф. Бельчиков, Б.П. Городецкий, Б.В. Томашевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 2. Стихотворения, 1832–1841. 1954. С. 269–270.

Лоскот Я.Е., Савицкая Я.А. К эвристике электронного издания. Веб-сервис «Фонотекст» как тренажер восприятия стихотворения на уровне его звуковой композиции // Книга в современном мире: материалы VIII всероссийской научной конференции / науч. ред. Ж.В. Грачева. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020.

Муравьев С.Н. Скрытая гармония: Подготовительные материалы к описанию поэтики Гераклита на уровне фонем // Палеобалканистика и античность. М., 1989. С. 145–164.

Мусиенко С.Ф. Русалка как герой литературы романтизма (Гейне – Лермонтов – Богданович) // Лермонтов М.Ю. в культуре западных и южных славян: сборник статей / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 263–276.

Назарова Л.Н. «Русалка» // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.» М.: Сов. Энцикл., 1981. С. 480–481.

Национальный корпус русского языка. Поэтический корпус. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения: 09.07.2021).

Немзер А.С. Песня без слов. Михаил Лермонтов. «Русалка». 1832 // Национальная премия «Поэт»: визитные карточки. М.: Время, 2010. С. 204–215.

Николаева Т.М. Какова функция повторов в тексте? // Слова. Концепты. Мифы / отв. ред. Г.К. Венедиктов. М.: Индрик, 2011. С. 275–288.

Николаева Т.М. Функциональная нагрузка повторов и антитез в одном стихотворении // От значения к форме, от формы к значению: сб. статей к 80-летию А.В. Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 415–431.

Словарь рифм М.Ю. Лермонтова. Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова / под ред. В.В. Бородина, А.Я. Шайкевича; сост. А.А. Авдеева, В.В. Бородин и др. // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. Энцикл., 1981. С. 665–774.

Толстая Е.Д. Звукопись у Толстого // Толстая Е.Д. Игра в классики. Русская проза XIX–XX веков. М.: НЛО, 2017.

Фет А.А. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. 461 с.

Эйхенбаум Б. М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л.: Гос. изд-во, 1924. 168 с.

Эйхенбаум Б. Казанская тетрадь Лермонтова // М.Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1948. Кн. II. С. 3–10.

Phonotext: веб-сервис. // Система автоматического выявления и измерения звуковой связности текста Phonotext. URL: <http://www.syllabica.com/phonotext/> (дата обращения: 01.08.2021).

Vekshin G., Barash O. Some Characteristics of Sound Patterns in English Verse. In Quantitative Approaches to Versification / Petr Plecháč, Barry P. Scherr et al. (eds.). Praha: Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences, 2019. Pp. 11–22.

References

Belinskij V. G. Stihotvoreniya M. Lermontova. 2 // М. Yu. Lermontov v russkoj kritike: Sb. statej. / Vstup. stat'ya i primech. D. Zonova. М.: Gos. izd-vo hudozh. lit., 1955. S. 124–196.

Brik O.M. Zvukovye povtory (Analiz zvukovoj struktury stiha) / Pre-disl. i komment. G.V. Vekshina // Metodologiya i praktika russkogo forma-lizma: Brikovskij sbornik. Vyp. II. М.: Azbukovnik, 2014. S. 503–563.

Vekshin G.V. Vzglyady O.Brika na zvukovoj povtor i fonosillabika stihotvornogo teksta // Poetika i fonostilistika: Brikovskij sbornik. Vyp. 1: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «I-e Brikovskie chteniya: Poetika i fonostilistika». М.: MGUP, 2010. S. 129–152.

Vekshin G.V. Zvukovaya forma «Mednogo vsadnika» – po versii N.A.Kozhevnikovoj i na vyhode programmy Phonotext // Yazyk hudozhestvennoj

literatury: tradicionnyye i sovremennyye metody issledovaniya. M.: Azbu-kovnik, 2016. S. 776–792.

Vekshin G.V. Ocherk fonostilistiki teksta: zvukovoj povtor v perspektive smysloobrazovaniya. M.: MGUP, 2006. 462 s.

Vekshin G.V. Rifma – vnutrennyaya rifma – alliteraciya (sillabocentricheskij vzglyad) // Slavyanskij stih. IX. M.: Rukop. pamyatniki Drevnej Rusi, 2012. S. 152–164.

Vekshin G.V. Fonosillabema – elementarnaya operacional'naya edinica tvorcheskoj yazykovoj sposobnosti (poeziya, detskaya rech', yazykovaya igra) // Lingvistika kreativa-4: Kollekt. monografiya / pod obshchej red. T.A. Gridi-noj. Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», 2018. S. 49–74.

Vekshin G.V. Kogda pristupim k podschyotam? (K diskussii o formah i funkciyah zvukovogo povtora i metodah ego izucheniya) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 90. S. 268–277.

Vekshin G.V. Metafoniya v zvukovom povtore (k poeticheskoj morfologii slova) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 90. S. 229–250.

Vekshin G.V., Gercev M.N., Loskot Ya.E. Avtomaticheskoe vyyavlenie zvukovyh povtorov v stihe: realizaciya sillabocentricheskogo podhoda v pro-gramme Phonotext // Vestnik RUDN. Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2021. T. 13. № 3. S. 690–720.

Vekshin G.V., Loskot Ya.E. Nabokov i Mandel'shtam: dva tipa zvukovoj tekhniki (Na materiale dannyh veb-servisa Phonotext // Yazyk i myshlenie: Psichologicheskie i lingvisticheskie aspekty: materialy XX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii... / Otv. red. A.V. Puzyryov. M.: MPGU, 2020. C. 137–143.

Grigor'ev V. P. Poeticheskij yazyk // Lermontovskaya enciklopediya / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom); Nauch.-red. sovet izd-va «Sov. Encikl.» M.: Sov. Encikl., 1981. S. 441–444.

Ermolenko, S.I. Mifologicheskie ballady M.Yu.Lermontova // Problemy stilya i zhanra v russkoj literature XIX – nachala XX vekov. Sverdlovsk, 1986. S. 22–33.

Zubova L.V. Zvuki poezii (K stat'e G.V. Vekshina «Metafoniya v zvukovom povtore») // NLO. 2008. № 2.

Lermontov M. Yu. Stihotvoreniya, 1832–1841: Varianty // Lermontov M. Yu. Sochineniya: V 6 t. / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. dom); Red. N. F. Bel'chikov, B. P. Gorodeckij, B. V. Tomashevskij. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1954–1957. T. 2. Stihotvoreniya, 1832–1841. 1954. S. 269–270.

Loskot Ya.E., Savickaya Ya.A. K evristike elektronnoho izdaniya. Veb-servis «Fonotekst» kak trenazher vospriyatiya stihotvoreniya na urovne ego zvukovoj kompozicii // Kniga v sovremennom mire: materialy VIII vserosijskoj nauchnoj

konferencii / nauch. red. Zh.V. Gracheva. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS, 2020.

Murav'ev S.N. Skrytaya garmoniya: Podgotovitel'nye materialy k opi-saniyu poetiki Geraklita na urovne fonem // *Paleobalkanistika i antich-nost'*. M., 1989. S. 145–164.

Musienko S.F. Rusalka kak geroj literatury romantizma (Gejne – Ler-montov – Bogdanovich) // *Lermontov M.Yu. v kul'ture zapadnyh i yuzhnyh sla-vyan. Sbornik statej / Otv. red. L.N. Budagova*. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2016. S. 263–276.

Nazarova L.N. «Rusalka» // *Lermontovskaya enciklopediya / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom); Nauch.-red. sovet izd-va «Sov. Encikl.»* M.: Sov. Encikl., 1981. S. 480–481.

Nacional'nyj korpus ruskogo yazyka. Poeticheskij korpus [Elektron-nyj resurs]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (data obrashcheniya: 09.07.2021).

Nemzer A.S. Pesnya bez slov. Mihail Lermontov. «Rusalka». 1832 // *Nacional'naya premiya «Poet»: vizitnye kartochki*. M.: Vremya, 2010. S. 204–215.

Nikolaeva T.M. Kakova funkciya povtorov v tekste? // *Slova. Koncepty. Mify / Otv. redaktor G.K. Venediktov*. M.: Indrik, 2011. S. 275–288.

Nikolaeva T.M. Funkcional'naya nagruzka povtorov i antitez v odnom stihotvorenii // *Ot znacheniya k forme, ot formy k znacheniyu: Sb. statej k 80-letiyu A.V.Bondarko*. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2012. S. 415–431.

Slovar' rifm M. Yu. Lermontova. Chastotnyj slovar' yazyka M. Yu. Lermontova / Pod red. V. V. Borodina, A. Ya. Shajkevicha; Sost. Avdeeva A.A., Borodin V.V. i dr. // *Lermontovskaya enciklopediya*. M.: Sov. En-cikl., 1981. S. 665–774.

Tolstaya E.D. Zvukopis' u Tolstogo // *Tolstaya E.D. Igra v klassiki. Ruskaya proza XIX-XX vekov*. M.: NLO, 2017.

Fet A.A. Sochineniya: v 2 t. / A.A. Fet. M.: Hudozh. lit., 1982. T. 2. 461 s.

Ejhenbaum B. M. Lermontov: Opyt istoriko-literaturnoj ocenki. L.: Gos. izd-vo, 1924. 168 s.

Ejhenbaum B. Kazanskaya tetrad' Lermontova // *M. Yu. Lermontov / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom)*. M.: Izd-vo AN SSSR, 1948. Kn. II. S. 3–10.

Phonotext: veb-servis. [Elektronnyj resurs] // *Sistema avtomaticheskogo vy-yavleniya i izmereniya zvukovoj svyaznosti teksta Phonotext*. URL: <http://www.syllabica.com/phonotext/> (data obrashcheniya: 01.08.2021).

Vekshin, G., Barash, O. Some Characteristics of Sound Patterns in English Verse. In *Quantitative Approaches to Versification / Petr Plecháč, Barry P.*

Scherr et al. (eds.). Praha: Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences, 2019. Pp. 11–22.

*Канд. филол. наук С.Б. Кураш,
магистр пед. наук В.И. Марцинкевич (Мозырь, Беларусь)
text2005@mail.ru ; vera.martsinkevich@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДЕТСКОГО И МАТЕРИНСКОГО
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА АНАТОЛИЯ БУТЕВИЧА
«БЕСКРЫЛЫЙ АНГЕЛ»)

Аннотация. В статье анализируются особенности репрезентации концептов «ребёнок» и «мать» и способы их языкового воплощения в художественном тексте (на примере рассказа Анатолия Бутевича «Бескрылый ангел»). Рассказ строится на неожиданной для белорусской литературы концептуальной оппозиции “ребёнок” (стремящийся к жизни) – “мать” (убийца своего неродившегося ребёнка”).

Ключевые слова: концепт, концептуальная оппозиция, художественный текст, детство, материнство, нравственный идеал.

*Candidate of Philological Sciences S.B. Kurash,
Master of Pedagogy V.I. Martsinkevich (Mozyr)*

CONCEPTUALIZATION OF *CHILD* AND *MATERNAL*
IN A LITERARY TEXT
(USING THE EXAMPLE OF ANATOLY BUTEVICH'S SHORT STORY
"THE WINGLESS ANGEL")

Abstract. The article analyzes the features of the representation of the concepts "child" and "mother" and the ways of their linguistic embodiment in a literary text (using the example of Anatoly Butevich's story "Wingless Angel"). The story is based on the conceptual opposition of the “child” (striving for life) – “mother” (the killer of her unborn child”), which is unexpected for Belarusian literature.

Key words: concept, conceptual opposition, artistic text, childhood, motherhood, moral ideal.

Большинству исследователей концепт представляется в виде многослойного образования, структуру которого составляют центр и периферия. В.А. Маслова отмечает, что «ядро – это словарные значения той или иной лексемы. Именно материалы словарей (толковых, этимологических, энциклопедических) дают исследователю большие возможности в плане раскрытия содержания концепта, в выявлении его языкового выражения. Периферия – это субъективный опыт, разные прагматические составляющие ядерной лексемы, коннотации и ассоциации [Маслова, 2004, с. 45].

В данной статье нами рассмотрены особенности репрезентации концепта «ребёнок» и способы его языкового воплощения в художественном тексте одного из современных белорусских авторов.

Образ ребенка является центральным в произведении, типичный признак концепта «ребёнок» – это безусловная тесная связь ребенка с матерью. Рядом с матерью ребенок чувствует особую защищенность и абсолютную гармонию с миром: *“Як жа добранька слухаць нам гэтае суладдзе. Як цёпленька мне ў хатцы-калысцы, як утульненька”* [Бутэвіч, 2004, с. 22]. Внутренний голос ребенка звучит мягко, нежно, ласково, что подчеркивается словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *кывіначка, пасцелька, душачка, хатка, добранька, цёпленька, утульненька* и др. Связь матери с ребёнком подчеркивается использованием сравнительной конструкции *«мая маці – гаспадыня майго ўтробнага жытла»*.

В репрезентации данного концепта косвенно задействованы и другие лексические единицы: вариативный деривационный ряд с доминантой лексемы ‘мама’ – *маці, мамачка, матуля, матулечка*; однокоренные слова: *“Спадзяюся на разуменне роднай мне асобы, якую называць буду мамай... І тады мы параднімся яшчэ больш. Хоць, здаецца мне, мы і зараз родныя. Радней няма на свеце”*; притяжательные местоимения: *“мая ты матулечка”, “матулечка мая родная”, “мамачка мая неспазнаная”, “твая кроў пульсуе ўва мне”*; упоминание о *родителях*, глаголы *родить, вскормить*. Эти элементы контекста также воплощают устойчивые национально-культурные смыслы концепта – связь с идеями рождения и вскармливания.

Философичность идейного содержания определяется уже в самом названии *“Бяскрылы анёл, або непачутая скарга ненароджанага дзіцяці”* (“Бескрылый ангел, или неслышанная жалоба нерожденного ребенка”). В данном библиониме три ключевых слова: *ангел, жалоба, ребенок*. Но значение подобранных к ним эпитетов отличается определенной

противоречивостью и парадоксальностью. Обратимся к толковому словарю белорусского литературного языка (в переводе).

Ангел – в религиозных представлениях: сверхнатуральное существо, служитель Бога и его посланец к людям (изображается в виде крылатого мальчика) [Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы, 2005, с. 58].

Жалоба – выражение неудовлетворения, нареkanie по причине неприятностей [Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы, 2005, с. 601].

Ребенок – совсем маленький мальчик или девочка [Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы, 2005, с. 178].

Закономерно возникают вопросы: почему у ангела нет крыльев? Почему жалоба никем не услышана? Почему ребенок не родился?

В контексте происходит художественная интерпретация тайны рождения человека, осуществляется попытка осмыслить эволюционный путь от «ничто» к личности: Нечто – Оно – Ребенок – Человек – Я – Личность.

В рассказе ярко проявляется философский смысл концепта “ребенок”, касающийся, в первую очередь, детского мировосприятия, что эксплицируется в тексте вербально: *«пачаўся адлік новага жыцця, якому яшчэ патрэбна было спраўдзіцца і аб’явіцца; жывы камячок... уяўляў новы ўзровень матэрыі. Ён стаў жывой істотай; ніхто ж і не здагадаецца, што я ёсць, што я жыву. Не ведае і тая, ва ўлонні якой я пачынаю шлях у жывы свет; Я гукаю. Аб’яўляю, што я ёсць, што я жыву».*

Характерно, что в устном поэтическом творчестве белорусского народа оценка женщины происходила через призму материнства. Даже белорусский орнамент имеет определенный символ – символ матери.

Образ матери в рассказе современного белорусского автора приобретает совсем иное содержание. Та, кто по природе человеческой должна оберегать, защищать и охранять, является убийцей. Она идет на осознанное убийство еще не рожденного ею ребенка, не испытывая при этом никакого чувства вины за собственные намерения, действия и поступки.

Мотив неоправданной смерти звучит не только как предчувствие собственной физической гибели, но и как духовной гибели матери: *«Нашто ж, мамачка мая неспазнаная, выстуджваеш ты гэтую хатку? Чаму халоднай злосцю ледзяніш маю душу? Хіба ж не выстыне і твая душачка, мая ты матулечка?»* Усиливается эффект трагичности употреблением слов *выстуджваеш, выстыне*, которые расширяют синонимический ряд.

Окружающая действительность показана через призму взгляда ребенка, а риторическая условность обращений оправдана его желанием найти ответы на волнующие вопросы. Ребенок задает вопросы самому себе, матери, Высокому духу.

Адресат	Вопросы	Ответы
Ребенок	<i>Няўжо хацела яна, каб патухла свечка майго жыцця? Навошта дабываць дзіця, калі яно такое нямілае? Няўжо будзе смяяцца мая маці, а мяне не будзе?</i>	<i>Балюча мне, што да донца душы высахла твая дабрыня</i>
Мама	<i>Чаму губіш ты маё няспраўджанае жыццё? Чаму атрутная горыч запаланіла тваё нутро? Чым жа ўгнавіла я цябе? Чым не дагадзіла таб? Хіба ты не чуеш, як я прагну ўбачыцца з табой?</i>	<i>Ды маўчала мая маці. Ды непачутымі заставаліся мае маленні і просьбы.</i>
Высокий дух	<i>Чаму прага пустых уцех закланіла ў ей мацярынскую ласку? Чаму мушу называць мамай жанчыну, якая забівае мяне? Чаму завешся Высокім духам, калі дазваляеш такое?</i>	<i>Але маўчаў Высокі дух. І не меншлі мае пакуты. Не з'яўляўся прабліск дабрыні ў маёй маці.</i>

Осознание совершенного преступления происходит на эмоциональном уровне через чувства маленького Человека. Его не покидает желание понять и оправдать намерения матери. Но все бессмысленно. И только обращение к Высокому духу остается единственной возможностью избавиться от страданий: *Высокі дух! Ты ўганараваў мяне сваёй ласкай. Ты даў мне душу... Будзь жа збавіцелем маім, Высокі дух. Аслані сваёй збаўчай літасцю свет, у якім пануюць людзі* [Бутэвіч, 2004, с. 24]. Ребенок словно расширяет рамки мирского существования, обретая вечность.

Таким образом, концепт “ребенок” в художественном произведении современного белорусского писателя представлен как воплощение нравственного идеала, стоящего выше мира взрослых.

Литература

Бутэвіч А. Бяскрылы анёл, або непачутая скарга ненароджанага дзіцяці // Маладосць. 2004. № 4. С.20–25.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Минск: Тетра-Системс, 2004. 256 с.

Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: Больш за 65 000 слоў / Пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко; Афармленне А. М. Хількевіча. 4-е выд. Мінск.: БелСЭ, 2005. 784 с.

References

Butevich A. The wingless angel, or the unheard complaint of an unborn child // *Maladosts. [Youth]*. 2004. No. 4. Pp. 20-25.

Maslova V. A. *Cognitive linguistics: textbook. manual*. Minsk: Tetrasystems publ., 2004, 256 p.

Explanatory dictionary of the Russian literary language: more than 65,000 words / edited by M. G. Sudnik, M. N. Krivko; Design by A. N. Khilkevich. 4th ed. - Minsk.: BelSE, 2005. 784 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арынбаева Римма Ануарбековна. Кандидат филологических наук, доцент. Докторант Южно-Казахстанского государственного педагогического университета (Шымкент, Казахстан). Email: *rimma10.69@mail.ru*

Батигова Анжелика Артуровна. Магистр образовательного частного учреждения высшего образования «Московская международная академия» (Москва). Email: *miss.reddl@yandex.ru*

Беседина Елена Ивановна. Кандидат филологических наук, доцент, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (С.-Петербург). Email: *elivbesedina@mail.ru*

Бойченко Людмила Васильевна. Кандидат филологических наук, доцент. Директор Покровского филиала Московского педагогического государственного университета (Покров). Email: *f_pokrov@mpgu.su*

Векшин Георгий Викторович. Доктор филологических наук, профессор. Профессор Московского политехнического университета (Москва), профессор Санкт-Петербургского гос. ун-та. Email: *philologos@yandex.ru*

Гагаев Павел Александрович. Доктор педагогических наук, профессор. Профессор Пензенского государственного университета (Пенза). Email: *gagaevp@mail.ru*

Дмитрюк Наталья Васильевна. Доктор филологических наук, профессор. Профессор кафедры русского языка Южно-Казахстанского государственного педагогического университета (Шымкент, Казахстан). Email: *nvdmitr@yandex.ru*

Зацепина Елена Александровна. Кандидат филологических наук, доцент. заведующий кафедрой русского и иностранных языков Государственного университета по землеустройству (Москва). Email: *myshila@mail.ru*

Зеленкова Татьяна Владимировна. Кандидат психологических наук, доцент. Доцент Государственного гуманитарно-технологического университета (Орехово-Зуево). Email: *tzelenk@mail.ru*

Карабулатова Ирина Советовна. Доктор филологических наук, профессор. Ведущий научный сотрудник Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва). Email: *radogost2000@mail.ru*

Клейберг Юрий Александрович. Доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор. Президент Академии Национального образования и науки. Лауреат Государственной премии Правительства РФ в области образования, профессор, академик РАЕН (Тверь). Email: *klab53@rambler.ru*

Кузьмич Ирина Васильевна. Кандидат филологических наук, доцент. Доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (С.-Петербург). Email: *irinakuzmich@inbox.ru*

Кунгурцев Артём Александрович. Студент Покровского филиала Московского педагогического государственного университета (направление «Русский язык и Иностранный язык (английский)»). Email: *kungurtsevartem2018@yandex.ru*

Кураш Сергей Борисович. Кандидат филологических наук, доцент. Доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина (Мозырь, Беларусь). Email: *text2005@mail.ru*

Марцинкевич Вера Ивановна. Магистр педагогических наук, методист Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина (Мозырь, Беларусь). Email: *vera.martsinkevich@mail.ru*

Мукина Ольга Геннадьевна. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры дошкольного, начального образования и методик преподавания общеобразовательных дисциплин ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова». Email: *mukina_o@mail.ru*

Мухаммад Людмила Петровна. Доктор педагогических наук, профессор. Профессор Московского государственного лингвистического университета (Москва). Email: *ludmilamuh@mail.ru*

Мыскин Сергей Владимирович. Доктор филологических наук, кандидат психологических наук, доцент. Профессор Московского городского педагогического университета (Москва). Email: *myskinsv@yandex.ru*

Никитина Елена Сергеевна. Кандидат филологических наук, доцент. Доцент кафедры журналистики, рекламы и PR Московской финансово-юридической академии (Москва). Email: *m1253076@yandex.ru*

Ноланд Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент. Профессор Хьюстон Комьюнити Колледжа (Техас, США). Email: *natalia.noland@hccs.edu*

Осьмушина Анастасия Андреевна. Кандидат философских наук, доцент. Докторант Мордовского государственного университета (Саранск). Email: *98761985@mail.ru*

Пузырев Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор, кандидат психологических наук. Профессор кафедры гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин Покровского филиала Московского педагогического государственного университета (Покров). Email: *puzyrev-a-v@yandex.ru*

Родионова Инесса Геннадьевна. Доктор филологических наук, доцент. Доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Пенза). Email: *Inessa96@bk.ru*

Седёлкина Юлия Георгиевна. Кандидат педагогических наук, доцент. Доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» (С.-Петербург). Email: *y.sedelkina@spbu.ru*

Соколова Вера Леонидовна. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры стилистики английского языка Московского государственного лингвистического университета (Москва). Email: *sokolova_mglu@mail.ru*

Трухановская Наталья Сергеевна. Кандидат филологических наук; доцент. Исполняющая обязанности ректора Института русского языка им. А.С. Пушкина (Москва). Email: natalya.trukhanovskaya@gmail.com

Флакман Мария Алексеевна. Кандидат филологических наук, доцент. Доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» (С.-Петербург). Email: maria.flaksman@uni-jena.de

Хисамова Галия Гильмулловна. Доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета (Уфа). Email: galiya.khisamova@yandex.ru

Цинь Мэн. Аспирантка кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (Москва, Россия – Шаньдун, Китай). Email: 3063211605@qq.com

Шамина Елена Анатольевна. Кандидат филологических наук. Доцент Санкт-Петербургского государственного университета (С.-Петербург). Email: e.shamina@spbu.ru

Шафикова Зульфира Хасановна. Кандидат педагогических наук, доцент. Руководитель учебной мастерской по социализации и реабилитации детей с ОВЗ (Москва). Email: shafikova.1959@mail.ru

Шмелькова Вера Викторовна. Доктор филологических наук, доцент. Профессор Пензенского государственного университета. Email: vshmelkova@rambler.ru

Научное издание

**Язык и мышление:
психологические и лингвистические аспекты**

Тезисы и материалы XXII Международной научной конференции,
посвящённой 150-летию Московского педагогического
государственного университета
и 70-летию со дня рождения профессора А. А. Гагаева

г. Покров, 14–16 сентября 2022 г.

Под общей редакцией А. В. Пузырева

Электронное издание сетевого распространения

Ответственный редактор *А. В. Пузырёв*

e-mail: puzyrev-a-v@yandex.ru

Электронный набор *А. В. Владимиров*

Компьютерная вёрстка *А. В. Владимиров*

Статьи печатаются в авторской редакции

Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактических материалов,
корректность цитирования и правильность указания источников

Московский педагогический государственный университет (МПГУ).

119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

Управление издательской деятельности

и инновационного проектирования (УИД и ИП) МПГУ.

119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 88, оф. 446,

Тел.: +7 (499) 730-38-61; e-mail: izdat@mpgu.su

Подписано к публикации: 10.09.2022.

Усл. п. л. 25,29. Заказ № 1317.

ISBN 978-5-4263-1138-1

9 785426 311381